

ЛЕОНИД
КУЗНЕЦОВ

«ДИКИЕ ГУСИ»
НА
МУТНОЙ
ВОДЕ

**ЛЕОНИД
КУЗНЕЦОВ**

**«ДИКИЕ ГУСИ»
НА
МУТНОЙ
ВОДЕ**

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1980**

— Они убивали детей, — Паскуаль Перес Гомес перевел дыхание, — ножом... или... просто, размахнувшись о стену...

Это свидетельство наемника. Оно было сделано во время суда, проведенного участниками XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване. Суд назывался «Молодежь обвиняет империализм».

В одном из документов сказано: империализм как система является источником социальных, экономических, политических, культурных пороков и несчастий. Эта система порождает массовую безработицу, неграмотность, наркоманию, проституцию, алкоголизм, насилия и преступления. Империализм истребляет человеческие ресурсы, насаждает террор, покушается на законные правительства, совершает преступления против молодежи.

Одним из порождений этой системы является наемничество.

Наступили 80-е годы XX века. Человечество благодаря усилиям социалистических стран, всех прогрессивных сил многого добилось в борьбе за равенство, справедливость, в борьбе за мир. Но перед ним еще много проблем. Одна из них — ликвидация наемничества. Институт, рожденный в далеком прошлом, продолжает существовать. И сегодня, читатель, когда ты возьмешь эту книгу, газеты или радио могут сообщить об очередной вылазке «диких гусей».

К $\frac{11100-140}{078(02)-80}$ 037-80. 0302030105

ЧУЖИМИ
РУКАМИ

ОТ КАРАВЕЛЛ ДО КАНОНЕРОВ

На голубой яхте, покоившейся на голубых волнах Атлантики, я увидел старинную географическую карту. Что есть на земном шаре, можно было легко представить по рисункам. Немало их красовалось в контурах Африканского континента: слоны, крокодилы, обезьяны, бегемоты, бананы... у берегов над лазурной волной красовались головы рыб... А вот караван верблюдов. Ниже другой караван из... невольников. Золото Золотого берега обозначалось яркой желтой полоской, а также массивными браслетами, украшавшими руки изображенных рядом африканок. По другим рисункам можно было догадаться, где добываются серебро, бронза, драгоценные камни.

И неудивительно, если такая искусно выполненная карта заставила португальского инфанта Энрике снарядить в Африку экспедицию. Инфант знал, что капитаны быстрых и крепких судов, ходивших по морям и океанам под флагом с большим красным крестом, не подведут...

В один из дней 1444 года прибыл гонец. Оглядев собравшихся по этому случаю инженеров, картографов, астрономов и военачальников, Энрике сломал сургучные печати: командир экспедиции сообщал, что на африканском берегу открыт еще один мыс, который может служить еще одной отправной точкой для походов в глубь континента. По мере того как инфант читал депешу, «оживали» обозначенные на карте вокруг Зеленого Мыса богатства. Часть их — слоновая кость, золото, серебро — должна попасть в кованые сундуки инфанта. Поэтому Энрике не смог сдержать восторга: «Ах, как замечательно!» И на проложенный маршрут вышли новые каравеллы с купцами и солдатами.

Из массы авантюристов, охотников до чужого добра, порожденных эпохой первоначального накопления, выкристаллизовалась колониальная прослойка, представители которой стали считать себя хозяевами континента.

Вот Сесил Родс. Сын бедного пастора, брат пьяницы, умершего от алкоголя, Родс приехал в Южную Африку в 1870 году. Говорят, он покинул Лондон, чтобы поправить слабое здоровье. Но это неправда. Он пустился в далекое путешествие за деньгами.

Сесил Родс скрупулезно и внимательно изучал все, что касается Африки. Рассказы моряков, фантастические превращения бедняка в богача будоражили душу. Глядя на рисунки и карты путешественников, он представлял Африку как гигантскую кладовую с сокровищами, к которой нужно только суметь подобрать свой ключ.

Делец приехал в Кимберли в 1872 году. Расправившись с несколькими конкурентами (одних обманув, других отправив на тот свет), Сесил Родс приобрел акции алмазных рудников и основал компанию «Де Бирс». Изворотливость, беспринципность, жестокость, изобретательность — вот орудия Родса в борьбе за богатства. Но главным была жестокость. На шахтах и приисках Родса труд рабочего стоил гроши, жизнь же его не стоила ничего. Чтобы расправляться с недовольными, нужна власть, пужно беспрекословное повиновение африканцев. И то и другое обеспечивали войска королевы. Сесил Родс понимал, что его благополучие зависит от того, насколько крепкой и всеподчиняющей будет колониальная администрация. Король золота и алмазов сказал как-то королеве Великобритании Виктории: «Я делаю все возможное, чтобы увеличить владения Вашего величества». Для достижения этой цели магнат задумал даже создать тайное общество, главная задача которого определялась так: «распространение власти британской короны на весь мир». Следует добавить: «распространение власти» путем насилия.

Жестокие расправы над африканцами, нещадная эксплуатация людей — главное содержание политики европейских держав в Африке. Как указывал Ф. Энгельс, при капитализме насилие и порабощение служат средством для достижения цели, которая заключается в накоплении капитала и извлечении барыша.

Иноземное господство нанесло Африке колоссальный ущерб. В Мали известный африканский поэт Гауссу Диавара познакомил меня как-то с археологами, которые показали бронзовые фигурки красоты изумительной. «А ведь им почти двести лет, — заметил один из

участников раскопок, — и они лежали в земле, под развалинами сожженного города». Колонизаторы разрушили древнюю культуру, остановили развитие знаний. Под ударами завоевателей, в результате карательных операций были погребены целые цивилизации. В то же время колонизаторы старались сохранить те общества, которые находились на низших ступенях развития, сохранить отсталые традиции, обычаи, патриархальное мышление.

В одной из сказок писателя Бираго Диопа (за талант и мудрость его называют сенегальским Толстым) говорится о том, что африканские реки однажды стали красными от крови.

— Это «однажды», — грустно уточняет Гауссу Диавара, — повторялось у нас в Африке слишком часто. Краснели реки в Кении и Камеруне, Сенегале и Конго... везде. Самых сильных, самых умелых африканцев убивали. Одних убивали сразу — за протест, других непосильным трудом, третьих оставляли беззащитными перед болезнями, четвертых отправляли в рабство за океан.

Черные дни Африки сложились в черную эпоху...

...Как-то на улицы Дакара вышел отряд под флагом Военно-Морских Сил СССР. Уже у выхода из порта его ждала толпа людей — докеры, рыбаки, туристы. опережая отряд, она вытягивалась вдоль улиц навстречу «Маршу нахимовцев». Все чаще и чаще раздавалось приветливое: «Теранга!», что на языке волоф означает «Добро пожаловать!». Так встретили жители Дакара офицеров и матросов крейсера «Ленинград», эсминца «Скорый» и военного танкера «Чиникин», которые возвращались на Родину из Красного моря, где участвовали в очистке Суэцкого залива от израильских мин.

Не первый раз Дакар тепло приветствовал советских воинов, не в первый раз раздаются в их адрес слова, наполненные искренним чувством. Вот ставшие хрупкими от долгого лежания в архиве страницы газеты «Ревей». В номере за 11 августа 1944 года останавливает внимание набранное крупным шрифтом слово «Сталинград». Это рецензия на советский фильм, который демонстрировали в дакарском кинотеатре «Рекс». Автор рецензии пишет: «Сталинград — это не чудо. Это героическое выражение единой воли всего народа, который бо-

рется до последней капли крови за жизнь, защищая строй, который он выбрал».

17 сентября 1944 года в большом зале Торговой палаты Дакара состоялась лекция об СССР. Корреспондент газеты «Ревей» Г. Эчеверри в своем отчете подробно изложил сначала рассказ американского военного моряка Маргенштейна о героическом Мурманске, о том, как самоотверженно трудились для фронта жители советского Севера. Затем следовали свидетельства очевидцев.

Особенно большое впечатление, по мнению корреспондента, произвели документальные свидетельства господина Венделя Уилки, который побывал в Якутске. Он сам лично убедился, что бывшее царское захолустье превратилось в развитый край, где ликвидированы неграмотность и болезни, а главное, решен национальный вопрос. Подводя итоги впечатлениям очевидцев, инженер Баллестенд сделал вывод: «Из отсталой страны Россия за четверть века превратилась в передовую державу, поэтому она выдержала натиск Гитлера и его европейских сателлитов».

«Надо снять шляпу перед Советской Россией!» — так закончил репортаж Г. Эчеверри. Эти слова прозвучали более 30 лет назад, на континенте, который, казалось, был наглухо отрезан колониальной стеной от социалистической страны.

— Разгром фашизма, в победу над которым решающий вклад сделала страна Ленина, вселил в африканцев уверенность. Именно за эту уверенность мы бесконечно благодарны советским людям и их армии, — сказал молодой научный сотрудник Фундаментального института Черной Африки (ИФАН) господин Сек, помогавший мне разбирать архивные материалы времен второй мировой войны.

Пропаганда колониальных кругов распространяла в Африке клевету на Советский Союз, чернила социалистический строй и тех, кто шел во главе его строительства, — коммунистов. Но правда о днях, которые «потрясли мир», об успехах социализма пробивала дорогу в Африку. И вот уже вождей стихийных выступлений против колонизаторов сменяют люди, которые на своем знамени написали слово «социализм». Вскоре после Октябрьской революции съезд Интернациональной социалистической лиги Южно-Африканского Союза принял

Декларацию принципов, в которой говорилось: «Пользуясь оружием политической диктатуры, пролетариат разрушит все, что способствует угнетению масс, все учреждения капиталистического государства, суды, полицию, тюрьмы, вооруженную силу и уничтожит правительственную власть... Путь к осуществлению этого уже расчищен славной социалистической революцией в России, происшедшей 7 ноября 1917 года».

Во время первой мировой войны немало африканцев служило в европейских армиях, они узнали о революции на земле России от французских, английских, немецких товарищей. Более того, как сказали мне в дакарском культурном центре, были африканцы, которые в рядах Красной Армии сражались против войск Антанты.

Многое помогла понять и увидеть вторая мировая война. Уже сам факт, что Страна Советов громила самые черные, реакционные, расистские силы, заставил африканца по-новому посмотреть на мир. Во всяком случае, классовое чутье — чутье угнетенных — подсказывало ему: там, у северных морей, живет и борется их союзник. Разгром фашизма стал сильнейшим после Октябрьской революции ударом по колониальным империям. Они начали рушиться.

В первый же день пребывания отряда советских военных кораблей на эсминце «Скорый» пришли журналисты. Расположившись в кают-компании, они начали задавать вопросы:

— Как вас встретили в Африке, ведь до Дакара вы были на Маврикии?

— Встречали нас замечательно, — ответил командир отряда капитан 1-го ранга Л. Е. Двинденко. — Да вы в этом можете убедиться сами. Вот наша книга отзывов...

Открываем ее. Сразу обращает на себя внимание запись, сделанная энергичным почерком: «Всегда доставляло мне удовольствие посещение советских военных кораблей, а крейсера «Ленинград» особенно, ибо имя его очень близко нашим сердцам. Капитан и командир, а также матросы привезли нам дружбу советского народа, и мы очень рады этой взаимной дружбе. Я надеюсь, что капитан и его матросы вернутся к нашим берегам. Мы будем рады снова увидеть их. Премьер-министр государства Маврикий».

Ниже совсем короткая запись: «Благодарю за вашу кровь. Она спасла жизнь дочери».

— А это что такое? — спрашивают журналисты.

— Молодое государство Маврикий, — поясняет Л. Е. Двинденко, — испытывает большие трудности. Многого не хватает, в том числе и крови для переливания. Дело усугубляется и религиозным моментом — население острова состоит из исповедующих индуизм, христианство и ислам. И редко кто из них соглашается стать донором. В то же время христианин боится, что вдруг по его жилам потечет кровь мусульманина, и наоборот. Вот врачи госпиталя Порт-Луи и обратились к нашим военным морякам. 50 комсомольцев стали донорами. Так что мы тоже внесли свой личный вклад в дело излечения населения острова от болезней.

Опираясь на союзников, африканские страны строят новую жизнь. Трудное это дело. Очень много препятствий как внутренних, так и внешних. Либо сохранить, либо вернуть права на эксплуатацию их богатств пытаются сегодня потомки Сесиля Родса. И не только потомки. В Африку ринулся американский капиталист.

Через несколько веков после инфанта Энрике один из руководителей внешнеполитической службы Соединенных Штатов, Честер Боулс, подсчитав уже по другим, менее ярким, но гораздо более привлекательным картам африканские богатства (на долю Африки приходится 98 процентов алмазов, добываемых в капиталистическом мире, 70 — производства кобальта, 65 — золота, 42 — марганцевой руды, 25 процентов меди и урана) и восхитившись ими, скажет: «Если бы мы (американцы. — Л. К.) были лишены доступа к сырью в Азии, это нанесло бы нам серьезный ущерб, но мы все же смогли бы сохранить наш экономический рост. Но если бы мы в то же самое время были отрезаны от неистощимых естественных богатств Африки, в течение десяти лет мы столкнулись бы с серьезными трудностями, даже если бы мы могли располагать ресурсами Канады и Южной Америки».

Сказано яснее ясного. Речь на этот раз шла уже не о ковном сундуке. Бездонные стальные сейфы монополий не терпят вакуума. Они требуют наполнения миллиардными прибылями. В США есть люди, которые к этому требованию прислушиваются чутко. Один из них, генерал Дж. Браун, в бытность свою председателем ко-

митета начальников штабов заявил: «Соединенные Штаты заинтересованы в сохранении доступа к африканским сырьевым материалам...» Кстати, смертоносные белые грибы, уничтожившие Хиросиму и Нагасаки, выросли из африканского урана — задолго до трагедии большая его партия была отправлена монополией «Юнион миньер» из Катанги в США.

Чтобы пользоваться «африканскими кладовыми», монополии нуждаются в исполнителях. Летчик, бомбивший Хиросиму, один из них. Есть сотни, тысячи других, кто либо обеспечивает доставку африканского добра (директор «Юнион миньер» Э. Сенжер, обеспечивший ураном фабрикантов оружия массового уничтожения, был, например, награжден высшим американским орденом «За заслуги»), либо пользуется им и за это благодарен монополиям. В книге финансиста и политика Жака Алибера говорится, что каждая вторая чашка кофе, которую выпивает француз, африканская. Можно добавить, что до независимости Ангола поставляла американцу так же его каждую вторую чашку кофе. Что это значит?

Однажды (это было в небольшом американском городе Лексингтоне) местный газетчик, когда зашел спор об уровне жизни в государствах разных систем, подвел меня к буфету и сказал: «Видите, стакан ананасового сока стоит двадцать центов. Всего двадцать! Ведь дешево!»

Конечно, дешево. Но почему? Да потому, что ананасы закупают за границей, если брать Африку, по самым низким, самым несправедливым для африканцев ценам. Вот поэтому европеец с удовольствием берет кофе, не особенно задумываясь о своем кошельке. Вот поэтому же он предпочитает, чтобы больше строилось атомных станций — электроэнергия ее дешевле.

Как-то у Сани Суна Сидо во время беседы с журналистами вырвалось: «Недопустимо, чтобы в то время, когда ежегодно мы производим более тысячи тонн урана (почти весь он вывозится в Западную Европу), в 15 километрах от места добычи население Нигера гибло от голода».

«Недопустимо»?! — что это, бунт, требование перестроить экономические отношения Нигера с Западом? По всей вероятности, именно такие вопросы возникали у современных ценителей африканских богатств. Сани Суна Сидо возглавлял в правительстве Нигера мини-

ство развития, шахт и гидроресурсов. Он так же, как глава государства Аmani Диори, выступал с весьма умеренных позиций за ограничение appetитов монополий, за установление справедливых торговых и экономических отношений. И как бы в ответ ему один французский министр заявляет: «Мы потеряли бы миллионы и миллионы франков, если бы добыча урана в Нигере прекратилась». А другой министр добавил: «Известно, что обширные урановые запасы, которыми располагает Нигер, служат и все больше будут служить для снабжения французских ядерных электростанций».

Поэтому, констатировал журнал «Африка», во Франции внимательно следят (известно кто, прежде всего монополии. — Л. К.) за внутренней обстановкой Нигера, чтобы не допустить какого-либо неприятного для себя оборота дела. И когда, продолжает свою мысль журнал, президент Нигера Диори попытался повысить цену на уран, добываемый в районе Арлита, чтобы тем самым увеличить средства на здравоохранение, образование, укрепление независимой экономики, это было расценено как «неприятный оборот дела». Определенные круги надеялись, что переворот, в результате которого А. Диори сместили с поста президента (1974 г.), положит конец «бунтарским настроениям» нигерцев.

Защитники неокOLONиализма стремятся к тому, чтобы одни «средние американцы» или «средние англичане» не замечали того, чем занимаются монополии за границей, а другие «средние» стали бы надежными служащими монополий, старательными исполнителями их распоряжений. Монополистический капитал находит пособников или помощников среди тех, кто привык пить дешевый кофе, дешевый ананасовый сок, греть пудинг на дешевой электроэнергии.

...В салоне на голубой яхте передо мной сидел один из тех людей, услугами которых часто пользуется нескOLONизатор. Сидел наемник. Яхта принадлежала одному из самых богатых людей Западной Европы. «Одному из крупнейших акционеров «Лонро», — учтиво пояснил капитан. «Лонро» — многонациональная корпорация. По определению дакарского журнала «Африк нувель», такая компания — это «организация больших масштабов, действующая при режиме олигополии». Здесь следует добавить «для ограбления развивающихся стран». «Лонро» («Лондон энд Родезия Майнинг энд ленд ком-

пани») имеет интересы более чем в 40 странах, в том числе в 20 странах Африки. На ее предприятиях уже к концу 70-х годов работало более 100 тысяч человек, и она исходила из расчета, что ее оборот в 150 миллионов фунтов стерлингов в год далеко не предел. Капитан яхты с восторгом перечислял: «Лонро» контролирует 50 компаний в Великобритании, 62 — в Родезии, 45 — в Кении, 15 — в Южно-Африканской Республике, 16 — в Нигерии, 40 — в Замбии, 16 — в Малави, 12 — на острове Маврикий и соседних островах. «Лонро» имеет в Судане самый крупный сахарный завод в Африке. Она участвует в добыче золота в Гане, прочно обосновалась в Габоне, в Либерии...

Многонациональные корпорации вместе, конечно, с компаниями, которые ходят под флагом того или иного государства, приводят в действие военные механизмы отдельных стран. Винтиками этих механизмов часто являются наемники. Один из них, винтик «Лонро», человек акционера «Лонро», сидел передо мной.

«Я НАЕМНИК»

После трех часов полета авиетка марки «весмер» начала вести себя так, что пилот (на борту был еще пассажир) решил немедленно садиться. К счастью, совсем немного оставалось до Нуакшота, столицы Мавритании. Вскоре самолет катил по посадочной полосе. Не успел он остановиться, пилот и пассажир сойти на землю, как из фюзеляжа выбрался... человек. Он-то и был причиной едва не случившейся аварии.

Габриэль Гомис, известный в Африке журналист, одним из первых узнал об этом воздушном приключении, и, как только Марсея, как звали «зайца» (таким он и оказался), привезли из Нуакшота в Дакар, репортер проинтервьюировал его: Марсель служил солдатом Испанского иностранного легиона в Вилья-Сиснерос, одном из главных городов Испанской Сахары (событие, о котором здесь рассказывается, произошло во

времена, когда «испанская», ныне Западная Сахара являлась колонией Испании. Названия городов, провинций, стран Африки даются автором такие, какие они носили в момент описываемых событий или под какими были зафиксированы в официальных документах и в печати. — Л. К.). Повздорив с офицером, он тайно, как ворушек (это его слова), забрался в небольшое пространство в фюзеляже авиетки и вот таким образом оказался в Нуакшоте.

Марсель рассказал Габриэлю Гомису о том, что сначала он служил во Французском иностранном легионе. Затем, сняв после положенного срока погоны, занялся мирными делами, даже женился. Однако по спокойным рельсам жизнь катилась недолго. Однажды в Бордо Марсель увидел объявление: Испанский иностранный легион приглашает... Деньги уже были на исходе, никакой профессии, кроме военной, молодой человек не имел. Поэтому он снова надевает форму иностранного легионера и с контрактом на три года приезжает в Вилья-Сиснерос. Однако скоро Марсель понял, что на этот раз «хэппи-энда» не получится. За самовольные отлучки («Мне не разрешили съездить на похороны матери, — жалуется он, — а потом не пустили оформить развод, но я ослушался») его приговорили к принудительным работам («каждый раз на шесть месяцев») и фактически лишили жалованья. Марсель решил бежать, избрав не слишком безопасный путь. Вот и вся история.

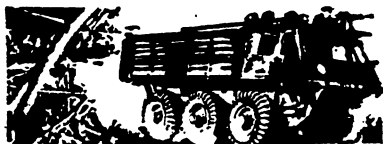
Мне захотелось встретиться с Марселем. Местные журналисты посоветовали обратиться к генеральному директору аэроклуба Е. Мартелоту («весьма приятный европеец, он знает, где сейчас живет Марсель»). И действительно, скоро я уже имел точный адрес. Правда, несколько необычный — он привел меня на борт яхты, мирно покачивающейся у причала клуба спортивного рыболовства. Толстые ковры, бронзовые фигуры, медный глобус, бар со множеством напитков и, наконец, искусная копия старинной карты, а может быть, и оригинал, купленный в антикварном магазине.

Меня встретили двое молодых людей. «Яхта принадлежит не нам, — улынулись они. — Мы просто капитан и матросы, заодно уборщики, бармены, телохранители, сторожа. А хозяин сейчас в Нью-Йорке... Да, Марсель живет у нас. Почему у нас? Надо же помогать соотечественникам, у парня ни гроша...»

И вот меня знакомят с Марселем. Среднего роста. Крепкий. На правой руке татуировка — синяя роза, на левой также татуировка — синее распятие.

Он охотно рассказывает: «Я наемник. Мне 26 лет. Девять из них я провел в легионах — сначала во Французском иностранном потом в Испанском... Я наемник». Он сказал это просто, обыденно, как говорят «я шофер», «я рыбак». «Почему я подался в наемники? Мне нужны были деньги. Я хорошо стреляю, силы хоть отбавляй. Объявление о приглашении в Испанский иностранный легион я увидел в Бордо. Вербовочный пункт располагался в Мадриде, затем перевалочный в Барселоне. Ну а уж оттуда в Сахару... Нет, в легионе никого и никогда не спрашивают ни настоящего имени, ни рода, ни племени. Хочешь — называйся Джеймсом Бондом, хочешь — капитаном Грантом, хочешь — просто солдат «Икс». Многие предпочитают выдавать себя за граждан Монако. Таких «граждан» (тут Марсель громко рассмеялся у кого-то позаимствованному остроумию) только в нашем легионе набралось бы столько, что, если бы их всех привезти в Монако, княжество оказалось бы обладателем одной из самых крупных в Западной Европе армий...»

Я спрашиваю: «Приходилось участвовать в карательных операциях?..» В ответ быстрый и испуганный взгляд: «Нет, нет! Что вы! Я занимался больше составлением топографических карт...» Он потирает руки, и кажется, что распятие оживает.

**РАСПЯТИЕ
ОЖИВАЕТ**

Однажды министерство информации Народной Республики Анголы устроило встречу журналистов с наемниками из ЮАР, взятыми в плен. Перед нами стояли кроткие, потупившие взор молодые люди. Один даже мял платок... Глядя на них, я вспомнил предыдущую ночь. Разбудили автоматные очереди. Где-то несколько раз ухнули пушки. Казалось, совсем рядом разорвалась гра-

ната. Электростанция не давала энергии, и весь большой город, каким является Маланже, после захода солнца мгновенно попадал в плен к тревожной темноте. Это было время, когда фронт проходил всего в двух-трех десятках километров от города, фронт, на одной стороне которого стояли патриоты — бойцы Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), а на другой — солдаты Национального союза за полную независимость Анголы (УНИТА) и наемники, когда здесь и на других фронтах ангольский народ защищал свою только что провозглашенную республику.

Утром комиссар Центрального фронта Мона сообщил, что ночью в Маланже попыталась проникнуть группа наемников. «Почему-то они решили, — рассказывал комиссар, — что мы, бойцы МПЛА, ушли из города. Иначе они не решились бы на такой глубокий рейд. Они повернули свои бронетранспортеры, как только наткнулись на наше боевое охранение. Наемники нападают, как правило, либо в том случае, когда уверены в своем превосходстве, либо против мирного населения».

Глядя на изуродованные трупы детей и женщин, на сожженные дома, сопровождавший меня боец МПЛА сказал: «Почерк Рошу... Везде одинаковый».

Даниэль Франсиско Рошу «прославился» еще в Мозамбике как «великий, непревзойденный белый охотник» (о нем с увлечением рассказывал корреспондент американского журнала «Ньюсуик»). Это была почти легендарная личность. Он мог схватить за шею самую ловкую и быструю из антилоп, какой является импала, или голыми руками задушить леопарда. Франсиско Рошу развлекался в джунглях Мозамбика спокойно и в свое полное удовольствие до тех пор, пока патриоты ФРЕЛИМО не развернули широкую вооруженную борьбу за свободу, против колонизаторов. Рошу возненавидел их лютой ненавистью. Он решил промышлять и заняться более прибыльным делом — охотиться на людей. Командование колониальной армии с удовольствием приняло предложение «великого знатока джунглей» и установило твердую цену за каждого убитого патриота. Рошу приступил к «работе». Он сколотил банду наемников из 90 человек, которую назвал «Огненная колонна».

Как свидетельствует «Ньюсуик», Рошу и его подручные замучили и убили «больше партизан (патриотов

ФРЕЛИМО. — Л. К.), чем все португальские экспедиционные силы, насчитывавшие 60 тысяч солдат». За свои зверства наемник получил прозвище Дьявол Ньясы (Ньяса — так назывался район, где действовал каратель). «Он редко брал пленных, — пишет «Ньюсуик». — Тот, кто попадал в руки Рошу, немедленно расставался с жизнью — его зарезали ножом».

Кровавые расправы тем не менее не утоляли у Дьявола целиком жажды крови, и он переносил злобу на подчиненных. Рошу муштровал их до изнеможения, заставлял совершать длительные ненужные переходы. Если кто-нибудь нарушал правило, Рошу предупреждал только раз. За вторичное нарушение — пуля. Таков наемник Рошу.

Другой наемник, Майкл Хор, перед налетом на конголезскую деревню сказал: «Ребята! Если навстречу выбегут женщины и дети, если даже они на коленях будут просить вас о милосердии, стреляйте не колеблясь! Политическое решение — это когда все они уничтожены!»

Я представил Хора среди тех, кто стоял перед нами, журналистами. Наверное, он тоже мял бы платок или опустил глаза, изображая кротость, как это делал Марсель. Но распятие оживает, когда видишь и читаешь, что натворили руки наемников.

С тех пор как появился первый наемник и до наших дней не прекращаются попытки скрыть или на худой конец приукрасить его истинное лицо. Стараются журналисты и художники, фоторепортеры и поэты. Эдит Пиаф очаровывает слушателей песенкой «Мой легионер». Конечно, винить певицу в том, что она занимается пропагандой грязной службы, трудно. Однако тот, кто сочинял песню, явно сознательно стремился поднять престиж наемника. Даже в рассказе корреспондента «Ньюсуик» о Рошу проскальзывает явная симпатия к нему: он-де и очень сильный человек (будучи раненым в бедро, успел застрелить двух противников), и умеет подражать птицам, чтобы передавать соответствующие сигналы и т. д. и т. д. Но в этом рассказе есть хотя бы факты, свидетельствующие о том, насколько тяжкие преступления совершил наемник. В других же о злодеяниях умалчивают и оставляют только ореол супермена, который достоин внимания даже композиторов и певиц.

Французская газета «Монд» однажды спросила читателей: «Есть ли необходимость представлять наемни-

ков в образе «симпатичных героев, ведущих справедливую войну?» От западных журналистов и социологов трудно добиться сколько-нибудь определенного, а главное, честного ответа. Всезнающие составители французского словаря Ларусс ограничились, например, таким лаконичным определением: «Наемник — это солдат, который за определенную сумму денег служит иностранному правительству».

Антони Моклер, написавший «Историю наемников», весьма популярную на Западе, считает, что правильнее было бы сказать так: «Наемник — это солдат, который воюет, имея в качестве цели номер один деньги». При этом А. Моклер цитирует греческого историка Ксенофонта: «Он (наемник. — Л. К.) мог бы жить в мире... но он выбрал войну. Он мог бы вести легкий образ жизни, но предпочел тяжелую долю солдата. Он мог бы обогащаться, не рискуя ничем, но он решил принести благополучие в жертву войне... Ему приятно растрачивать силы на войну, как другим растрачивать их на любовь».

По мнению А. Моклера, существует три категории наемников. Первая — это «солдаты удачи». Они нанимались на службу в иностранные государства. Время их действия XVII—XVIII века. Типичными представителями считаются ирландские наемники, окрестившие себя «дикими гусями». Это были благородные представители католической общины в Ирландии, которые после битвы при Бойне отказались принести клятву на верность английскому королю и покинули родину, предлагая свои услуги командующим всеми европейскими армиями.

Вторая категория включает всякого рода телохранителей, солдат личного эскорта глав государств, королей. Так, византийские императоры нанимали норвежцев, а диктатор Франко не доверял даже собственным фашистам и предпочитал мавров.

Наконец, третья категория — это группа солдат, которые собираются на время под началом сильной личности и воюют за деньги, за добычи, они при этом не считаются с требованиями морали и чести, не соблюдают законов своей страны.

Таким образом, наемник в целом предстает либо в виде некоего безответного и бездумного служаки, робота в униформе, бесстрастного, но умелого ремесленника, профессия которого война. Либо это бесшабашный любитель острых ощущений. Иллюстрации, подобранные

ные умелой рукой, не портят общего портрета наемника. Оказывается, прусские короли заботились лишь о внешнем виде наемника и в свои отборные части для престижа и для устрашения соседних монархов брали молодцов ростом не менее двух метров. Чтобы найти таких, каждый вербовщик должен был объехать чуть ли не пол-Европы. Сцену вербовки в армию прусских королей так описывает Вольтер: «...Кандид, весь иззябший, дотащился до соседнего города, который назывался Вальдбергоф — трарбк — дикдорф, без денег, умирая от голода и усталости. Он печально остановился у двери кабака. Два человека, одетые в голубое, заметили его.

— Товарищ, — сказал один, — вот статный молодой человек, да и рост у него подходящий.

Они приблизились к Кандиду и очень вежливо пригласили его пообедать.

— Господа, — сказал им Кандид с милой скромностью, — это для меня большая честь, но мне нечем заплатить за общий стол.

— Ну, — сказал ему один из голубых, — такой человек, как вы, не должен платить: ведь ростом-то вы будете пять футов и пять дюймов».

После этого вербовщики дали Кандиду несколько экую, накормили, напоили его вином и потом со словами «ваша судьба решена» на ноги ему надели кандалы и «угнали в полк».

Венецианские купцы предпочитали своих наиболее сильных и выносливых молодых людей направлять по торговой части, чем одевать в доспехи воина. Даже офицерский чин не соблазнял знатного венецианца. Он соглашался только на генерала. Да и то не всегда прельщали отпрысков богатых семей командные должности. Пусть лучше этим делом занимаются мавры, такие, как шекспировский Отелло. Помните, что говорил дож Венеции: «Отелло доблестный, мы вас должны немедленно отправить против турок».

А как понимал свое место в жизни сам мавр Отелло? Он говорит:

Начавши службу мальчиком в семь лет,
Я весь свой век без малого воюю
И, кроме разговоров о боях,
Поддерживать беседы не умею.

Во времена Отелло да и позднее, как утверждает Антони Моклер, наемники не испытывали угрызений совести, не терзались мыслью о том, что они делают нечто постыдное. Одни месили тесто, другие тачали сапоги, третьи носили саблю и время от времени уходили, чтобы убивать. Те, кому везло, получали деньги плюс награбленное добро.

Позднее с оправданием профессии наемного солдата стало сложнее, потому что, по мнению А. Моклера, сложились такие понятия, как патриотизм, любовь к родине. В данном случае с Моклером согласиться трудно. Чувство патриотизма родилось вместе с человеком. Другое дело, как толковали и использовали его. Например, в договорах Новгорода, Смоленска с немецкими городами, заключенными еще в начале XIII века, уже по требованию русских фиксировали вопрос о наемниках. Так, договор от 1229 года гласил, что «в случае рати воспрещалось привлекать иностранцев к военной службе». А такие «патриоты», как хозяева дворца Тюильри, занимали для охраны иностранцев, главным образом швейцарцев. Первое, что сделали участники французской революции, так это, ворвавшись во дворец, перебили жестоких чужеземцев.

Особенно широко наемники и наемные армии использовались во времена колониальных захватов и для утверждения власти монополий на обширных территориях Азии, Африки, Латинской Америки.

9 марта 1831 года военный министр Франции подписал декрет, по которому создавался «легион из иностранцев». Он будет, говорилось в декрете, «называться иностранным легионом и будет служить Франции».

Что только не делалось со дня рождения легиона, чтобы поднять его на самый высокий пьедестал! Пресса не скупилась на восторженные похвалы. О нем складывались песни и мифы. Предоставляли самые широкие возможности для демонстрации силы и слаженности полка, собранного из иностранцев, — четкого военного механизма, объединенного французской униформой. Одной из них является военный парад, который ежегодно устраивается в Париже в национальный праздник 14 июля. Легионеры срывали аплодисментов больше других маршировавших, они получали самый богатый урожай приветствий. Еще бы! «Эти brave ребята ведь не

французы, а между тем именно они готовы отправиться за моря и океаны, чтобы, если так случится, умереть там».

И трепещет душа французского буржуа (подобно венецианским купцам, он предпочитает отправлять сына в бизнес, чем в казарму), когда легионеры поют:

Солдаты легиона,
Иностранного легиона,
Нет у них родины,
Франция — их мать!

А что стоят рассказы о легионерах! Взять хотя бы самый распространенный — о Данжу. Капитан, несмотря на то, что вместо одной руки у него была деревяшка (эта деталь всегда играла важную роль в создании «ореола» вокруг «героя»), командовал подразделением иностранного легиона и был послан в Мексику «на усмирение туземцев». Так проколониальная пресса называла мексиканских патриотов, которые подняли восстание против правителей, отдавших страну на растерзание иностранному капиталу. Диктаторский режим не смог справиться с всенародным движением. Вот тогда Франция, Англия и Испания направили в Мексику карателей. Среди них было немало наемников.

30 апреля 1864 года Данжу и его 59 человек были окружены на ферме в деревушке Камероне. Тысячи мексиканских солдат, как уверяют французские историки, создавая еще один миф о наемниках, обрушились на легионеров. Но те не дрогнули. Погибая, они выдерживали натиск превосходящих сил. Сражение началось рано утром и закончилось вечером. Смерть занесла в свои списки всех офицеров, «деревянную руку» в их числе, большинство солдат. В плен попали только раненые. Сам император Наполеон III воздал хвалу «храбрым солдатам Франции».

Вполне допустимо, что царственная особа была искренна в своих эмоциях. Но не только допустимо, но и бесспорно, что капитализм, стремясь к захвату азиатских, латиноамериканских, африканских земель, все больше и больше нуждался в солдатах. И похвала родственника великого полководца явилась своего рода рекламой, приманкой, приглашением в колониальные войска, в иностранный легион.

Особенно большие надежды возлагались колонизаторами на легионеров в Индокитае и Алжире. Однако ни миф о Камероне, ни современнейшее оружие, ни обещания получить вечную благодарность Франции, ни лесть не помогали легионерам во Вьетнаме. Очень скоро они почувствовали, что вьетнамцам вовсе не нужно численного превосходства, чтобы вступить в сражение. Во Вьетнаме Камероне повторилась много-много раз. Но повторилась так, что тем, кто пошел путем Данжу, гордиться было нечем, и благодарить их никто не собирался. Самой крупной современной Камероне стала, пожалуй, Дьенбьенфу. Крепость защищали 12 батальонов французских вооруженных сил, из которых пять — батальоны иностранного легиона.

Еще до падения этого важного стратегического пункта легионеры отметили 90-летнюю годовщину «подвига» в Камероне. Отметили весьма скромно — без вина и кровавой колбасы. В предыдущие годовщины вино лилось рекой, свиней на колбасу не жалели. Но в этот раз, предчувствуя крах, легионеры думали лишь о том, как бы унести ноги. Многие не «унесли». Всего за восемь лет вьетнамской кампании погибло 12 тысяч легионеров. После Дьенбьенфу капитана Данжу долго не вспоминали.

ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕРЕЗ КРИЗИС

Поражения заставляли совершенствоваться как сам институт наемничества, так и сопровождавшую его рекламу, включая всякого рода «приманки». Наиболее сильнодействующими оказывались не похвалы монархов и не лесть хлопающих в ладоши французских буржуа. Самыми эффективными оказывались гарантии: одна, обеспечивающая сверхгонорары за разбойный труд, другая не столько отпущение грехов, сколько безнаказанность за эти «грехи», а точнее за преступления. Как прошлые, так и будущие. Гарантии облачались в весьма приличные, даже респектабельные формы. Ведь и слово

«грех» звучит, конечно, гораздо приятнее, чем «убийство», «ограбление», «насилие».

И когда задают вопрос, кто и почему рвется на службу в легион, то ответ (принадлежащий, естественно, его сторонникам) бывает самый разный, но, как правило, в высшей степени невинный. «На службу в иностранный легион, — пишет французский журнал «Пуэн», — приходят в результате личного или семейного кризиса, происходящего в социальной или политической жизни человека в родной стране».

В результате одного такого «грехопадения» через «кризис» в батальоны иностранного легиона повалили бывшие царские офицеры, махновцы, петлюровцы, колчаковцы. Произошел другой «кризис», и вербовщики легиона получили сотни обученных, закаленных на военных преступлениях солдат разгромленных гитлеровских армий.

Корреспондент газеты «Интернэшнл геральд трибюн» Джеффри Робинсон пишет: «После второй мировой войны по меньшей мере одна треть Французского иностранного легиона состояла из немцев, бывших офицеров СС и солдат, которые по понятным причинам решили, что будет весьма полезно несколько лет потянуть ляжку, чтобы приобрести новое имя». Теперь, отмечает, в свою очередь, западногерманский журнал «Квик», только каждый пятый паемник гражданин ФРГ. Вот как выглядело в процентах одно из подразделений иностранного легиона в 1977 году:

выходцы из франкоговорящих стран	— 53	процента
из говорящих по-немецки	— 18	»
романская группа	— 18	»
славяне	— 5	»
англосаксы	— 1,5	»
арабы, греки, мальтийцы	— 0,5	»
скандинавы	— 0,5	»

Однако песни в легионе (несмотря на изменение национального состава) распевают те же самые, что и прежде, — это песни, с которыми маршировали гитлеровцы по оккупированным землям. Джеффри Робинсон, стремясь представить картину иностранного легиона 70-х годов, приводит слова одного высокопоставленного военного: «Французский иностранный легион все еще

в полном здравии и по-прежнему предоставляет возможности каждому, кто хотел бы исчезнуть. Легион — это крыша, это убежище. Это то, ради чего мы созданы. Поэтому мы не пай-мальчики».

И действительно. Вот что писала о легионерах, расквартированных на Корсике, парижская «Фигаро»:

«Впервые «белые кепи» (форма легионера. — Л. К.) появились на Корсике в 1961 году. Поначалу жители отнеслись к их приходу довольно спокойно. Хотя знали, конечно, что в иностранный легион идут служить главным образом люди с сомнительной биографией, поскольку их там согласно уставу ни о чем не спрашивают. Легион покрыл себя печальной славой жестокого усмирителя народных выступлений во французских колониях, а позднее в заморских департаментах и заморских территориях Франции. С годами поведение легионеров стало вызывать к ним все большую враждебность корсиканцев.

Заглянуть на стоящую особняком ферму и, пригрозив оружием, потребовать у хозяев «оброк»: масла, курицу, а то и поросенка — такое все чаще стали позволять себе «белые кепи». Они воруют, грабят, иногда убивают».

Сегодня в легионе, как сообщали Д. Робинсону, 8 тысяч человек. Прием упрощен до предела. Он состоит главным образом с ответа на вопрос «Кто ты?». Вам не нужно иметь при себе никаких документов или бумаг, удостоверяющих личность, — отмечает журналист. — Их (кадровиков легиона. — Л. К.), вероятно, удовлетворит любой ответ на поставленный вопрос. Они также спросят, почему вы решили вступить в легион, и снова их, вероятно, удовлетворит все, что вы скажете... Ответы затем подшиваются в личном деле, которое, как говорят, становится секретной информацией. Ничего из содержимого досье не показывается, не выходит за пределы легиона. Никому, включая министра обороны, никогда не раскрывается подлинная биография солдата. Каждый легионер сам хранитель своего прошлого. Легион всегда был прибежищем великого неизвестного. Вы только ставите свою подпись, если вы иностранец (французам советуют сообщить вымышленный адрес в Женеве)».

Если новобранец прошел испытательные экзамены в Марселе, то перед ним тут же раскрываются двери

учебных казарм легиона, где он проходит общую военную подготовку, ускоренный курс французского языка, а затем специализируется, становясь поваром, механиком или десантником. После обучения курсанта производят в солдаты и выдают ему белую фуражку, которая отличает легионера от обычных военнослужащих французской армии.

Чтобы обладатели белых фуражек не чувствовали себя во Франции «белыми воронами», их стараются побыстрее отправить за моря, в места, где Париж считает необходимым держать вооруженные силы. Например, на Таити — там происходили испытания ядерного оружия — или в Джибути, точку, с которой западная военщина никак не хочет расставаться. Венцом окончания службы для легионера (минимальный срок пять лет) является приобретение французского гражданства и выдача соответствующих документов на имя, которое он сам себе выберет.

В последнее время западная печать утверждает, что легион облагородился. «Легион не является армией наемников или преступников, которые укрываются от правосудия, — заявили, например, Д. Робинсону официальные лица. — Мы стали очень щепетильными. Как правило, трем из четырех желающих вступить в легион мы отказываем». Таким образом, делается попытка оправдать иностранные легионы, похожие друг на друга как полицейские дубинки.

Однако несколькими строками ниже, по-видимому, тот же интервьюируемый заявил американскому корреспонденту: «Конечно, не всегда легко установить, является ли человек преступником...»

Но именно так поставлено дело в легионах, что принимают туда людей если не с преступным прошлым, то с преступными намерениями. Ибо намерения самого института, каким является легион, преступны. Легион ведь не изменил своим «традициям». Если раньше бывшие эсэсовцы беспощадно сжигали вьетнамские и алжирские деревни, то спустя несколько лет солдаты иностранного легиона были переброшены из Корсики в заирскую провинцию Шаба, чтобы навести там «порядок». Как всегда, они вели себя храбро и умело в боях против... мирного населения. Немало в то время появилось в западной прессе фотографий, на которых запечатлены легионеры, расправляющиеся или уже расправившиеся с

детьми или женщинами. И вот здесь для кое-кого в «свободном» мире возникает неудобство. Ведь, как ни крути, за действия иностранных легионеров, как, например, в Шабе, «неиностранным» генералам, а значит и соответствующим правительствам, нужно было давать объяснения. А это, естественно, несмотря на искусство западных политиков и пропагандистов не называть вещи своими именами, не могло способствовать распространению мифов о демократии, законами которой якобы руководствуется «свободный» мир.

Конечно, реакция мировой общественности, обязательства по международным договорам и соглашениям, наконец, необходимость держать ответ перед такими организациями, как ООН, сковывают «инициативу» командования легионеров. Поэтому наемник-одиночка, наемник, не имеющий постоянного адреса, скрывающий адрес хозяина, представляет для любителей военных авантур и авторов стратегии загребать жар чужими руками непреходящую ценность. Он успешно конкурирует с солдатом официального института, каким является иностранный легион. Отдельных наемников, несмотря на их кажущуюся разрозненность, легко и быстро, оказывается, можно согнать в стаи, то есть создать из них отряды и формирования. При этом за преступления такого солдата, кроме, конечно, его самого, кого-либо осудить трудно. Главное условие — сам солдат удачи должен быть без роду и племени, имя его хозяина должно держаться в тайне.

ОПЕРАЦИЯ «ТАНГО-ЭХО»

В Дакаре радиоприемник работает лучше всего после полудня. Было воскресенье. Этот день недели приносит мало новостей. Однако на сей раз у приемника пришлось просидеть больше обычного, потому что диктор одной из станций предупредил, что ожидается важное сообщение, которое в случае, если оно подтвердится, будет немедленно передано. Ровно через полчаса

услышал: «В Бенине произошел государственный переворот».

Кто совершил? Когда? При каких обстоятельствах? Ответов на эти вопросы не было.

Я решил позвонить в Котону корреспонденту ТАСС, чтобы узнать подробности. Однако дакарская телефонистка ответила, что связи с Бенином нет. Еду в аэропорт. Дакар даже в воскресные дни принимает минимум пять самолетов, которые либо идут из Котону, либо совершают там посадку для транзитных пассажиров. В этот день ни один самолет не вылетел из Котону и не приземлился там, чтобы высадить или забрать транзитников.

К вечеру 16 января 1977 года по телетайпам агентств начали поступать первые комментарии, основанные главным образом на догадках и предположениях. В некоторых содержались утверждения, что режим расшатали представители городского населения, недовольные тем, что вынуждены стоять в очередях за продуктами, и любители выпить, так как подорожало спиртное. Более «серьезные» комментаторы из той же категории немедленно сделали такой вывод: Бенин рухнул в результате того, что члены его правительства «были сбиты с толку» доктринами марксизма-ленинизма.

Сказать, что произошло, оказалось чрезвычайно трудно, так как часто одна информация противоречила другой или опровергала ее, та или иная важная деталь в сообщении интерпретировалась и «подавалась» по-разному. Нередки были и фактические неточности. Я излагаю информацию о событиях в таком порядке и в таком виде, в каком она поступала в дакарский корреспункт.

Итак, командир самолета ДС-8 крупнейшей французской авиакомпании УТА весьма удивился, когда, сообщив, что благополучно вылетел из Парижа и в 5.55 по расписанию приземлится в Котону, получил ответ: «Аэропорт не принимает. Посадка не разрешена». В чем дело? Погода стояла идеальная, видимость прекрасная. Никаких сообщений о возможных неполадках в навигационной службе или авариях в аэропорту не поступало. А тут на тебе! Более того, настоятельно требовали обойти стороной Котону.

В других сообщениях утверждалось, что в это вре-

мя к посадке в Котону готовился другой самолет, ДС-7 (в некоторых телеграфных и газетных информациях этот самолет называют ДС-8, вероятно перепутав его с рейсовым. — Л. К.). Турбовинтовая махина, тяжело опустилась на взлетную полосу (примерно в 6.45) и, пробежав положенное число метров, остановилась. Из самолета выскочило более сотни наемников — европейцы (некоторые говорили по-французски) и африканцы. Используя момент внезапности, они захватили здание аэропорта и, построившись в боевые порядки, двинулись к Котону, стремясь овладеть прежде всего стратегически и политически важными объектами, в том числе резиденцией президента и правительственными учреждениями. Правда, летчики ДС-7, видимо уже попадавшие в сложные ситуации, на всякий случай не выключали двигатели, как выяснилось в дальнейшем, весьма предусмотрительно, на малых оборотах они работали в течение трех часов. Именно в течение этих трех часов и решилась судьба десанта.

Наемники были довольны началом операции. Однако они не знали, что по радио Котону уже пробита тревога. К населению от имени ЦК Партии народной революции Бенина Матье Кереку, президент страны, обратился с призывом оказать сопротивление агрессии.

Скоро в действие вступили подразделения народных вооруженных сил. Активисты партии организовали строительство баррикад вокруг важных объектов города и на улицах. Увидев, что голыми руками город не возьмешь и что выполнить главную задачу — арестовать правительство не удастся, наемники решили свернуть операцию. Группа отступавших, по сообщению агентства Рейтер, ворвалась в гостиницу «Южный крест» и набросилась на бар. Однако выпитые в большом количестве вино и пиво не прибавили десантникам храбрости. Да они к этому и не стремились. Они отдыхали, они принимали допинг, чтобы иметь силы добраться до «исходных позиций». Молодчики, опустошая винные запасы «Южного креста», понимали: на их миссии уже был поставлен крест... В 10.30 прекратилась стрельба из орудий, ракет и автоматов. Моторы ДС-7 заработали на полную мощность, самолет с «солдатами фортуны» взмыл в небо.

«Голос революции», радио Бенина, объявил, что

агрессия, предпринятая против страны наемниками, высадившимися в аэропорту Котону, потерпела провал.

Остатки наемников укрывались в северных кварталах Котону. Поэтому власти обратились к населению этой части города с просьбой не покидать своих жилищ, чтобы не пострадать от операций, которые проводили армия и силы безопасности.

Еще через несколько часов телеграфные агентства и радио сообщили, что законное правительство прочно контролирует положение, заговор не удался.

Тщательно прослеживая хронику событий, журнал «Жён Африк» ставит вопрос: «Около 10 часов утра, то есть четыре часа спустя после прибытия, загадочный самолет взлетел с частью солдат, которых он высадил. Куда же полетел самолет и откуда он прибыл? Здесь лежит разгадка всего дела. Относительно легко можно зафрахтовать старый самолет, имея финансовые ресурсы. Но этого еще мало. Необходимо найти достаточно надежное место, где можно было бы посадить на этот самолет вооруженных людей и обеспечить им возможность отступления на случай провала операции».

Журналисты обращают внимание, что мотор ДС-7 работал без перерыва три часа. Значит, большое количество горючего было «съедено» на земле. Пилоты не могли этого не знать. Отсюда вывод: пункт, куда возвратился самолет с остатками наемников, находился где-то рядом.

В дальнейшем все эти детали наведут на серьезные размышления и еще раз заставят говорить не только о проблеме наемников, но о проблеме пособников, союзников «диких гусей». Кроме того, материалы, собранные корреспондентами «Жён Африк», помогают понять позицию той части африканской прессы, которая, как по взмаху невидимой палочки, обрушилась на Бенин с явно провокационными вопросами: откуда самолет? А был ли вообще самолет? Были ли наемники?

Но факты есть факты. Да, самолет скрылся. Но на бенинской земле осталось оружие — базуки, ракеты, автоматы, патроны, радиопередатчики французского, американского, бельгийского производства, а также документы, «весьма важные и исключительно красноречивые», как отметил М. Кереку.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ОКОПЫ НАЕМНИКОВ

В своих действиях наемники используют общую обстановку на Африканском континенте. Тем более что в ряде стран не окрепли силы, выступающие против всех форм угнетения и эксплуатации, против неокolonизма. Большинство освободившихся государств Африки еще не преодолели культурной, экономической, политической отсталости. Удельный вес Африки в мировом промышленном производстве в начале 60-х годов равнялся всего лишь 1,6 процента (без ЮАР). Уже одна эта цифра свидетельствует о том, что промышленность континента развита слабо, а посему слаб и рабочий класс, сила, способная обеспечить руководство в борьбе с отсталостью и реакцией.

Сказанное в большой степени относится и к Бенину. Это государство (оно раньше называлось Дагомея) расположено в центре той части Западной Африки, которая еще не избавилась окончательно от капиталистического влияния. Если бывшие метрополии мирились (до поры до времени, конечно) с существованием стран, которые твердо придерживаются курса на всестороннее укрепление политической и экономической независимости, курса социалистической ориентации (Конго, Гвинея), то они предпринимают все меры, чтобы предотвратить «сползание влево» других. И вот тут, конечно, Бенин доставляет неокolonизаторам много хлопот.

Расскажу немного об этой стране.

Мойм первым гидом стал таксист АбуССу.

— Сначала надо съездить в деревню Ганвие, — авторитетно предложил он.

— А чем она знаменита?

— Деревня на воде...

— Почему?

— Давным-давно могучее племя подчинило в округе все другие племена. И только одно — сава — ни за что не хотело покориться. Его мужчины храбро сражались. А когда в неравной борьбе стали истекать силы, вожди принимают решение, поддержанное всеми: уйти в...

лагуну, которая безбрежным морем расстилалась перед ними. Связали плоты, вырубил пироги и ушли от преследователей. Потом построили на сваях хижины и стали жить на новом, необычном месте.

Я поразился этому селению: куда ни глянь, вода; на сваях стоят хижины, сарайчики, небольшая гостиница, продовольственная лавка. Люди — а их здесь проживает более пяти тысяч — умудряются разводить кур, поросят, занимаются ремеслами. За «околицей» — «огороды», представляющие квадраты воды, отделенные друг от друга плотным плетнем, где выращивают рыбешку величиной с ладонь. «Урожай» собирают два раза в год. Вместо улиц и дорог водная гладь, вместо автомобилей, велосипедов и повозок, естественно, пироги, которыми ловко управляют и старики и дети. Вся жизнь, все на воде. И только кладбище люди устроили (хоть и далеко от домов) на земле.

— Они мечтают и сами вернуться на землю, на землю своих предков, — сказал АбуССу. — Сегодня они еще не решаются сделать это, но скоро решатся.

Таких деревень в Бенине, да и по всей Африке много. Конечно, они расположены не на воде. Но так же, как в Ганвие, жители там сохраняют и тщательно оберегают границы своего племени, строго следят, чтобы их не перешагнул ни свой, ни чужой. Однако жизнь постепенно размывает межплеменные барьеры, да и люди, пусть подсознательно, начинают тяготиться ими. Особенно это заметно в городе.

Специалисты по проблемам урбанизации рассматривают город как своеобразный «котел»: принимая выходцев из разных племен, он постепенно перемешивает их, ломая при этом сложившиеся веками предрассудки. Однако «котлы» бывают разные, с разной степенью эффективности. В Порто-Ново я долго бродил по знаменитому рынку (действительно, чего тут только нет — от гребней для того, чтобы расчесывать гривы лошадей, до морса из цветов кактуса) и задавал торговцам один вопрос: из какого они племени? «Йоруба», — ответили большинство. А на мыловаренной фабрике рабочие в основном из племени фон. В муниципалитете чиновник взял карту города и прокомментировал ее, уверенно и четко очерчивая кварталы: здесь живут только дасса, тут только холли, ну а неподалеку от моста поселились махи и т. д. Оказалось, это своеобразные городские зем-

лячества, где сохраняются законы и нормы поведения племени, живущего часто в сотнях километров от города. Вот первое препятствие, которое затрудняет интеграцию и ассимиляцию жителей города. Еще более сильным тормозом, как уже отмечалось, является постоянная связь многих горожан с деревней. Нередко, проработав несколько месяцев на фабрике, человек снова возвращается к земле. Но не только чисто племенные барьеры разделяют людей. Величественной громадой стоит при въезде в Порто-Ново католический собор. Неподалеку не менее величественная мечеть, а дальше на площади маленький домик из бетона — резиденция, как мне сказали, языческого бога. Немало переживали африканцы раздоров и распрей на религиозной почве.

Проблема расовых и религиозных отношений стояла в Бенине остро до недавнего прошлого. Представители главных этнических групп — фон, йоруба, аджа — враждовали друг с другом. Эта вражда была одной из причин того, что за небольшой срок после провозглашения независимости в стране переворот следовал за переворотом, гражданское правительство сменялось военным, военное — гражданским. И так до бесконечности. Некоторые бенинские политические деятели часто думали и заботились не о решении общенациональных задач, а об интересах зажиточных слоев племенных групп, которые они представляли. Конечно, сторонники прогрессивного развития понимали всю пагубность межэтнической вражды. Сегодня этим пониманием проникаются представители самых различных кругов, которые уже говорят не только о желании избавиться от пережитков прошлого, но и намечают реальные пути. Вот какие видятся, например, в небольшом городке Параку. «Нужны заводы и фабрики, нужны школы, читальные залы, кинотеатры», — сказали мне чиновники префектуры. А начальник жандармерии Параку, с которым я ехал в поезде, считает, в свою очередь, что, кроме этого, надо сделать так, чтобы в административных органах было представлено как можно большее количество народностей, чтобы чиновник не забывал: он служит не какому-то племени, а нации, он прежде всего бенинец.

Действительно, правильные и нужные пути для решения одной из острейших проблем. Однако все они упираются в нечто большее — в необходимость избавления от экономической отсталости и проведения соци-

альных преобразований. Бенин, перестав быть колонией, не перестал быть бедной страной. Вот с чего она стартовала: средний годовой доход на душу населения около 70 долларов, 90 процентов населения заняты в сельском хозяйстве, где преобладали отсталые производственные отношения, «подкрепляемые» примитивными орудиями труда.

Косность, отсталость, темноту и невежество, межэтническую рознь, экономическую слабость и зависимость от иностранного капитала называют «естественными окопами» наемников. Но вылазки «диких гусей» часто приносят желаемые результаты не только потому, что они весьма искусно пользуются «окопами». Объект атаки — вот та вторая половина, из которой может сложиться успех или неуспех наемника. Объект — это государственная и общественная система. В силу своей социальной, экономической, политической молодости, незрелости, часто неопределенности они отличаются неустойчивостью и хрупкостью.

Профессор университета Лованиум (Киншаса), объясняя причины успеха некоторых операций «бешеного Майка», Мюллера — «Конго», других «именитых» наемников, высказал мысль, которая, как нам показалось, никак не укладывалась в утвердившиеся благодаря гигантскому размаху национально-освободительного движения рамки и представления: «Хор, конечно, потерпит в конце концов поражение, но и одерживать победы он будет сравнительно долго».

Пробыв в Африке почти десять лет, я убедился в верности, как это ни печально, прогноза. Действительно, консолидация африканских государств происходит, укрепляются нации, создается национальная экономика, различные структуры и институты. Но этот процесс часто происходит в рамках перехода от патриархальной деревни, то есть от докапиталистической формации к другой общественной формации. Такой переход чрезвычайно болезнен, часто в силу своей неопределенности и многочисленных трудностей его участники, в первую очередь руководители, легко подвергаются внешним влияниям, что вызывает разочарование и недовольство масс.

Я вспоминаю сегодня встречу с сенегальским грипотом.

...Водитель маленького автобуса, который вез нас в сенегальский город Каолак, сбавил скорость и, обра-

щаясь сразу ко всем пассажирам, сказал: «Очень сожалею, но кому-то придется выйти и остаться здесь, в этой деревне. Потому что Деабате нужно ехать».

«Наверное, собирается в путь очень важный человек, — подумал я, — если для него освобождается место и просьба водителя не вызвала возражений». Обсуждался только вопрос, кому сойти. После короткого разговора поднялся подросток, взял полдюжины связанных за ноги кур, которых он вез на базар, и спрыгнул на землю.

— Что вы, — предупредил мой вопрос один из пассажиров, — паренек совсем не расстроился. Наоборот, он будет всем с гордостью рассказывать, что уступил место самому Деабате.

— Кто же такой Деабате — чиновник, полицейский, торговец?

— Нет, — ответил сосед, — Деабате — гриот.

Сказано это было с величайшим уважением. И понятно почему. Гриот — хранитель, более того, защитник древних народных песен, сказок, легенд. Он может быть одновременно поэтом, музыкантом, певцом.

Человек, которого называют «гриотом», — это, если можно так сказать, продукт чисто африканской жизни, он рожден ею и служит ей. Бесспорно, это талантливые, мудрые, обладающие большими знаниями люди. Известный в Западной Африке географ Мулен Реми сравнивает их с бродячими музыкантами и шутами при королевских дворах. На мой взгляд, с такой точкой зрения согласиться нельзя. Гриот скорее народная память. Но не только. Гриот, как говорит М. Реми (на этот раз с ним можно согласиться), — деревенская газета, которая хранит историю давно прошедших дней и которая сообщает и толкует последние новости. В то же время гриот даже в годы колониального господства часто выступал как трибун и борец против несправедливости и зла. Право на смелость, на собственные суждения давал ему ум, известность и популярность среди людей. Это право утвердилось с завоеванием независимости. Гриот часто выступает как неофициальный представитель центральных и местных властей, он толкует новые законы, разъясняет смысл тех или иных мероприятий правительства, более того, он агитирует крестьянские массы в поддержку официального внутривосточного курса государства. Агитация основывается главным образом на уве-

ренности в том, что все мероприятия, законы правительства приведут к резкому улучшению жизни всех без исключения.

...На место вышедшего подростка опустился седой статный африканец в белоснежной до пят рубашке — бубу. В автобусе все знали его и почтительно приветствовали. Потом представили ему меня. Деабате оказался общительным человеком.

— Мы, гриоты, — рассказывал он, — присутствуем на всех важных событиях: свадьбах, рождениях, похоронах, на праздниках урожая. Сегодня в африканской деревне торжественных событий становится больше. Вот, например, сейчас я еду приветствовать ветеринара, который прибыл в наши края. Раньше крестьянин и думать не мог, что появятся учителя-африканцы, врачи-африканцы. А сегодня? Наши дети уже заканчивают университеты. Правда, мало еще. Вот почему приезд ветеринара для всех здесь событие.

— А можно посмотреть, как будет происходить церемония встречи?

— Пожалуйста, — улыбнулся Деабате.

Костер горел ярко и жарко. Гремели тамтамы. Танцовщицы, закинув головы, с криком «уюю, куюю!» яркой, быстро извивающейся цепочкой понеслись вокруг костра. Вот из толпы вышел Деабате. Обращаясь к молодому человеку, он начал:

— Сегодня, слава аллаху, дорога счастья прошла через нашу деревню, и мы рады увидеть среди нас тебя, наш дорогой гость (барабаны загудели еще сильнее). Засуха хотела напугать нас. Но сегодня пришел ты, и наши стада перестанут редеть. Каждая корова станет сотней коров, каждая коза станет сотней коз. Тебя научили мудрости. Так помоги же нам, ученый человек.

Ученый человек в ответной речи обещал помочь. Все захлопали в ладоши, а Деабате, довольный ответом, тут же в сопровождении тамтамов спел о том, как молодые несмышленные крокодилы хотели найти такую реку, где один бок плыл бы в голубой воде, а другой — в белой. Они, несмотря на протесты матери, ушли из родных мест и погибли. Мораль — нужно следовать мудрым советам.

Потом Деабате в сопровождении толпы двинулся по тропинке к продуктовой лавке размером чуть больше те-

лефонной будки. Оказывается, кто-то пожаловался на то, что торговец Умар поднял цены на рис.

— Почтенный Умар, — начал Деабате, — твой отец всегда был щедрым. Его за это любили.

После воспоминания о предках последовала песня про добрую и злую женщину (одну из них духи избавили от горба, а другую, злую, «наградили» этим уродством).

— Будь же добрым, Умар, — заключил Деабате.

От лавочки торговца все снова вернулись к костру...

Итак, авторитет гриота чрезвычайно велик. Он был вдвойне велик еще и потому, что гриот возложил на себя долю ответственности за дела нового, своего, национального государства. И об этом я писал в газете. Но сегодня престиж гриота (трудно даже представить такое) падает. Ведь лавочники продолжают повышать цены. Доходы крестьян, например, в том районе, где я встретил Деабате, снижаются. Гриот оказывается бессильным. Бессильным перед инфляцией, произволом монополий, грузом прошлого с отсталостью во всех областях, копившейся веками. Разочаровавшись в нем, люди разочаровываются в чем-то большем. Они начинают сомневаться, сможет ли свое, национальное правительство решить насущные проблемы жизни.

Эти слабости и учитывают организаторы вылазок наемников.

«СПИЧКА» ПОДНЕСЕНА

До поворотного пункта, от которого Бенин начал путь к подлинной независимости, страну называли «самой неустойчивой» в Африке, главной примечательностью которой в политическом плане была «постоянная правительственная чехарда».

«Правительства Дагомеи, — писал корреспондент газеты «Монд» Ж.-П. Ланжелье, — появлялись на свет с крестом смерти на лбу». Расшифровывая эту фразу, африканские журналисты указывали прежде всего на то, что люди, олицетворявшие власть, были ставленниками иностранных монополий, которые считали, что

«правительство с крестом смерти лучше, чем правительство, независимое от их влияния».

Нынешнее правительство решило окончательно порвать с прошлым, строить новую жизнь. Бенин показал, что он не свернет с намеченного пути. 30 ноября 1976 года по случаю праздника Дня провозглашения Народной Республики Бенин президент Матье Кереку обратился к народу со следующими словами: «Мы провозгласили программу социально-экономического развития страны, программу последовательной антиимпериалистической борьбы и установили подлинную народную демократию... Мы объявили всему миру, что в соответствии с нашим идеологическим выбором развитие страны будет отныне определяться принципами научного социализма. Это нанесло чувствительный удар по позициям империализма и внесло смятение в ряды мелкобуржуазной интеллигенции нашей страны. Мы передали в руки государства ряд важных участков национальной экономики... 30 ноября 1975 года родилась передовая партия нового типа — Партия народной революции Бенина. Ее первым актом стало провозглашение народной республики. Сегодня мы уверены, что наш народ, руководствуясь надежным компасом марксизма-ленинизма, сумеет отстоять свои завоевания.

Свои отношения с другими странами мы строим на принципах неприсоединения, равенства, взаимной выгоды и уважения суверенитета. Наша партия должна крепить боевую солидарность с братскими зарубежными партиями, руководить классово-борьбой пролетариата, ликвидировать остатки феодального строя и его идеологическую надстройку в Бенине».

Неоколониаторам такие речи, естественно, не нравятся. Не нравятся им и дела — в Бенине не прекращается работа по ликвидации элементов, составляющих каркас феодальных отношений, создаются условия для избавления от отсталых традиций и пережитков. Уходит почва из-под ног тех, кто паразитирует на прошлом, кто эксплуатирует трудящихся.

«Бенин не собирается менять курс, — сделали там вывод. — Бенин оказывает чрезвычайно вредное влияние на соседние страны. Нужно остановить его!» Так завертелась машина очередного заговора. Все было рассчитано до деталей. Внутренняя контрреволюция ждала только «спички». Торговцы давно уже недовольны пра-

вительством, потому что оно всячески пресекает спекуляцию, ростовщичество, незаконные сделки с иностранными компаниями в ущерб стране. Были обнаружены и ликвидированы тайные склады, в которых хранились огромные запасы продовольствия «до лучших времен», то есть до того момента, когда за него можно было бы взять в три-четыре раза больше, чем в данный момент.

К недовольным примкнули, что вполне естественно, феодальные и полуфеодальные элементы. Не нужно забывать также про местных бизнесменов, которые спят и видят торжество «политики открытых дверей», то есть бесконтрольного хозяйничанья иностранного капитала, а также представителей бюрократической буржуазии, которых называют «чиновниками, обросшими жирком» и не желающими этот жирок сбросить. Кроме того, в стране к началу 1977 года возникли продовольственные трудности — последствия засухи 1976 года, особенно поразившей житницу страны, ее юг. Как же не воспользоваться этим!

В подготовку агрессии активно включились представители оппозиции, которые проживают на Западе. Они развернули деятельность с одной целью — уверить своих покровителей в лице монополий, что «достаточно поднести спичку», и внутри страны вспыхнет накопившийся горючий материал. В этом пламени сгорит «карточный домик, созданный коммунистами». Покровителей убедили (а точнее, они сами хотели этого): пора действовать.

Итак, «чиркнули спичкой». Рано утром жандарм Самари Абу, служащие аэропорта Котону Баду Эмиль, Ати Деху Франсуа и Лали Леонар увидели, как снижается самолет. Первыми вышли темнокожие пассажиры, за ними белые. Они немедленно взяли под стражу С. Абу и других, заставили их вытаскивать грузы, главным образом оружие и боеприпасы. «Вы привыкли говорить «эзузу» (в переводе означает «революция». — Л. К.), — насмешливо бросил один из надсмотрщиков. — Мы сегодня посмотрим, существует ли на самом деле «эзузу».

Эти показания подтвердил Эжен Аккомбеси, служащий контрольной вышки, сообщив при этом дополнительные детали. В момент, когда Э. Аккомбеси заступал на дежурство, он увидел приземляющийся ДС-7. Единственный самолет, который мог идти на посадку, так это рейсовый французской компании UTA № 801.

Но служащий хорошо знал, что недавно в расписание были внесены изменения и самолет рейса № 801 ожидался не раньше 11 часов утра. В связи с этим переданное многими западными агентствами сообщение о самолете, который, вылетев из Парижа, вынужден был приземлиться в Абиджане, подчиняясь предупреждению из Котону, предстало в весьма любопытном свете. Сразу возник вопрос: не является ли оно, мягко говоря, своеобразной провокацией тех, кто стремился поддержать версию о том, что высадка наемников — плод воображения руководителей Бенина? Ведь расписание изменили до рассматриваемых событий, и не могла солидная компания УТА вести себя так легкомысленно и опрометчиво, чтобы раньше времени собирать пассажиров, а тем более выпускать с ними самолет.

Вот почему дежурный на вышке был чрезвычайно удивлен появлением ДС-7. Тем не менее, как это принято во всех аэропортах мира, к самолету выехала автомашина, чтобы сопроводить его до полной остановки, указывая при этом место парковки. Однако неожиданный гость никакого внимания не обращал на сигналы наземной службы. Он остановился не там, куда ему указали. Из самолета выбросили веревочную лестницу, и первый пассажир, быстро спустившись на землю, тут же сделал несколько выстрелов.

Почувствовав неладное, шофер автомашины, которая встречала самолет, развернулся и на самой высокой скорости поехал в Котону, чтобы сообщить властям тревожную весть.

Между тем наемники забрались на крышу здания аэропорта, чтобы установить передатчики и тяжелые орудия. Как рассказали очевидцы, высадилось примерно 100—150 наемников, из которых около 80 были европейцами. Они разделились на четыре группы. Первая занялась сооружением укреплений вокруг аэропорта. Вторая направилась в сторону президентского дворца (аэропорт находится на небольшом расстоянии от города), третья — к министерству внутренних дел и радиостанции, четвертая ринулась в центр города.

Итак, операция, которая, как потом выяснилось, называлась «Танго-эхо», началась.

Что происходило в городе в течение прошедших трех часов, арестованные работники аэропорта, естественно, не знали. Они снова увидели некоторых участников де-

санта (один был ранен) примерно в 11.30. Группа спешила к самолету. Среди них Самари Абу, Баду Эмиль, Атти Деху Франсуа и Лали Леонар узнали Марка Согло, подданного Бенина.

Питеру Ону, помощнику генерального секретаря ОАЕ (изложенные выше факты взяты из его доклада), казалось необходимым для составления полной картины встретиться со старшим сержантом Фави Иносант Жан-Батистой. Его имя особенно часто фигурировало в официальных документах об агрессии. Сержант рассказал, что он нес службу в ночь с 15 на 16 января. Около 6.30 утра увидел самолет, который шел на посадку со стороны моря. Уже это было необычно, так как все самолеты идут на полосу с противоположной стороны, то есть с суши. К рассказу служащих аэропорта он добавил, что, после того как наемники ступили на землю, они открыли стрельбу не без разбора, а по той части здания аэропорта, которая принадлежала вооруженным силам Бенина. Батиста поспешил к телефону.

В это время высадившиеся белые (речь идет, очевидно, о первой группе) начала окружать аэропорт. Вскоре один из наемников допрашивал Батисту: какое оружие имеется в аэропорту, сколько человек охраны, количество пулеметов? Затем он приказал ему сесть в автомашину и поехал к самолету. Поднявшись в ДС-7, Батиста среди нескольких пассажиров узнал Марка Согло, бывшего майора бенинской армии, который в свое время являлся начальником оружейных мастерских. Он был замешан в заговоре в январе 1973 года. В самолете сержант, кроме бывшего майора, увидел еще около 15 африканцев, среди которых несколько бывших служащих жандармерии Бенина. Одни говорили по-французски, другие на языках народностей фон, денди, берба.

«Вернулся ли из Лагоса президент?» — прежде всего спросили эти люди о Керску, который принимал участие в церемонии открытия II фестиваля негро-африканского искусства. Получив ответ, они сказали, что прибыли «спасти народ Бенина, умирающий от голода». «Все это скоро кончится», — добавили бывшие жандармы и тут же поинтересовались вооружением военного гарнизона в городе Уида (тот гарнизон в свое время был опорой заговорщиков, пытавшихся ликвидировать прогрессивный режим. — Л. К.), а также наличием там подразделений командос.

Батиста не смог удовлетворить их любопытства. Тогда они заставили его вместе с Самари Абу выгружать из самолета оружие и боеприпасы. Разгрузкой руководили двое европейцев в синих джинсах и белых рубашках, они говорили по-английски. Около 8.15 Батиста увидел раненых, которых привезли к самолету, — по его подсчетам, примерно около 40 человек. 20 европейцев, охранявшие аэропорт, поднялись в самолет. Батисте и другим заложникам приказали сойти на землю. Потом самолет взлетел.

АРМЕЙСКИЙ РЮКЗАК И ЦИВИЛЬНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Первые разоблачения вызвали явное беспокойство организаторов агрессии и тех, кто стоял за их спиной. В резко усилившейся пропагандистской кампании, поднятой на Западе против Бенина, чувствовалась нервозность. Еще бы! Уже из доклада П. Ону стало ясно, что брошенные наемниками оружие, боеприпасы, вещи (такие, например, как рюкзак с надписью «Минерва Касабланка») могут продолжить рассказ о том, что случилось утром 16 января 1977 года. И продолжение рассказа произвело ошеломляющее впечатление.

Наиболее полные материалы и результаты расследования были представлены журналу «Африк-Ази». Их изложение поможет ответить на многие оставшиеся до некоторого времени неясными вопросы, представить масштабы задуманной акции.

Когда Матье Кереку объявил, что в руки защитников республики после отражения агрессии попали важные документы, на Западе многие скептически скривили губы. «Не такие уж дураки те, кто готовил высадку в Котону, чтобы разбрасывать бумаги, — говорил мне в Дакаре один журналист. — А бенинцы просто-напросто не могут отличить важного документа от ничего не говорящего листка».

Так можно было бы сказать, да и то с большим допуском о содержании армейского рюкзака со словом «Касабланка», хотя он сам по себе деталь в расследовании весьма существенная. Но вместе с рюкзаком на-

шли портфель, на котором было написано: «Полковник Морэн». В портфеле, оставленном наемниками (конечно, они не настолько глупы, чтобы «разбрасывать бумаги», но ведь исполнители «Танго-эхо» бежали, спасались, отступали в спешке, до портфелей ли было?), хранились документы. Корреспондент «Африк-Ази» Мариам Сисло отметил прежде всего, что они составлены на французском (большинство) и арабском (гораздо меньше) языках. И это были не «простые бумажки», а планы, схемы, таблицы, удостоверения личности, фотографии, имматрикуляции, пропуска, медицинские сертификаты, авиабилеты, водительские права, чековые книжки, письма и т. д. А главное, в портфеле обнаружили документы, которые, как заявили в службе безопасности Бенина, «составляли основу организации и проведения всей операции». Группа наемников проходила под кодовыми названиями «Натиск Омега» (иностранная группа вторжения) и «Танго-эхо».

Мариам Сисло сделал предположение, что группу наемников подготовили лица французской национальности, и в доказательство привел «список денежных переводов». Копия его опубликована вместе со статьей. Слева фамилии, домашний адрес или номер счета в банке, справа — сумма, выплаченная наемнику: Канессо Луис, кредит Лионнэ № 337, 36 авеню Жан Жорес 69007, Лион — 9130 франков (французских, очевидно. — Л. К.); Бутери Жак, Сосьете Женераль № 50136887, Ажанс С Альма, авеню Президент Вильсон, Париж, — 5500 франков; Бирнбаум Зигфрид — 6500 франков; Берарденго Эрик — 4500 франков; Ко Андрэ; Гесс Жан Мишель и т. д. и т. д. Длинный список, всего 61 фамилия.

Рядом со списком получателей оклада — жалованья другой — на двух листах 80 фамилий. Против каждой — краткая характеристика: возраст, физическое состояние, где служил. Оказалось, что большинство участников «рейда на Котону» далеко не новички в таких делах. Многие прошли до этого закалку в различных «горячих точках» планеты, таких, как Алжир, Западная Сахара, Индокитай, Конго (бывшее «бельгийское». — Л. К.), Бурунди, Йемен. Против многих фамилий стоит отметка «A.F.N.» или «T.F.A.I.», означающая, что завербованный обладает опытом ведения колониальной войны.

Наемники высадились в аэропорту, будучи уверены, что уж бенинское-то «море» им «по колено». Вот почему их поведение похоже на плохую игру хороших актеров, попавших на подмостки захудалого театра, — зачем стараться, зачем выбиваться из сил? Все равно успех с аплодисментами обеспечен.

Отсюда кажущееся легкомыслие этих «волков пиратских операций».

Однако дело не только и даже не столько в легкомыслии. Много «глупостей» наемники наделали не по своей вине. Они были дезориентированы своим начальством, своим генеральным штабом. Наемникам внушали, что в Котону их приглашают чуть ли не для того, чтобы попить виски в гостинице «Южный крест», что дел там будет сущий пустяк: «страна в разрухе», «правительство не пользуется никаким авторитетом», «народ недоволен» и т. д. Поэтому достаточно только появиться, «потрясти слегка бенинскую пальму», как все тут же рухнет, придет новое правительство. А участникам рейда останется лишь вынуть кошелек да подняться уже не в военный самолет, а в лайнер гражданской авиаконпании, чтобы отправиться в любую сторону, куда душа пожелает. Именно по такой схеме работали ответственные за психологическую подготовку «гусей».

В одном из документов под заголовком «Общее положение» в «Баналии» (так был зашифрован Бенин) говорилось: «Суть заключается в том, что нейтрализация К. (речь, бесспорно, идет, по мнению «Африк-Ази», о президенте Кереку) и его друзей сможет вызвать крах всего политического аппарата... Отношение различных подразделений вооруженных сил в случае искусных маневров может оказаться благоприятным (здесь недвусмысленно говорилось о том, что после высадки десанта наемников в Котону поднимут мятеж парашютисты, расквартированные в Уида, и жандармы Порто-Ново)... Элементы, верные нынешнему режиму, кажутся не обладающими сильными мускулами как с точки зрения людей, так и материального обеспечения. В результате проведенного изучения оппозиция, — говорится далее в документе, — пришла к выводу, что имеются почти все необходимые условия и в достаточном количестве, которые, вместе взятые, обеспечат свержение настоящего режима. Достаточно пошевелить пальцем, чтобы привести в движение механизм, который приведет к побе-

де. Им (пальцем. — Л. К.) будет подразделение «Танго-эхо»...»

Сделан главный вывод. Дальше уже следовали детали: как, когда «пошевелиться пальцу», на спусковой крючок какого оружия его положить и т. д., чтобы «нейтрализовать руководителей».

Но «нейтрализовать» еще не все. «Одновременно, — говорится в документах, — необходимо расчистить путь новой команде и помочь ей занять место, как можно быстрее обеспечить ее авторитет... В то же время быть готовым для отражения контрдействий из-за рубежа».

Под «новой командой» имелось в виду новое правительство. А под «контрдействиями из-за рубежа»? Это уже вклад в разрабатываемую операцию специалистов по антикоммунизму. Именно антикоммунистическая волна, по мысли авторов переворота, должна была удержать «на плаву» своих ставленников. В одном из захваченных документов говорится: «Действия в Бенине предполагают положить конец сползанию нынешнего режима к Востоку, что оказало психологическое воздействие, может быть решительное, на некоторых глав африканских государств, склонных идти еще дальше в своем компромиссе с марксистами».

Как выяснилось, наемники привезли с собой некоторых членов «новой команды». Неизвестно, что собирался делать майор Согло, которого увидел Фави Жан-Батиста, но вот роль некоего Гарсиена Поньо не вызвала сомнений. Он должен был стать «президентом республики, главой государства и главой правительства».

В печать просочились сведения о том, что в подготовке переворота руками наемников участвовал бывший президент бывшей Дагомеи Зинсу, рассчитывавший таким образом снова стать «первым человеком» в стране. Но, видимо, он настолько скомпрометировал себя, его связи с ЦРУ так очевидны, что ставка была сделана на другого человека, Гарсиена Поньо. Тем более что он везде и всюду выдавал себя за основателя Фронта освобождения и восстановления Дагомеи, марионеточной организации, созданной на самом деле западными разведками. Журналисты, следившие за событиями в Бенине, высказывали и такое мнение: в соперничестве между монополиями по обеим сторонам Атлантики

установить влияние на Бенин победили европейцы, и американцы вынуждены были снять свои кандидатуры, в том числе и кандидатуру Зинсу.

Итак, успешно пройдя первый круг в отборочных «соревнованиях», Г. Поньо готовился сесть в президентское кресло. «Восхождение к власти» разрабатывалось до мельчайших деталей — начиная от формы одежды до первой речи, среди оставленных наемниками документов был обнаружен текст первого обращения новой власти к народу. Он начинался словами:

«Дети Дагомеи! Вставайте! Тирана больше нет!» И далее: «В настоящий момент вооруженные силы Фронта освобождения и восстановления Дагомеи целиком разрушили (тут же дается на всякий случай вариант: «взяли под полный контроль») важные арсеналы орудий насилия и смерти, которые Кереку, его сторонники и его иностранные хозяева создали в разных точках национальной территории. ...В Котону это Дворец республики, лагерь Шезо и укрепленные резиденции, где окопался тиран и его главные прислужники...»

Провозглашение таким образом «нового порядка» в Бенине должно было сопровождаться рядом других действий и мероприятий. Их план предусматривал: «Первое — резко прервать передачи радиостанции «Голос революции».

Второе — исполнить свой национальный гимн «Новый восход».

Третье — провозгласить: «Сейчас вы слушаете «Голос Дагомеи», передающий из Котону. Через несколько минут вы услышите важное заявление Фронта освобождения и восстановления Дагомеи...»

Вся операция по проведению государственного переворота разбивалась на три этапа: подготовительный, проведение собственно операции, после операции. Первый этап предусматривал нанесение ударов силами европейских наемников. В этом случае от наемников из числа африканцев требовалось главное — сыграть «роль алиби», то есть послужить некой ширмой, чтобы в будущем заявить, что «европейские наемники в событиях не участвовали», что переворот в Бенине «осуществлен недовольными африканцами».

Так, в одном из документов читаем: «Подготовительный этап: состав сил «Омега» — 60 европейцев; умело применить оружие; 30 африканцев — обеспечить вступ-

ление в действие большинства из них, чтобы максимально африканизировать операцию».

Под многими документами, брошенными наемниками, стояла подпись «полковник Морэн». Судя по их содержанию, можно предположить, что именно на него были возложены задачи по проведению операции. Из других данных явствовало, что руководителей «Танго-эхо» подбирал полковник Боб Денар, а среди асов-наемников. А что же за личность «полковник Морэн»?

Взятый в плен во время боев в Котону наемник (выходец из Гвинеи) показал, что полковник Морэн — француз. Его настоящее имя Жильбер Буржо. То, что Буржо назван журналом «Африк-Ази» разведчиком, никого не удивляет — в операции «Танго-эхо» никакой исполнитель танго или фокстротов не участвовал бы. Это дело разведчиков. Но удивило другое — Жильбер Буржо, оказывается, занимал видный пост в аппарате президента Габона — был советником.

Слова пленного наемника подтверждены документами. Среди них найдено, например, удостоверение личности и контракт, который заключили 3 августа 1976 года государственные органы Габона с Ж. Буржо, приглашенным на работу в качестве советника. Журнал «Африк-Ази» поместил фотокопию этого контракта. На самом верху официального бланка справа написано: «Союз — Труд — Справедливость». Затем условия контракта, подкрепленные статьями из трудового законодательства. Внизу подписи двух министров, а также генерального директора бюджета и финансов. «Господину Буржо Жильберу, постоянное место жительства — Бордо», была положена зарплата в 500 тысяч африканских франков (стоимость небольшого автомобиля) в месяц, а также четырехмесячный отпуск после двух лет работы.

Откуда было знать габонским финансистам, оформившим такое высокое жалованье советнику, что спустя некоторое время, а именно 5 ноября, Ж. Буржо подписал другой контракт, в котором говорилось: «Я, нижеподписавшийся, Жильбер Буржо, обязуюсь по настоящему контракту завербовать для Фронта освобождения и восстановления Дагомеи 90 техников, 60 европейцев и 30 африканцев, которые будут служить основной силой в низвержении нынешнего режима в ходе задуманной операции...

Я также обязуюсь на средства первого платежа, отпущенного на период подготовки операции в сумме 475 тысяч американских долларов, покрыть все расходы по рекрутированию и доставке, размещению и выплате жалованья всем 90 техникам...»

Подпись: «Жильбер Буржо».

Постоянный представитель Франции в Организации Объединенных Наций категорически отверг обвинения в адрес Франции. Он заявил, что после тщательно проведенных расследований установлено, что в вооруженных силах Франции не находится ни на действительной службе, ни в резерве, ни даже на иностранной службе человек, похожий по описаниям на Жильбера Буржо...

Далее представитель Франции, однако, повел разговор о гражданских свободах, о том, что во Франции они уважаются, что любой человек может там купить билет и уехать куда угодно, открыть любой счет в любом банке. Одним словом, полная свобода, а буржуазная демократия не может позволить поставить «жандарма за спиной каждого француза, за спиной каждого нашего гостя». Правда, косвенно господин дипломат признал, что наемники все-таки прибыли в Котону из Франции. Но он сразу же оправдался: ведь бывают, мол, «злоупотребления демократией и свободой», «злоупотребления гостеприимством». В этой же речи выступавший осудил «скандальные операции» и сказал, что Франция всегда была другом Бенина.

Спустя два с лишним года журнал «Африк-Ази» в номере за 5 февраля 1979 года сообщил, что Боб Денар, полковник Морэн, Жильбер Буржо — это одно и то же лицо!

КОГО ВЕРБУЮТ

ЯБЛОКИ ОТ ЯБЛОНИ...

Когда в 1964 году в аэропорту Киншасы группе рослых, наглых людей пограничники предложили заполнить анкеты, они в графе «профессия» написали: «бухгалтер», «агроном», «ветеринар». В пункте «цель поездки» пограничники читали: «контракт о найме на работу», «техническая помощь». Группу привез Майкл Хор, «бешеный Майк».

Среди «агрономов» и «бухгалтеров» гордо выступал человек с Железным крестом. Им оказался эсэсовец Мюллер (свидетельствует наемник Ян Шрамм в своей книге «Батальон леопард»). Рядом с Мюллером выступал фон Блотинц, отличавшийся тем, что всегда был одет с иголочки, и умещавший свою философию в до предела упрощенную формулу: «только белый человек может ходить по земле». Здесь был и уголовный преступник, бывший легионер Карл Шмидт, которого разыскивала полиция во многих странах мира, и выкормыш-гитлерюгенда Кроль, закаленный в Индокитае и Алжире во время службы в иностранном легионе, и (уже тогда!) Боб Денар и т. д. и т. д. Это одна категория наемников — бывшие нацисты, фашисты, ветераны, прошедшие колониальные войны. О гитлеровцах говорить не приходится. А что такое ветераны?

«Я считаю себя профессиональным солдатом, — говорил один из них, американец Джилберт Гуддел. — Я ныне безработный. В гражданской жизни мне нет никакого применения. Но я могу быть вам (это уже вербовщикам) полезен, ведь я натренированный профессиональный боец».

Натренированный профессиональный боец... С таким встретился однажды корреспондент «Жён Африк» Марк Лейн. Вот запись его беседы:

«Вопрос. Ваше имя?

Ответ. Джозеф Грант.

Вопрос. Когда вы стали солдатом?

Ответ. В 1963 году.

Вопрос. Вы никогда не были свидетелем резни, подобно той, которая произошла в Сонгми?

Ответ. Не такой... Я видел резню поменьше в Вудоп. Каждого, кто хоть чуть походил на вьетнамца, убивали. Первая команда действовала с другой стороны примерно за пятнадцать минут до нашего прихода. Они вошли в деревню. Мы остановились немного дальше, около деревни.

Вопрос. На чем они прибыли? С каким оружием?

Ответ. Они прибыли на вертолетах. Они приземлились. Они стреляли с юга, и, когда люди побежали, они полетели на восток. Все люди бежали с поднятыми вверх руками.

Вопрос. Сколько людей добежало до вашего подразделения?

Ответ. Примерно 65.

Вопрос. Кто это был?

Ответ. Вьетнамцы, гражданские.

Вопрос. Что с ними делали, когда они прибежали?

Ответ. Их останавливали и расстреливали.

Вопрос. Мужчин, женщин, детей?

Ответ. Так точно. Главным образом женщин. Около пятнадцати мужчин и от пятидесяти до семидесяти женщин.

Вопрос. Когда это было?

Ответ. Должно быть, в декабре, как раз перед Новым годом, если я не ошибаюсь.

Вопрос. Что случилось с деревней?

Ответ. Сожгли.

Вопрос. Как?

Ответ. Бензин, зажигалки, спички...

Вопрос. Что сделали с трупами?

Ответ. Вырыли яму и выпустили туда внутренности... Потом облили трупы бензином и сожгли.

Вопрос. Сколько вы видели деревень, с которыми произошло то же самое?

Ответ. Еще две.

Вопрос. Ваши приятели коллекционировали какие-нибудь части тела убитых противников?

Ответ. Да, но на этот раз мы их остановили. Эти типы обрезают уши вьетнамцев, высушивают и привязывают вокруг шеи, нанизав на бечевку, и носят как цепочку. Вы понимаете, это как сувенир. Эти типы на-

половину спятили. Они берут труп и вспарывают его или раздирают его, сверху например.

Вопрос. Получали ли вы награды или благодарности в приказе?

Ответ. Да. У меня пять медалей...»

Было бы, однако, неправильно утверждать, что интервьюируемый Марком Лейном деградировал как личность, превратился в убийцу только во время войны во Вьетнаме. Да и в рядах наемников далеко не все прошли вьетнамские или алжирские «университеты». Тем не менее недостатка в рекрутах нет. Их обильно поставяет общество, которое именует себя «свободным» миром, обеспечивающим якобы «права человека» и гарантирующим развитие личности.

Как правило, каждый второй наемник, с которым мне приходилось разговаривать или читать о нем в протоколах следствия, в газетах и журналах, жаловался на рост цен, снижение заработной платы, на безработицу, что и заставило подаваться в «гу́си». Несколько лет назад я побывал на юге Судана. В городке Вау при местном гарнизоне суданской армии был настоящий музей, где хранилось оружие, захваченное у участников сепаратистского движения. Рядом на столике разложены погоны (судя по ним, военнослужащие многих натовских армий закончили свой путь на юге Судана), а главное — стопки записей допросов, своеобразных объяснений, почему человек стал наемником. Вот Хайнц Шмидт из Дюссельдорфа: «Я работал на заводах «Фольксваген», потом меня уволили, жить стало тяжело...» Читаю другое: «Мои родители переселились в Израиль из Польши. Я служил в армии, потом уволился. Заболела жена. Денег на лечение не хватало. А тут я получил 2 тысячи долларов в неделю. М. Виговский».

В самом начале повествования я рассказывал о Марселе, солдате Испанского иностранного легиона. Наш разговор внимательно слушали молодые люди, которые содержали в полном порядке и «на ходу» яхту для своего хозяина. Я спросил их (когда дезертир закончил свою исповедь): «Если бы вам предложили две тысячи долларов в месяц, вы бы согласились послужить вместо Марселя?» — «Нет, — ответил один, — моя семья достаточно обеспечена, и мне нет необходимости браться за такое дело». — «Зачем?» — сказал другой, — я заканчиваю стоматологический факультет...»

Они в наемники не собирались. Но в то же время никто из них не назвал профессию Марселя даже таким, в данном случае мягким словом, как «аморальная».

ПИЛЮЛИ ИЗ ЗОЛОТА

Тысячами экранов, миллионами страниц буржуазное общество утверждает, что главные ступеньки лестницы, идущей наверх, — это деньги. Одному их дает обеспеченная семья. Другому — работа в клинике, где за лечение зубов берут бешеные гонорары. Третьи подаются в «гуси»...

Человек опускает пачку денег в карман. Это ли тот самый момент, когда его нужно схватить за руку и объявить: «Ты стал наемником!» В ряде случаев так. Но не всегда. Маразм личности, вызванный общим глубоким и всесторонним кризисом буржуазного общества (безработица, инфляция, духовная опустошенность), — мощный двигатель наемничества. Да, наемники воюют за деньги, за золото. Но за какое, чье золото, какой пробы? За деньги и золото, которые, как медицинские пилюли, должны вместе с употреблением вселить в наемника «здоровый дух», «даже идеалы». Золото усваивается по-разному и питает разные цели. Часто они весьма низменны и соответствуют уровню личности, опрIMITивизированной до предела. Однако и эти цели называют идеалами, ибо, как говорил журналу «Африка» один из «диких гусей», воевавших в Заире, наемник — «это солдат идеалов, даже если эти идеалы ошибочны. Без них вы поступаете на службу только как потенциальный труп».

В начале мая 1976 года лондонские газеты сообщили о самоубийстве Чилфа Мидлтона, бывшего капрала королевских военно-воздушных сил. Полиция, объясняя причины, побудившие человека самовольно расстаться с жизнью, пришли к простому, но весьма оригинально сформулированному заключению: Мидлтон «не мог най-

ти работу на уровне своего интеллекта и способностей». Вот и все. Судьба человека заинтересовала исследователя наемничества Антони Моклера. Ему удалось узнать некоторые детали, которые проливают дополнительный свет. Оказывается, бывшему капралу вручили 10 тысяч фунтов стерлингов (сумма немалая), чтобы раздать ее семьям британских наемников, которые были убиты в Анголе. То ли боязнь ошибиться, рассуждает А. Моклер, при распределении такой большой суммы, то ли слезы родных, свидетелем которых теперь часто становился бывший капрал, то ли его думы о судьбе «диких гусей», а может быть, все вместе легло на Мидлтона тяжелым моральным грузом. Он не выдержал его... А. Моклер начал свою статью именно с этого для того, чтобы сказать: главный убийца и наемника, и их жертв, и тех, кто как-то сопричастен с ними (в данном случае Ч. Мидлтон), главный виновник других человеческих несчастий — деньги, золото. Золото той пробы, на котором держится социальная система эксплуатации, угнетения и насилия. «Я никогда не держал в руках столько денег!» — воскликнул Джон Наммок, когда вербовщик вручил ему аванс. Шок, пусть приятный, вызванный 150 фунтами стерлингов, оказался настолько сильным, что человек был выведен из состояния душевного равновесия. Деньги подействовали и на других кандидатов в «солдаты фортуны». Путь к обретению покоя у Наммока и ему подобных одинаков и примитивен — это увеселительные заведения.

В течение пяти дней Наммок с друзьями кочевал из бара в бар, из гостиницы в гостиницу, из одного ночного клуба в другой. Уже в первый вечер на одну выпивку группа наемников, по словам Наммока, «просадила» 500 фунтов стерлингов.

После очередного дебоша они попали в полицию. Но были освобождены и, как отметил тунисский «Жён Африк», на следующий день они отбыли из Лондона к месту назначения, пройдя на посадку в самолет из зала для почетных гостей.

Наемника называют «яблоком», которое недалеко упало от «яблони», то есть капиталистического общества.

Журнал «Ньюсуик» однажды проинтервьюировал известных американских ученых на тему о духовном здоровье общества. И что же? «В стране (США. — Л. К.)

говорят о демократии, — заявил Ричард Хофстадтер, профессор истории Колумбийского университета, — а молодежь видит, как насаждается расизм».

Юджин Дженовезе, декан исторического факультета Рочестерского университета, пришел к убеждению: «Сегодня Соединенные Штаты живут под знаком тотального провала. Его ощущают все группы и классы общества. Подорвана вера в идеалы, институты и перспективы... Духовный кризис порожден очевидной несостоятельностью нашей хваленной капиталистической системы».

Поэтому не могут вызывать удивления «плоды», которые порождает указанная «яблоня». Именно в обществе, лишенном будущего, вырастает наемник, именно там человек, униженный системой, лишенный перспективы, обманутый носителями ложных духовных ценностей, становится добычей реакционных сил.

Капиталистический мир либо давным-давно утратил свободы, завоеванные трудящимися в тяжелой борьбе, либо весьма ловко приспособил их для того, чтобы обеспечить более эффективную работу механизма подавления и защиты частной собственности и прибылей, либо предлагает молодым людям «свободу личности» индивидуалистического, анархического толка.

Раздувая сверх меры «проблему личности», предлагая ей проявляться в чем угодно, кроме, конечно, участия в борьбе за социальные права, в борьбе за коммунистические идеалы, буржуазное общество развращает и губит личность. Бывший директор Информационного агентства США Э. Мюрроу говорил: «Наша страна имеет многостороннюю идеологию. Демократия — дело не простое, а сложное. Мы разрешаем, даже поощряем несогласие. Наш отличительный признак — разнообразие. Наше национальное кредо состоит в том, чтобы не иметь одного убеждения, одного объяснения, одного руководства...» Из высказывания видно, что одна из главных целей буржуазных идеологов — превратить духовную жизнь человека как личности и людей как общества в своеобразный веер, в котором есть место и для буржуазного нытика, и для хиппи, и для откровенного расиста, и для антигероя. Такой веер создается для того, чтобы в любое время можно было силой свернуть его, раздавив, если таковые обнаружатся, либеральные идеи, и при этом превратить его еще и в дубинку.

А что такое отдельная часть веера, например, право на несогласие «свободной» личности, желание личности проявить свое несогласие в какой-либо области жизни? Особенно широким несогласием (несогласием предоставить свободу неграм, способствовать независимому развитию бывших колоний и т. д.), одобряемым буржуазным обществом, может быть расизм. Расизм немислим без насилия. А к нему общество готовит людей годами, систематически, методично и планомерно. Иллюстрацией служит негритянская проблема в США. Веками воспитывалась там расовая ненависть к черным, к африканцам. Затем капитализм породил «расизм наоборот» — «черный», острие которого направлено против каждого белого — независимо эксплуататор он или коммунист, колонизатор или представитель социалистической страны.

Возьмите Западную Европу. Тысячи и тысячи выходцев из Африки заполняют трущобы Лондона, Парижа, Брюсселя, Гамбурга и т. д. Они делают самую черную, самую неблагоприятную работу. Над ними издеваются, их грабят. И в то же время на их судьбе, представляемой в искаженном свете, на жизни этих несчастных воспитывают современных «белокурох бестий», обманывают молодых англичан, французов, бельгийцев. И оказывается, что безработица, инфляция, рост цен вызваны наплывом выходцев из развивающихся стран. В результате происходят жестокие кровавые «суды линча». Некоторые, расправившись с кенийцем где-нибудь в районе лондонского Пиккадилли-серкус, рвутся в бой дальше и готовы отправиться в Родезию, чтобы «проучить» население далекой деревушки, или высадиться в Котону, чтобы доказать власть белых, «приструнить чернокожих», дабы неповадно было им проявлять свою волю.

Указывая на то, как буржуазное общество под флагом свободы разрушает и губит личность уже в юношеском возрасте, Джеймс Олдридж говорил: «Нашу душу развращают, а это покушение на нашу свободу. Неспроста около 70 процентов спектаклей, идущих на подмостках лондонских театров, в той или иной степени насыщены порнографией. Это, кстати, не только моя личная оценка; ее высказывают некоторые серьезные театральные критики, осуждающие создавшееся положение. Не случайно нам показывают на экранах кино и те-

левидения так много ужасов, что мы все больше привыкаем к зрелищу жестокости, изнасилований, сексуальных извращений, полицейского произвола, безжалостного эгоизма, политической коррупции, все больше приходим к убеждению, что вероломство и коварство — это нормы нашей жизни...»

Большинство наемников прошли эти «университеты». Послушайте, что заявляют журналисту кандидаты в «гуси»:

«Я не охотник до славы и не идиот, — мотивирует свое решение один, — я просто хочу урвать у жизни как можно больше...»

«Я хочу быть просто наемником... — откровенничает другой. — Мне 22 года, я родился 5 ноября 1944 года в Дакаре, я американец. Я принадлежу к белой расе. Я не пускаюсь в это мероприятие с закрытыми глазами. В прошлом году я прочел все, что можно было прочесть о наемниках в Конго в муниципальной библиотеке в Кливленде... Мой рост 1 метр 80 сантиметров, вес 82 килограмма с половиной, я понимаю, что у меня лишних пять килограммов, но я могу легко похудеть...»

Казалось бы, стоит ли опасаться этих недалеких, туповатых любителей острых ощущений?

Но, уточнили такие авторитеты буржуазной прессы, как «Фигаро» и «Дейли телеграф», наемники всегда выступают в независимости от их личных планов, амбиций и устремлений, выступают как «защитники цивилизации и западных ценностей».

СПРУТ ИЗ СЕН-СИРА

Конечно, среди наемников есть обманутые, есть разочаровавшиеся, разложившиеся элементы, вышедшие из пены буржуазного общества. Они и составляют ее основную массу, именуемую «живой силой». Но «силу» направляют в бой, как уточнили «Фигаро» и «Дейли телеграф», для достижения конкретных, четко определенных целей. Поэтому, попав в наемники, человек подвергается дальнейшему «воспитанию».

На вершине холма, самой высокой точки Луанды, стоит форт Сан-Мигель. Весь город как на ладони. Вечером особенно занятно было смотреть на него. Иностранные фирмы не жалели денег на рекламы, круглые сутки они пылали разноцветными красками и огнями. Тысячи искусственных солнц и звезд висели над улицами, кромкой океана, окаймляющей город, над круглым, как собор и крепость одновременно, зданием банка, над небоскребами, скверами, кинотеатрами, казармами.

Я пришел в форт Сан-Мигель после того, как последние португальские солдаты поднялись на борт морских транспортов и самолетов.

Еще горели рекламы бывших хозяев страны, иностранных компаний, но уже грузовиками и тракторами в форт свозили каменные и металлические фигуры — памятники тем, кто завоевывал Анголу, кто устанавливал власть над Африкой. Без постаментов грозные офицеры выглядели беспомощными. Здесь в одном из просторных помещений форта, которое совсем недавно занимал начальник центра по подготовке для колониальной армии солдат особого назначения, я познакомился с Андрэ Бружем, полковником французской армии. Познакомился заочно. Через его книгу. Она (весьма страшная с виду — на белом фоне красный спрут душил земной шар) лежала на столе начальника центра. Называется книга «Красный яд» и вышла под рубрикой «Психологическая война».

Биография автора представляет интерес. Уже одно то, что А. Бруж учился в Сен-Сире (Франция), говорит о многом. Специальная школа Сен-Сир — это военная Сорбонна. Поступить туда мог далеко не каждый. Только дети «голубых кровей», то есть или из дворян, или из семей, принадлежавших к финансовой и промышленной знати. Окончив ее, молодой человек сразу выходил на широкую дорогу, которая сулила ему чины, славу, ордена, вес в обществе. Издавна военную школу в Сен-Сире патронировали иезуиты.

Андрэ Бруж мечтал о морской мехоте, и его мечта сбылась. В качестве офицера этого рода войск он служил в Тропической Африке, в Ливане, Марокко, на Мадагаскаре и в Реюньоне. В 1945 году энергичного офицера посылают в Сайгон. В Индокитае А. Бруж старался особенно. Неоднократно его отмечало начальство за умелые действия (чтобы прослыть «умелым», требова-

лось немного — надо было быть жестоким, надо было уметь подавлять чувство жалости, сострадания к людям и т. д.) против вьетнамских патриотов. В ночь под Новый (1949) год он попал в плен к бойцам освободительной армии. Дикая злоба охватывает Бружа, когда он вспоминает и рассказывает о годах плена. Нет, не условия в лагере военнопленных (да ведь это и не курорт) вызывают безудержный гнев нынешнего полковника, а гордость вьетнамцев, вера в победу правого дела, а главное, то, что в своей жизни и борьбе они руководствовались идеями марксизма-ленинизма. Вооруженные именно этими идеями, они победили его, Бружа, лично, его, Бружа, социальную систему, его, Бружа, идеи.

Выпускник Сен-Сира не жалеет ни желчи, ни черной краски, чтобы представить вьетнамцев как варваров, злодеев (тут же ставится знак равенства с коммунистами), которых следует бояться и уничтожать. За что? Да за то, что они отмечают праздники 14 июля (день взятия Бастилии), 1 Мая, день Великой Октябрьской социалистической революции, день рождения Хо Ши Мина, поют «Интернационал» и «Марсельезу» (на одном из мероприятий Бружу показалось, что среди вьетнамцев он увидел тень Робеспьера)... Но это не все, за что следует ненавидеть коммунистов, предупреждает Бруж, они ведь еще выступают за мир и «мирное существование».

Выйдя из плена, Бруж отложил в сторону оружие морского пехотинца, считая его для себя устаревшим, примитивным, и взялся за другое — перо. Он видел, что некогда могучие колониальные империи переживают кризис, появились глубокие трещины, которые могли превратиться в пропасти, оторвав от метрополий ее бывшие владения. Полковник Бруж становится директором военного учебного заведения в Арзю и занимается идеологической подготовкой семи тысяч офицеров, которые должны были удержать для Франции ее заморские владения. По программе Бружа обучались офицеры и солдаты иностранного легиона. Свои идеи он формулирует коротко, до предела упрощенно, по-военному: социализм угрожает всему миру; коммунисты несут социализм в другие страны на штыках.

«Цели, а значит, стратегия, тактика и средства СССР», подводит под страх и теоретическую базу Бруж, направлены на то, чтобы «взять за горло всех людей

планеты — черных, белых или желтых (мотай на ус, наемник!), являющихся буржуа, капиталистами или пролетариями, и включить их в огромную тоталитарную систему».

Наряду с общим планом полковник Бруж попытался представить будущему карателю, или «дикому гусю» (как раз в данном случае расчет делается на дикость, невежество), так сказать, духовный стержень коммуниста, а точнее человека, который выступает против капиталистической системы. Оказывается, строится он на инстинктах. «Главные инстинкты, — рассуждает Л. Бруж, — такие: 1 — инстинкт борьбы, 2 — инстинкт вскармливания, соответствующий сохранению индивидуума, 3 — инстинкт сексуальный, 4 — инстинкт родительский (или материнский), соответствующий сохранению рода». Опираясь на эти инстинкты, человек формирует свою личность. Инстинкт, превращаясь в высшие формы под влиянием чувств и культуры, может привести личность к вырождению. Именно на инстинкты рассчитывала, по Бружу, советская пропаганда, использующая «теорию условных рефлексов», которую «Павлов проверял на собаке».

По убеждению Бружа, враги «свободного» мира живут не только в социалистических странах или борющихся за независимость, но и в самом «свободном» мире. Его явно возмущает, что многие молодые люди на Западе, разуверившись в буржуазной демократии, ищут другие идеалы, других героев. Поэтому полковник решительно требует развенчать, снять с пьедестала таких людей, как Алексей Стаханов и Анри Мартэн, чтобы они не овладели умом и сердцами молодых людей.

«Это искусственные герои, — вещает идеолог, — созданные тоталитарными партиями». Оказывается, коммунисты, граждане социалистических стран, всего лишь роботы, манекены, отлитые в одной и той же форме с одинаковым строением внутреннего духовного мира.

Ангольские товарищи, которые занимаются исследованием проблемы наемничества, были свидетелями того, как в начале 60-х годов в действиях колониальной администрации Анголы начали происходить перемены. До этого, рассказывали они, ставка делалась на чисто карательные операции — массовые аресты, уничтожение деревень или урожая. Без всяких объяснений, просто как наказание за сопротивление властям или «непослу-

шание». Однако шли дни, а протест народа становился все громче, и солдат уже не хватало, чтобы усмирить «мятежников». С другой стороны, многие португальцы — мелкие землевладельцы, чиновники, представители торгового капитала — не одобряли слишком крутых мер. Тем более что в иностранную прессу проникали рассказы очевидцев кровавых расправ.

Что делать? Расширить базу контрреволюции — так решила салазаровская администрация. За счет чего? На этот вопрос защитников колониальных порядков ответили современные идеологи империализма типа г-на Бружа. За счет антикоммунизма! Для «спрута из Сен-Сира», как называли Бружа и других подобных ему идеологов, крупный буржуа и мелкий лавочник, колониальный чиновник и местный африканский вождь представлялись легкой добычей. И действительно, они довольно быстро поддавались угрозам о «коммунистической опасности». В результате те же карательные операции, массовые расправы, убийства, всяческое подавление свобод начали осуществляться как меры по борьбе с коммунистической угрозой. В Анголе ее носителем было объявлено Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА). А в Африке — страны, выбравшие путь независимого развития.

— Я всегда был борцом за справедливость, — говорит наемник Книзер наемнику Вайсману. — И после службы в бундесвере сразу же отправился в Африку, в Конго. Когда записывался в отряд наемников, то рассчитывал, что буду служить правому делу.

Что имелось в виду под «правым делом», расшифровал однажды «бешеный Майк», — защищать Африку от «русского империализма».

Собеседник Книзера выражается не менее определенно:

— Я питаю патологическую ненависть к русским и коммунизму вообще.

— Наемники — это не ангелы, — вступает в разговор Книзер. — Там были страшные типы, даже убийцы.

Вайсман и Книзер себя к этой категории, к этой массе не относят. Они несколько выше толпы, потому что поставили перед собой цель получить не только как можно больше денег, а вырваться из массы, самому стать хозяином. Отсюда и такая ненависть к коммунизму.

— ...В 1961 году, — продолжает рассказ журналист еженедельника «Квик», — Карл-Гейнц Вайсман еще не думал о войне. Он хотел «пожить красиво» пару лет, подзаработать и посмотреть мир. Именно поэтому в апреле 1962 года он переселился в Южно-Африканскую Республику.

— Самолет «трек-эйруэйз» шел курсом на Йоганнесбург, — вспоминает Вайсман. — Со мной летели еще 125 немцев-переселенцев из ФРГ. Дорогу оплатили власти ЮАР. В Йоганнесбурге меня ждала работа слесаря-сборщика. Мне обещали платить семь марок в час. Это было неплохо, и я надеялся через пару лет стать обеспеченным человеком. В последующие месяцы я работал в Джепе, пригороде Йоганнесбурга, и жил как «у Христа за пазухой».

В мае 1964 года произошло событие, окончательно определившее его судьбу. На станции, откуда он ежедневно ездил в Йоганнесбург, в оставленном кем-то чемодане взорвалась бомба. Полиция квалифицировала этот взрыв как акт протеста против расистской политики властей. Утверждали, что это «сделал коммунистический агент».

Через несколько дней в газетах появились объявления вербовщиков, приглашавших белых воевать против повстанцев в Конго. Вайсман явился на вербовочный пункт в Йоганнесбурге.

Далее журналист из «Квика» рисует такую сцену:

«Двое мужчин сидят в нюрнбергском баре, два старых ветерана празднуют встречу. Нет, они ничего не знают о фронтах второй мировой войны, но с 1964 по 1968 год они служили наемниками в Конго. И если многие солдаты второй мировой войны клялись сделать все, чтобы она не повторилась, эти двое готовы снова взять в руки винтовки. И лучше сегодня, чем завтра.

— Твое здоровье, Чарли, — говорит человек с бородкой клинышком. — Выпьем за то, что мы не дали себя сожрать крокодилам под Стэнливилем.

— И за то, чтобы поскорее снова подышать африканским воздухом, — отвечает мужчина со светлыми усами, — твое здоровье, Михель».

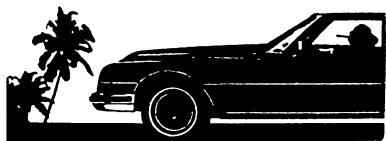
Человек с усами — Вайсман. Кого и где убивать, ему неважно.

— Может быть, и не африканцев, — говорит он. —

Мы поедem и в Южную Америку. В любую горячую точку. Лишь бы хорошо платили.

Его собеседник Михель Книзер несколько иного мнения: он хочет быть уверен в «справедливости дела», за которое может сложить голову. Книзер — хозяин типографии в Ингольштадте. Ему принадлежит также плантация в ЮАР, приобретенная на жалованье наемного убийцы. Это солидный человек, имеющий собственное дело. «Наш хозяин — настоящий буржуй», — отзывается о нем ученик из его конторы.

Наемник — «хозяин», наемник — «настоящий буржуй» составляет костяк «пожарных команд» империализма. Это или бывший колонизатор, или нынешний неокolonизатор.

МОЛОКО ЛЕОПАРДА

Когда я говорю о том человеческом материале, из которого «пекутся» наемники, мне вспоминается Имфондо. Это крупный поселок (сейчас, наверное, уже город) в джунглях, лететь до него из столицы страны Браззавиля пять часов. На пароходе по реке Убанги можно было добраться дней за шесть, если не больше. Пароход ходил раз в полмесяца, самолет (по расписанию) — каждую неделю. Но судьба рейса на деле определялась двумя условиями: будет ли в Имфондо достаточно бензина на обратный путь и не расквасят ли ливни взлетно-посадочную полосу, которая представляла собой просто-напросто широкую просеку, вырубленную в густом тропическом лесу.

Я решил лететь самолетом, и мне повезло: телеграммой сообщили, что бензин есть, а небо в тот день пощадило землю.

Каждый самолет для Имфондо событие. Уже часа за два до его прибытия закрываются лавки, в школе прекращаются уроки, женщины гасят свои костры, на которых варится маниока, рыбаки вытягивают сети. Представители местных властей в парадных костюмах и при регалиях приветствуют экипаж из двух человек и немно-

гочисленных пассажиров. Затем начинается самое главное — прием почты. Желтые мешки бережно грузят в автомобиль и медленно везут к одноэтажному зданию почты. Там двое служащих срезают пломбы и высыпают в неглубокий деревянный ящик письма. В другой, побольше, газеты и журналы.

Имфондо по местным масштабам далеко, очень далеко. Раньше здесь не было ни радио, ни электричества. Кинопередвижка наведывалась раз в полгода. На шесть тысяч жителей приходились один учитель, одна католическая церковь, два магазина, 19 жандармов, одна тюрьма, 15 автомашин и госпиталь. Маленькие дома, сшитые из деревянных жердей, вытянулись вдоль реки Убанги. За ними джунгли.

В Имфондо было два богатых человека — француз Лё и испанец Карлос. Мосье Лё еще молодой мужчина, всегда чисто выбритый, даже элегантный. По вечерам у него собирались гости. На круглый столик выставлялись виски, джин, пиво. Включался проигрыватель или приемник. Когда скрывалось солнце, господин Лё отдавал приказ запустить движок, и на веранде загорались лампочки (электричество было только в доме господина Лё). После этого начиналась карточная игра. Однажды, вот в такой вечер, мосье Лё рассказал о своей жизни. Его отец служил в Имфондо сержантом колониальных войск. Прикинув все «за» и «против», Лё-старший решил открыть дело. После демобилизации бывший сержант подкопил денег, женился, подождал, пока подрастет маленький Бернар, и в 1938 году отправился из Франции в Браззавиль, а оттуда в Имфондо.

Фирма Лё набирала силу. Пришло время, и в дело вступил сын. Бернар оказался хватким и изворотливым бизнесменом. Мотался вверх и вниз по реке Убанги, открыл 17 лавочек и сбывал там все, что по дешевке приобретал во Франции на складах залежалых товаров. Но, главное, он заставлял население окрестных деревушек собирать пальмовый сок, пальмовое масло, клей тропических деревьев, за который авиастроительные фирмы платили бешеные деньги, потому что лучшей добавки к краске для самолетов не найти. В удачные годы Лё вывозил и продавал до 30 тонн ценного сырья.

Четыре парохода фирмы Лё неустанно курсировали между Банги и Браззавилем. Приносил немалую прибыль и мыловаренный завод. Кроме этого, он владел

охотничьими угождениями, мастерскими по ремонту велосипедов.

Господин Карлос в отличие от щеголеватого француза толст, неопрятен. 32 года прожил в Имфондо. Один, без семьи. Питался консервами — из экономии, чтобы не держать кухарку. В Имфондо у него 10 или 12 детей от африканок. Но детям не давал ни гроша. Все копил и копил.

Как-то в минуту откровения Карлос, обрюзгший, небритый человек, за полвека не прочитавший ни одной книжки, сказал мне:

— Все-таки мы белые. Да, да, поймите, мы белые... И мы имеем право пользоваться всеми благами цивилизации. Они не нужны этим... местным, они еще не доросли до них.

Разговор состоялся, когда Лё и Карлос читали в газете о мерах Конголезской партии труда по ограничению действий в стране иностранного капитала.

С подобной реакцией на революционные преобразования, на действия в интересах широких масс, направленные на ликвидацию угнетения и эксплуатации, приходилось встречаться не раз. В Дакаре в одном из западных посольств работал дипломат. Он никогда не забывал поставить перед своей фамилией «фон», так как весьма гордился этим. «Фон» и его жена прекрасно говорили по-русски. Каждый раз, встречаясь с ним, я испытывал неприятное чувство — ненависть светилась в серых глазах. Она казалась особенно острой, потому что при этом «фон» и его жена улыбались. Потом нашлось этому объяснение. Дипломат стал поневоле дипломатом — нужен хороший стабильный заработок. А ведь в свое время «фон» и слышать не хотел ни о какой службе. Это было тогда, когда его отец владел поместьем в Прибалтике. Теперь на этих землях совхозы. «Фон» не получил своего наследства. И не получит. Но он все-таки мечтает: «А вдруг представится возможность отвоевать бывшее владение».

Часто это желание отвоевать связано не с конкретным участком потерянной земли или завода в каком-то конкретном районе (мой знакомый «фон», видимо, понял, что в Прибалтику он может въехать только туристом, а не помещиком), а отвоевать хотя бы в другом месте, в любой точке земного шара.

Вот из таких людей как раз и получают самые же-

стокне, самые, если так можно выразиться, последовательные наемники. Одним из них является Жан Шрамм. Западная пресса уделяла ему особенно большое внимание. Но лучше, полнее всех рассказал о Жане Шрамме сам Жан Шрамм в книге «Батальон Леопард». Вместе с самоисследованием, цель которого заключалась в том, чтобы поднять фигуру наемника на несколько более высокий пьедестал, чем пьедестал ни о чем не задумывающегося служаки, произошло и саморазоблачение. Произошло произвольно, вопреки желанию, так как сама фактура, на которую не поспешил Шрамм (и за это ему спасибо), не могла не привести к тому, чтобы сделать определенные выводы.

«Итак, кто же я?» — спрашивает Шрамм в первых строках своей исповеди, на обложке которой изображен белокурый парень в зеленом берете и с автоматом, позади него поднимается черный столб дыма.

«В Конго, — начинает он отвечать на этот вопрос, — меня зовут Леопардом... Мой зверь-символ, мой зверь-тотем не лев. Леопард».

Жан Шрамм известен сегодня как преступник. Однако сам наемник удивляется, когда его называют преступником, — ведь он всегда и всюду следовал морали, нормам жизни отца-адвоката. «Я рос, — рассказывает Шрамм, — как ребенок семьи, принадлежащей к высшим семьям фламандской буржуазии, у которой считалось хорошим тоном изъясняться по-французски и считать, что корни бельгийского патриотизма должны уходить в личность короля».

Можно себе представить атмосферу в доме, расположенном на тихой улочке тихого бельгийского городка, если в нем с восторгом говорили о великой империи, созданной в Африке и названной «Бельгийское Конго». Жан Шрамм не скрывает удовлетворения, рассказывая о том, как в 1885 году участники Берлинской конференции передали «независимое» Конго под личное управление Леопольда II. Король будто бы в течение 20 лет размышлял, что ему делать с огромной африканской территорией, и в конце концов, не придумав ничего лучшего (а ведь мог бы просто-напросто предоставить свободу своим «черным сыновьям». — *Л. К.*), «подарил ее Бельгии». Жан Шрамм утверждает, что этот подарок будто бы не хотели принимать ни министры, ни промышленники, ни простые подданные. В его семье явно

не одобряли такого идеализма и не понимали, как можно отказываться от богатства, которое само плывет в руки.

Из политических произведений самой популярной в семьях, подобно той, из которой вышел Жан Шрамм, была книга Эрнеста Ренана «О моральной и интеллектуальной реформе». Ее еще называют «молоком покорителей Африки». В книге идеолог европейского колониализма писал: «Колонизация, проводимая в широких масштабах, является первейшей политической потребностью. Нация, которая не проводит колонизации, без всякого сомнения, обречена на социализм, на борьбу бедного с богатым. Захват высшей расой страны, населенной низшей расой, и ее закрепление там, чтобы управлять низшей расой, не содержит в себе ничего безнравственного. Природа создала расу рабочих... Управляйте ими справедливо... и они будут довольны. Расу рабочих, обрабатывающих землю, составляют негры, будьте к ним добры и человечны, и все будет в порядке. Раса господ и солдат — это европейская раса». Спустя много лет в заявлениях Жана Шрамма всегда очень явно звучал голос Ренана.

Жан Шрамм, стараясь, видимо, объяснить свои действия, просит читателя принять во внимание то обстоятельство, что Конго — страна чрезвычайно богатая: в ее недрах огромные запасы золота, олова, меди, кобальта, вольфрама, каучука, пальмового масла, цинка, алмазов, серебра. Он с гордостью пишет, что Эдгар Сенжер, человек, стоявший во главе крупнейшей монополии «Юнион миньер», секретно переправил партию урана, добытого на шахте Шинколобве, близ Жадовиля, в Нью-Йорк. При этом, однако, автор исповеди не добавляет, хотя ему наверняка известно (надо же было сохранить репутацию бельгийцев, распорядившихся богатствами Конго), что именно из этой партии урана, как уже говорил выше, и были изготовлены бомбы, которые упали на Хиросиму и Нагасаки.

Размеры и содержимое конголезских «подземных сундуков», о которых в семье говорилось с благоговением, не могли не подействовать на подрастающего Жана. Он рано загорелся желанием попробовать силы в Африке, другими словами, сколотить там состояние. Желание подогрел крестный Жан Шрамм, так же как и его отец, имевший адвокатскую практику, — Жозеф Муил-

ле. Он служил в Конго офицером в так называемых «общественных вооруженных силах».

«Без остановки крестный рассказывал мне, — вспоминает Жан Шрамм, — об этой империи, которую великий король Леопольд подарил Бельгии. Я любил слушать его рассказы об Африке. Самым прекрасным украшением его жилища мне казалось чучело леопарда, в открытой пасти которого сверкали ужасные клыки».

Далеко не случайно Шрамм на трон царя зверей возвел леопарда. Спустя некоторое время после окончания одного из самых драматических актов конголезской трагедии мне довелось пробыть несколько дней в Киншасе. В справочниках авиакомпаний она именовалась еще Леопольдвилем. В самом городе на вывесках еще не стерлось это имя, так же как в памяти людей не стерлись сцены расправ, которые чинили наемники над мирным населением. И тогда мне рассказали, что о «приближении наемников» африканцы сообщали двумя короткими словами: «Ждите леопарда». Этот шифр, этот сигнал тревоги родился в давние времена, когда солдаты короля Леопольда II помогали его величеству управлять Конго. «Ждите леопарда» — так предупреждали рабочих урановых и медных рудников о приближении карательных войск, шедших на усмирение забастовки. «Ждите леопарда» — и это означало, что плантатор намерен увеличить площадь обрабатываемой земли, не увеличивая числа батраков...

Жан Шрамм очень хотел быть таким «леопардом».

Когда Жану Шрамму исполнилось 18 лет, он отправляется в Конго. Не терпелось адвокату как можно быстрее разбогатеть. Не терпелось и самому Шрамму — весьма заманчивую картину нарисовал крестный. В своей книге он вспоминает первую ночь в Конго: «Вот аврора моего первого африканского дня. Я уснул европейцем, а проснулся конголезцем... Одним из 14 миллионов».

Тут надо уточнить. Не просто конголезцем, а будущим плантатором. Вскоре семья Шрамма приобрела огромный участок африканской земли. И он становится помещиком, или, как Шрамм назвал сам себя, «колонном», «крестьянином», «человеком, обрабатывающим землю». Но он хотел обрабатывать землю по-своему, не как негр, о котором писал Э. Ренан, а как представи-

тель «расы господ», как «леопард». Чтобы быть «леопардом» при всех зубах, он прежде всего прошел военную подготовку.

Бельгийский колониальный Сен-Сир располагался на территории огромной военной базы в Камине. Оттуда Шрамма направили в Китону, на берег Атлантического океана. Новый опорный пункт колониальной армии только-только создавался, и поэтому Шрамму пришлось вместе с другими заняться строительством казарм, ангаров, мастерских, сторожевых вышек и т. д. Молодой человек довольно быстро менял погоны — капрал, сержант и наконец старшина.

Жан Шрамм то и дело любит повторять, что по своей натуре он человек сугубо «цивильный», «крестьянин», «мирный», что ему только и заниматься тем, что ухаживать за посевами, да и в армию он пошел якобы лишь для того, чтобы научиться строить дороги и мосты. И вот этот сугубо штатский человек проявляет удивительное рвение и успешно шагает по служебной лестнице. «Садовник по природе» добровольно вступает в войска специального назначения, цвет бельгийской армии, солдатам которых поручалось самое тяжелое и самое почетное, с точки зрения колонизаторов, дело — карательные операции.

Кроме прыжков с парашютом, курсанты овладевали навыками ближнего боя, приемами «усмирения мятежников», или, как говорили сами парашютисты, «привыкали к крови».

Наконец Шрамм покидает тихое местечко на берегу океана — его командируют в Камину. Там, в сердце Катанги, он становится частью «армейской элиты». «С тех самых пор, — пишет Шрамм, — я ношу зеленый берет, который получил после моей первой серии прыжков, с которым потом никогда не расставался...» Он или чувствовал, или понимал, что знание военного дела облегчит его путь к чековой книжке.

Если «леопард»-военный проходил подготовку в отборных частях колониальных войск, то «леопард»-плантатор, колон, набирался ума-разума у г-на Жозефа Доббелэра, владевшего землями в местечке Линди. Главная черта второго крестного отца Шрамма — всепоглощающая алчность, стремление выжать деньги из всего. Доббелэр похож на тех американских миллионеров, которые ставят в своих дворцах телефоны-автоматы для гос-

тей (хотя позвонить, пусть опускают монету) и не выбрасывают даже окурка собственной сигареты, чтобы позднее, когда снова захочется курить, сделать парутройку затяжек.

Плантатор не позволял себе никаких излишеств. Но даже самым богатым, самым непреклонным в стремлении приумножить свое богатство людям врачи решались напомнить о том, что для сохранения здоровья необходимо делать или иметь что-то, что помогало бы время от времени снимать напряжение. Страстью Доббелэра были автомашины. Он столбенел при виде огромных, мощных, чем-то похожих на животных автомашин. Он покупал самые последние модели. Чем больше был экземпляр, чем ярче раскрашен, тем быстрее он оказывался в гараже Доббелэра.

Плантатор, «оседлав» очередные 200 лошадиных сил, поднимая красную пыль, гонял по округе. Особенно нравились ему «кадиллаки» и «олдсмобили». Насладившись «игрушкой», Доббелэр продавал ее и покупал новую. «Европейцы, — вспоминает Жан Шрамм, — большей частью улыбались этой мании Жозефа Доббелэра. Но они уважали в нем человека дела, весьма осмотрительного, который завладел в конце концов большей частью земли для застройки города Стэнливиля».

У Доббелэра Жан Шрамм усвоил главное, о чем говорилось выше, — поклонение деньгам, подчинение им чувств, разума, жизни. «Несмотря на свое колоссальное богатство, — в восхищении пишет Шрамм о своем кумире, — он жил как нищий. В его гостиной не было ничего, кроме стола и двух табуреток».

НЕНАВИСТЬ ПОСЛЕ СЛАДКОГО СНА

Итак, получив всестороннее воспитание, Жан Шрамм вступает во владение плантацией на востоке страны. Свое поместье Жан Шрамм назвал Бафуакуанджи. Как сладкий сон вспоминает он жизнь плантатора. Этот сон постоянно питает глубокую ненависть, которая позд-

нее на долгие годы стала основным мотивом действий Шрамма.

«Моя плантация представляла капитал в восемь миллионов бельгийских франков... — терзается он. — Это был рай. Мое поместье было расположено вдали от большой дороги (в 212 километрах от бывшего Стэнливиля. — Л. К.). У меня была моя собственная аллея, на которую мог ступать только я: двенадцать километров для меня одного...»

Бельгийский колон установил в своем домене, по его собственному признанию, поистине прусские порядки — можно подумать, что он учился ведению дел у прусских баронов.

Шрамм пишет: «Я командовал более одной тысячей рабочих...» Одна тысяча — это условная цифра.

В пять утра поместье пробуждалось. Через полчаса рабочие выстраивались в колонны и, отдав честь флагу (его подъем помещик проводил и обставлял так же, как на казарменном плацу), уходили в поле. 220 гектаров под кофе, 120 гектаров под каучук, 120 гектаров под какао, 900 гектаров пальмового леса — много земли было у Шрамма! Он не желал переплачивать деньги на наем дополнительной рабочей силы, и поэтому батраки вынуждены были звать на помощь жен и детей. Таким образом, Шрамм, выплачивая жалованье одному человеку, приобретал бесплатно дополнительно две или даже три-четыре пары рабочих рук. Нормы устанавливались самые жесткие. И не выполнить их было нельзя. Каждому рабочему выдавался медный жетон с изображением головы леопарда. Выдавался своеобразно — лишь в том случае, если капита (все батраки были разбиты на группы по 30 человек, во главе каждой стоял бригадир, или, как его называл Шрамм, «капита») убеждался, что работа выполнена. И горе тому, кто должен был получить свой жетон не у капита, а в конторе — он не выполнил норму. Так представитель «расы господ» претворял в жизнь призыв Ренана «быть добрым» к неграм.

Шрамм утверждает, что рабочие безумно любили его, что они говорили ему с величайшим уважением: «Ты наш леопард...», что они поднимали за его здоровье стаканы с пальмовой водкой и пивом во время субботних выпивок в столовой поместья, на которые помещик выделял в качестве аванса по 50 франков каждому. Конголезцы любили не только Шрамма. По его словам,

африканцы были без ума от бельгийских шахтовладельцев.

Но вот колокол истории пробил независимость, и Шрамм увидел, что он окружен ненавистью. «Послушные», «кроткие», «благодарные» батраки оказались далеко не такими, какими их представляет читателю помещик. Просто-напросто он держал их в ежовых рукавицах, а точнее, в леопардовых когтях — малейшее непослушание грозило расправой. Не случайно рядом с помещьем постоянно стоял контингент колониальных войск.

Шрамм внимательно следил за делами и обстановкой в поместье. Днем он объезжал на лошади свои владения, и никто не знал, когда и куда поскакал «жестокий всадник». Он всегда появлялся неожиданно. А ночью Шрамм, как он сам пишет, «просыпался два или три раза и делал обходы». Обход начинал с проверки, не дремал ли сторож маслозавода.

Даже если Шрамм раз в три месяца уезжал в Стэнливилль, он «не спускал глаз» со своих земель, поддерживая постоянную радиосвязь с главным цербером, главой всех капита — Китамбало. О нем говорили, что «если Шрамм — леопард, то Китамбало — гиена».

В киншасской гостинице «Мемлинг» уборщиком номеров работал человек, брат которого батрачил у Шрамма: «Да, часто они боялись Китамбало больше, чем самого хозяина. Китамбало был гиеной. Он заставлял батраков отдавать часть заработанных денег, он мог пнуть ребенка, и не дай бог, если в семье крестьянина подрастала красивая дочь. Нет, не гиена, хуже гиены...»

В конце 50-х годов политическая жизнь в Конго дошла до точки кипения. Демонстрации протеста против произвола монополий, стачки рабочих-горняков, выступления крестьян-батраков потрясли страну. Создавались политические партии и молодежные организации, возникали многочисленные движения. Большинство, разное по социальному составу, национальной принадлежности, объединяло одно слово — независимость.

Скоро помещик Жан Шрамм почувствовал, что некогда твердая, казавшаяся незыблемой почва под ногами закачалась. Самое «разлагающее» влияние на рабочих оказывали, по его убеждению, «агитаторы Лумумбы». И вот тогда, защищаясь, Шрамм повесил в начале доро-

ги, которая вела в обширные владения, плакат «Посторонним вход воспрещен». Но что значит плакат?

Все чаще и чаще Шрамм слышал перед восходом и перед заходом солнца тревожные звуки тамтамов. Только вожди деревень знали их язык. У Шрамма был переводчик — вождь Яфали, «носивший на шее ожерелье из зубов (конечно же!) леопарда».

— О чем сообщают тамтамы? — спросил плантатор.

— О предстоящей независимости, — отвечал вождь. И тут же с тревогой в голосе захотел узнать у хозяина: — Правда, что в случае независимости ты должен уехать?

Нет! Конечно же, Шрамм не хотел уезжать. Он не хотел расставаться со своими гектарами кофе, каучука, какао, пальмистры. Он решил их защитить! Приближалось 30 июня 1960 года — день провозглашения независимости.

Шрамм готовился к нему по-своему. На территории усадьбы он вырыл траншею, перед входом — глубокий окоп. Один из своих автомобилей превратил в броневик. Однако помещик скоро сообразил, что силы неравны. Тогда-то Шрамм и сделал открытие: конголезцы ненавидят его.

Одной из первых акций новой администрации в районе, где находились Бафуакуанджи, было решение привлечь Шрамма к ответственности за совершенные преступления. Его арестовывают. «Леопарду», однако, удается бежать.

Шрамм надеется, что не все еще потеряно, что придет время для реванша. Был уверен в этом. Тем более что в самом Конго и за его пределами существовали и действовали силы, которые стремились либо уничтожить независимость, либо устроить ей «такое кровопускание», после которого «она будет послушной как ягненок». Эти слова одного из белых колоннов понравились Шрамму. Да, он за уничтожение, да, он за кровопускание! «Леопард» сколачивает отряд наемников и начинает действовать.

Процесс всесторонней деколонизации Африки мог быть ускорен или замедлен в зависимости от событий в Конго, страны, уже в то время занимавшей важное стратегическое положение и игравшей значительную роль в экономической жизни не только Африканского континента, но и западного мира в целом. Поэтому Конго стало

одним из первых государств, которое империализм решил «поставить на место» и таким образом дать первый крупный и безжалостный бой национально-освободительному движению. Он превратил его в полигон, где проверялось и совершенствовалось оружие — от огнестрельного до идеологического. Именно в тот период наемничество пережило свой «золотой» век.

Сразу после 30 июня 1960 года империалисты почувствовали, что предстоит «нелегкая работа». Особенно их встревожила речь премьер-министра Конго Патриса Лумумбы на церемонии провозглашения независимости, в которой он прямо обвинил колониализм в страданиях народа. На речь Лумумбы монополисты среагировали тут же — по заранее разработанному плану были приведены в боевую готовность военный механизм НАТО в целом и отдельные его подразделения. Ждали только предложения, чтобы начать «крестовый поход» против молодой республики. Удобный случай представился. В военном лагере Тисвиль 5 июля 1960 года начались волнения среди солдат-конголезцев. Благодаря стараниям людей типа Шрамма они перекинулись в Леопольдвиль. И хотя правительство Лумумбы практически овладело положением и огонь мятежа был погашен, в Конго из Брюсселя уже летели солдаты. 10 июля началась открытая агрессия Бельгии против молодого африканского государства. Активизировались действия отдельных отрядов и групп наемников.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И КАТАНГСКИЙ КРЕСТ

Одновременно с генералами действовали и дипломаты. В результате «сильный человек», представитель коррумпированной части африканского общества и «свой человек» «Юнион миньер» Моиз Чомбе, занимавший пост главы правительства провинции Катанга, 11 июля объявил об отделении ее от Республики Конго. При этом преследовалось не только стремление угодить акционерам крупнейших компаний, эксплуатировавших богатства Катанги. Отделение ее должно было ослабить рес-

публику, ободрить реакционные силы, поставившие перед собой цель свалить в Леопольдвиле прогрессивный режим.

В дальнейшем на провинцию возлагалась миссия объединения под «катангским крестом» («катангский крест» в древние времена служил мерой денег, имевших разные размеры, потом стал символом сепаратистов и раскольников, сотрудничавших с империализмом. — Л. К.) всех конголезских территорий.

Правда, решительные и оперативные действия Брюсселя хотя и получили одобрение союзников по НАТО, и прежде всего США, особой радости у Уолл-стрита не вызвали. Да, он хотел разделаться с «мятежным Лумумбой», но вместе с тем сам рассчитывал пустить в Конго более глубокие корни. Для достижения этих целей американцы решили использовать «ооновскую карту». Она была пущена в игру немедленно. Посол США в Конго Тимберлейк советовал Лумумбе, убеждал его обратиться за помощью в ООН для восстановления порядка. Тимберлейк и те, кто планировал операцию, рассчитывали, что «синие каски», подавив волнения среди конголезских солдат, автоматически обеспечат участие ООН в управлении страной, что не могло не привести к ущемлению прав правительства Лумумбы и сокращению сферы его деятельности. Конечно, об этой части плана Лумумбе не сообщили. И он поэтому дал согласие, надеясь использовать «голубые каски» с целью отражения агрессии со стороны бывшей метрополии. Войска ООН приглашались поэтому не для восстановления внутреннего порядка, а для защиты национальной территории против иностранной агрессии, от империализма, объявившего очередной крестовый поход.

Первые солдаты ООН появились 15 июля. Через две недели ооновский контингент насчитывал 10 тысяч человек. В результате маневров империалистических держав и их подпевал «голубые каски» были использованы в интересах, чуждых народу Конго. Бельгийские войска находились не только в Катанге, но и в других провинциях. Их ухода и добивался Леопольдвиль, рассчитывая на помощь ООН, надеясь при этом, что наконец-то республика будет избавлена от иностранного, в данном случае вооруженного, вмешательства.

Однако эти надежды и расчеты не оправдались. Замена бельгийских солдат «голубыми касками» ничего не

изменила. Больше того, Чомбе получил настоящий подарок — уходя, бельгийские генералы оставили оружие, которое правитель Катанги передал своим жандармам. Очень быстро сепаратист нашел общий язык с командованием ооновских контингентов.

В это же время Чомбе выдвигает идею (подсказанную Брюсселем) о создании «Конфедерации независимых государств Конго». Он объявил о ней 22 августа (через два дня после того, как Альбер Калонжи провозгласил «горнорудное государство Касаи») и отправился в поездку по Африке с целью получить политическую и дипломатическую поддержку.

Над Конго нависли грозные тучи. Лумумба, разувевшийся в «благородных намерениях» некоторых членов ООН, действовавших по указке Вашингтона (первое время после достижения независимости руководители ряда африканских стран рассчитывали проводить свою внешнюю политику только в рамках ООН, где они чувствовали себя более уверенными, стремились к усилению роли организации и с недоверием относились к любым действиям вне ее рамок), решает обратиться за помощью к прогрессивной Африке и социалистическим странам. Это вызывает немедленную бурную реакцию «справа». Ооновские солдаты под смехотворным предлогом (стычка между конголезским патрулем и солдатами ООН) занимают аэропорт Леопольдвилья. Президент Жозеф Касавубу (5 сентября) смещает с поста премьер-министра Лумумбу, берет на себя командование вооруженными силами и обращается за помощью к ООН. «Голубые каски» не заставили себя ждать: они заняли все аэропорты, радиостанции и т. д.

Трагические дни Конго на этом не закончились. Главной раной по-прежнему оставалась Катанга. Жандармы Чомбе, которыми фактически командовали бельгийские офицеры (около 300), уничтожали каждого, кто был сторонником Лумумбы или хотя бы симпатизировал ему. Наконец, Чомбе получил свой главный приз — ему выдали Лумумбу. Очень скоро мир узнал о совершившемся злодеянии — признанный вождь страны был подло и зверски уничтожен.

КАК ВЕРБУЮТ

У «ЧЕРНОГО КОТА»

После убийства Лумумбы Чомбе, однако, не обрел покоя и уверенности. Он чувствовал, что число его противников быстро растет. Где выход? Что делать? Только война, как он думал, может спасти положение, то есть закрепить самостоятельность Катанги, поставить под «катангский крест» если не всю, то значительную часть территории Конго. Жандармы под командованием бельгийских офицеров — хорошо. Но этого мало — нужны профессиональные солдаты. Такие, которые бы ни о чем не спрашивали, а убивали. Часть он нашел в самом Конго. В лице таких людей, как Жан Шрамм. Именно в этот период Шрамм формирует свой батальон «Леопард», который активно включался в операции, разрабатывавшиеся окружением Чомбе. Кроме того, Чомбе отправляет в Западную Европу своих верных эмиссаров, и те довольно скоро набирают для хозяина партию высококвалифицированных головорезов.

Во Франции на Чомбе работал полковник Трипкье, «теоретик и практик по подрывной войне» (по характеристике Шрамма). Сторонник «жестких методов», он, видите ли, разочаровался в де Голле, не мог простить ему «капитуляции перед арабами» (так правые называли усилия де Голля, направленные на то, чтобы выйти из алжирского кризиса) и поэтому с величайшей охотой взялся набирать для Чомбе солдат. Конечно же, первыми его кандидатами в наемники стали те, кто служил в Алжире, Индокитае, кто прошел через «гитлеровские казармы». Именно они отличались необузданной жестокостью. Не зря наемник Хор получил кличку «бешеный Майк». Ее нужно было заслужить. Старались и другие. История еще скрывает тайну гибели генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда, который 17 сентября 1962 года отправился в Родезию на встречу с Чомбе. Существует предположение, что и здесь не обошлось без «диких гусей» — «людей Трипкье».

Мишель Онори в книге «Конец наемников» рассказывает о некоем Гейзельсе, «наемнике из Бельгии». «По-

говаривают, — пишет М. Онори, — что он, якобы переодевшись в форму сержанта войск ООН, пытался заставить экипаж самолета (на котором летел Д. Хаммаршельд. — Л. К.) совершить посадку на территории Катанги, где Чомбе смог бы добиться капитуляции войск ООН и заставить признать де-факто отделение Катанги».

Но даже если версия М. Онори не подтвердится, совершенно определенно можно говорить о том, что наемники были главной силой сепаратиста Чомбе, главной опорой и надеждой тех, кто стоял за его спиной, кто мечтал закрепить отделение Катанги. Однако ему не удалось «усидеть на троне» искусственно созданного государства. Провинция возвращается к своему первоначальному статусу провинции. Чомбе уехал из Конго. Но уехал, чтобы вернуться. На штыках наемников. Снова европейские друзья предложили свои услуги. В парижском кафе «Черный кот» Боб Денар открыл вербовочный пункт, где оформлял новых солдат для неудавшегося катангского правителя. Конечно, Чомбе ничего против этих услуг не имел и с удовольствием принимал кандидатуры Боба Денара. Однако он уже на собственном опыте убедился, что все-таки самыми надежными и стойкими «дикими гусями» были европейцы, которые жили в Конго. Оно и понятно. «Фон-бароны» не хотели уходить с земель Черного континента.

«Мое потерянное поместье, — говорил Шрамм, — стало символом моей борьбы. Возможно, однажды я вернусь на 212-й километр, между Стэнливилем и Бафуасенде. Туда, где я был счастлив...» Вокруг Шрамма собрались наемники, подобные ему. Вот как их представляет сам «леопард»:

«Раймон — он владел плантацией в районе Битуле. Взялся за оружие, чтобы защищать свою собственность. Он командовал третьей ротой батальона...»

Виктор — владелец отелей в Валикале. Пепе — владелец гаражей в Букаву. Анри держал свинофермы. Луи О...»

Стоит привести хотя бы одну характеристику, данную Шраммом своим солдатам. Вот она: «Луи О... казался мне весьма любопытной персоной. Во время второй мировой войны он добровольцем пошел на Восточный фронт (то есть воевал за Гитлера. — Л. К.), затем этот фламандец стал католическим миссионером в

Конго». Однако скоро под рясой слишком учащенно забилось сердце карателя и, вспомнив старые подвиги на Восточном фронте, Луи О... по словам Шрамма, «забросил в кусты свой клубок и взял в руки оружие. Он стал нашим начальником разведки».

Именно такие люди составляли костяк наемных батальонов. Они свысока, даже презрительно, смотрели на завербованных у «Черного кота», называя их «недоносками», «белыми, но дегенератами», неспособными к тому же действовать в африканских условиях.

Вряд ли отобранные таким опытным и придирчивым вербовщиком, как Боб Денар, уступали по своим солдатским качествам Шрамму или Луи О... Презрением и оскорбительными эпитетами в адрес коллег, прибывших из Европы, Шрамм окрылял собственные страхи — он боялся энергичных и наглых «бешеных майков», видя в них конкурентов, которые в случае победы, чего доброго, обзаведутся собственными плантациями и потеснят старожиллов.

Шрамм весьма охотно принял предложение Чомбе служить ему. Это тем более любопытно, что, судя по всему, «леопард» ранее был не очень-то высокого мнения о своем новом шефе. Он ведь знал и рассказывал об этом с удовольствием, что Чомбе является марионеткой «Юнион миньер» и его презрительно называют «г-ном Кошельком в кармане хозяина».

Тем не менее Шрамм нанялся на службу к Чомбе. Не к Чомбе-африканцу, человеку с темной кожей, а к Чомбе-мятежнику. Он уже успел убедиться, что его грозные плакаты типа «Посторонним вход воспрещен!», бронированная машина, один окоп не способны защитить, тем более вернуть права помещика. Примитивный собственник с кругозором мелкого лавочника, таким образом, поднимается на ступеньку выше той, на которой стоял его духовный учитель Ренан, то есть понимает, что мало еще быть представителем «расы господ», что спасти свое поместье он может только в том случае, если будет спасена вся система. Часть без целого существовать не может. Шрамм в это же время пришел к выводу, что спасти в целом систему, удобную плантаторам, помогут межэтническая рознь, раскол нации. Вот почему он безоговорочно принял план западных стратегов противопоставить Катангу всему Конго, сделать ее сильной, а потом превратить в некий магнит, ко-

торый силой оружия, денег и т. д. «притянет» оставшиеся земли.

«Катанга, — приводил сн слова Чомбе, — это мот будущего конголезской нации, это Рур Африки».

Шрамм не разъясняет, как он понимает будущее, замечание о Руре весьма любопытно. Мятежников, разкольнические силы, наемников, насильников щедро субсидировали западные промышленные магнаты, так как раньше магнаты Рура субсидировали Гитлера. И почему бы, подобно Гитлеру, не накинуть на Конго свою коричневую паутину? Во всяком случае, Чомбе гордился «увесистые» щеки и, в свою очередь, не скупился на установление наемникам высоких гонораров.

После ухода из Конго войск ООН страна переживает политический кризис. На одной из его волн вновь появляется Чомбе. Он в 1964 году возвращается в страну и получает пост премьер-министра. В своих выступлениях «сильная личность» обещает установить покой «порядок». И это не были пустые слова. Вслед за Чомбе в Леопольдвиль прилетели наемники.

Жан Шрамм в своих воспоминаниях пишет, что в тот самый момент (20 июня 1964 года), когда в воздух поднялись четыре транспортных самолета «Глобмастер» последними ооновскими солдатами, над взлетными полосами аэродрома Нджили (Киншаса) появился реактивный самолет из Йоганнесбурга с Майком Хором на борту. Председатель яхт-клуба в Дурбане Хор снова решил стать «бешеным Майком». «Он никогда не забывал, с уважением отмечает Шрамм, — что он воевал в джунглях Малайзии и приобрел там солидный опыт командования».

Грубая сила — вот один из главных методов, к которым прибегал Чомбе для решения внутривнутриполитических проблем. Наиболее охотно он пользовался услугами наемников. Так, Чомбе поручил Шрамму усмирить племя маниема на границе с Угандой, Руандой и Бурунди. По своим размерам Маниема была равна территории Франции. Никто поэтому, по словам Шрамма, не решился взяться за работу по «установлению мира» на таком обширном пространстве. Тогда пригласили «леопардов».

Жан Шрамм потребовал чрезвычайных полномочий. Использовал он их весьма своеобразно. Прежде все

Шрамм собственным приказом наделял землей (она сразу объявлялась личной собственностью) солдат своей «белой гвардии». Далеко за границами Конго оценили инициативу и предприимчивость наемника, более того, поверили в его силу. «Я получил семена риса из Бразилии, — с гордостью пишет Шрамм о том, как Запад помогал стать на ноги новым плантаторам, — и тысячу молодых петушков из Соединенных Штатов».

— А что будем делать со старыми? — спросили его.

— В суп, — ответил Шрамм. Продолжая острить и хвастаться, он добавляет: — Молодые петушки оказались настолько производительными, что никогда куры Маниемы не несли столько яиц.

В карманы победителей потекла иностранная валюта, потянулись в Маниему торговцы, приехали на разведку представители крупных западноевропейских фирм и компаний. Жесточайший режим, который установили наемники, не допускавший даже намека на протест, позволял нещадно эксплуатировать местных крестьян. В результате плантации скоро начали давать большие урожаи, и Шрамм снова почувствовал себя так же, как в своем старом поместье. Даже лучше, увереннее: никаких налогов! Никаких инспекторов! Он заблокировал дороги, никого не пускал из Киншасы, а активистов молодежной организации Народное движение революции Мобуту, так же как в свое время молодых лумумбистов, Шрамм приказывал изгонять с территории Маниемы. Дело даже дошло до того, что однажды между ним и командованием конголезской армии произошел по радио такой разговор:

— Майор Шрамм, кто вы? Наш друг? Наш враг?

— Я ни друг, ни враг... И последний совет: не дергайте за уши леопардов...

Чтобы одни африканцы «не дергали за уши», наемники постарались найти опору среди других африканцев. Так, Шрамм распорядился выдать низшим чинам — африканцам в личную собственность по два гектара земли. Постепенно Маниема превратилась в своего рода Вандею, оплот врагов независимого Конго. И когда осенью 1965 года режим Чомбе рухнул, а сама «сильная личность» вновь оказалась в изгнании, Маниема превратилась в один из главных районов готовившегося мятежа.

Снова развернулась работа по сколачиванию армии, костяк которой составляли наемники — колонны. За границами страны формируются отряды вторжения из людей Тринкье, Хора, Денара. К июлю 1967 года все готово. И тут неожиданно из «игры» выбывает главный герой — самолет Чомбе приземляется недалеко от Алжира. Это конец для Чомбе, конец его политической карьеры.

Однако машина очередной агрессии уже завертелась и остановить ее казалось невозможным. Наемники решают действовать без Чомбе. Это еще раз свидетельствует о том, что Чомбе был всего лишь марионеткой, прикрытием, рядовой пешкой в руках большого бизнеса. Наконец, из Мадрида получен приказ — выступить 5 июля 1967 года. Состоялся обмен телеграммами между главарями различных формирований мятежников и наемников. В одной из них говорилось: «Мать капрала икс тяжело больна. Молит как можно скорей вернуться в Кисангани...» После второй телеграммы о «матери капрала икс» в движение пришли все мятежные силы.

Но тщательно разработанная, как потом выяснилось в Мадриде и Лиссабоне, операция не принесла ожидаемых плодов. Только Шрамму удавалось довольно долго поддерживать пламя мятежа. Больше недели 180 его наемников и 800 солдат «вспомогательных войск», то есть африканцев из Катанги, выдерживают бой. Однако Шрамм вынужден сдать позиции. На пути отступления входит в Букаву. Здесь, в этом красивом городе с богатыми магазинами, особняками и виллами, шраммовская рать дала волю своим чувствам. Таких грабежей и бесчинств город еще не знал. Даже европейцы боялись попадаться на глаза «освободителям».

Полная власть над беззащитным городом опьянила Шрамма. И он уже чертит карты с походами на Катангу, затем в Среднее Конго. Однако к концу октября конголезская армия начала теснить мятежников. 4 ноября почти сразу после полуночи правительственные войска развернули артподготовку. Затем атака. К утру все кончено. Шрамм ждал штыки Боба Денара, который спешил ему на помощь из Родезии. Он не дождался ее. Вот в этот момент Жан Шрамм и восклицает: «Букаву не стала Камероной!..»

Такова история наемника Жана Шрамма.

«ОЛИМПИЙСКИЕ КОЛЬЦА МОСКВЫ НЕ ДЛЯ АЛИ»

Казалось бы, что с разгромом банд «диких гусей» в Заире, с появлением новых независимых государств и укреплением появившихся ранее в Африке резко сократится источник пополнения наемных сил. Сегодня с сожалением приходится констатировать, что источники не только не уменьшились, а увеличились!

Когда говорят о помещике Шрамме, все ясно. Но многим, не бывавшим в Африке, будет непонятно, если они узнают, что в наемниках ходят, например, бывший клерк отделения английского банка «Бэрклейс бэнк» в Уганде (человек, не имевший поместья в Африке) или бывший агент американской фирмы по заготовке красного дерева в Западной Африке, бывший член молодежной, но весьма солидной французской организации «Волонтеры прогресса».

Спустя несколько лет после провозглашения независимости в некоторые африканские страны вновь хлынул поток европейцев. В 1978 году в Береге Слоновой Кости насчитывалось 50 тысяч французов вместо 8500 до независимости, а в Габоне до независимости проживало 4500 европейцев, а после их число выросло до 13 тысяч и т. д.

Речь идет не о туристах. О служащих фирм и компаний, многонациональных корпораций, представителей культурных, молодежных, религиозных организаций, советников, экспертов из западных стран и т. д. Они, за некоторым исключением, являются практическими исполнителями воли монополий, материализуют в конкретных делах и в конкретных условиях политику неокolonизма.

«Монд дипломатик» называет их «наемниками в белых воротничках». Они представляют разновидность «штатского бойца», который продает свои технические знания вместо того, чтобы продавать свои боевые таланты. Атташе-кейс ему заменяет автомат.

Люди эти всячески маскируются по совету и по примеру своих хозяев и начальников. Сэр Эндрю-Коэн, про-

низирует «Жён Африк», некогда занимавший пост начальника отдела африканских дел министерства колоний Великобритании, становится главой министерства по «технологическому сотрудничеству». Конечно, слово «сотрудничество» звучит гораздо благороднее, чем «колоннальное управление», и не должно вызывать недовольства. Многие европейцы в ряде африканских стран работают теперь не как чиновники колониальной администрации, а как функционеры, присланные по «программам помощи, развития» и т. д. Однако маскировка не всегда помогает. Да и среди маскирующихся немало людей, которым «надоедает постоянно, — как мне говорил как-то в Кампале член американского «Корпуса мира», — играть роль».

Сценка у железнодорожного вокзала в Дакаре. Жара. Брусчатка нагрелась так, что на каждом камне можно изжарить яичницу. Пожилой африканец, босой, с непокрытой головой (кто был в Африке, знает, что и коренные жители также страдают от солнца), тащит багаж. Рядом идут его владельцы — двое парней из организации «Волонтеры прогресса». Наконец старик опускает багаж и просит за труд 200 франков. В ответ поток оскорблений: «Что? Ты смеешься? Вот тебе сто франков (стоимость двух номеров местной газеты «Солей». — Л. К.), и считай, тебе повезло!»

Презрительное отношение к африканцам прорывается постоянно. Оно не может не прорваться. Ибо такой европеец (относящийся к категории, о которой говорил «Жён Африк»), даже не эксплуатирующий непосредственно африканцев, тем не менее является частью системы, именуемой неокOLONиализмом. А этой системе чужды понятия «равенство», «гуманизм», «справедливость».

С горечью воскликнул выступавший на церемонии чествования Л. С. Сенгора по случаю его 70-летия представитель Индии: «Бедные нации становятся беднее, бедная часть населения в развивающихся странах становится все беднее!»

Многие страны зависят от экспорта одной культуры, одного вида сырья. Так, Мавритания получает 90 процентов своих доходов от экспорта железной руды, Замбия — 95 процентов от экспорта меди, Гана — 72 процента от экспорта какао-бобов и древесины. Около 90 процентов африканского экспорта составляют сырье

и продукция сельского хозяйства! Эту зависимость называют петлей. Неоколониализм не только не ослабляет ее, но затягивает еще туже с помощью цен не в последнюю очередь. Нельзя не констатировать, что цены на какао, кофе, сизаль сохраняются низкими или падают, а грузовики, станки, оборудование, в которых нуждается Африка, становятся все дороже и дороже.

Защитники несправедливого экономического порядка часто уверяют публику, что цены, мол, складываются стихийно, что этот процесс не подвластен ни королям, ни финансистам и т. д. и т. п. Ну хорошо! А кто же приводит в действие такой механизм, как таможня с ее барьерами (для одних) и лазейками (для других). Чтобы поставить на колени африканского экспортера бананов, американский таможенник прибегает (и не самовольно, а опираясь на закон, который был принят в США 15 августа 1971 года) к такому методу: за импорт в США свежих бананов он может не взять пошлину, но за сухие бананы или переработанные в пудру он потребует от четырех до девяти и больше процентов стоимости продукции.

В таком же положении благодаря упомянутому закону окажется импортер леса (ему могут позволить ввезти беспошлинно ствол красного дерева, но если он будет оформлять импорт книжного шкафа из красного дерева, то за него надо будет выложить 28 и больше процентов стоимости изделия), железной руды, сизаля и т. д. Расчет до удивления так же прост, как и коварен, — заставить африканца отказаться от строительства перерабатывающих предприятий, фабрик, заводов. Тем самым лишить его равноправного голоса в торговле, вынудить и в дальнейшем делать то, что скажет дядя Сэм, владелец фабрик по переработке фруктов и древесины.

Каким бы добрым ни был таможенник, он ничем и никак не сможет помочь африканцу — импортеру бананового экстракта или мебели. Он исполнитель. Такими же исполнителями являются тысячи представителей западного делового и политического мира в Африке. И даже самые добрые среди них не могут изменить общую политику иностранного капитала. Тем более что добряков встречаешь сравнительно мало, а многих монополии успели и «приручить» и развратить. Европейцы, проживающие в Африке, получают большое жалованье. Так,

приводят факты газеты, механик-европеец может снять в Африке виллу со слугой-боем, который убирает помещение, служанкой, которая нянчит детей, и садовником. Белая секретарша, работающая в иностранной фирме, получает в два раза больше, чем африканец, занимающий пост генерального директора полунационализованного общества. А что уж говорить о советниках, экспертах и других?

Однажды журнал «Жён Африк» опубликовал снимок. Гладкий, чисто выбритый европеец в белых гольфах и до блеска начищенных ботинках восседает на деревянном кресле, которое несут четверо африканцев. Несут от прогулочной лодки на берег. За ботинки и гольфы человек мог быть спокоен. Снимок сопровождается подписью: «Белые обожают Черный континент, так как они живут здесь такой жизнью, о какой у себя дома не могли бы и мечтать».

Иллюстрация приведена к статье под названием «Белые в Черной Африке», которая сама по себе вызывает глубокие размышления, а в связи с рассматриваемой темой особенно. Слов нет, и об этом никто не спорит, до независимости европейцы были в Африке полноправными хозяевами. Они могли позволить себе абсолютно все, и путешествие на спинах африканцев от лодки к берегу, чтобы не замочить ног, в те времена казалось обычным. Сегодня путешествующих на спинах, пожалуй, не увидишь. Однако стремление к господству у европейского хозяина и хозяйчика не уменьшилось. В данном случае речь идет в основном о тех, кто снова дорвался до «сладкой жизни», пусть порой не прямо, а косвенно, до права эксплуатировать. Это право не хочется потерять.

Наемник — «белый воротничок» действует так же, как и его коллега с автоматом. Только в своей области. Она охватывает не только сферу экономическую, о чем сказал «Монд дипломатик». Ею могут быть издательское дело, средства массовой информации, искусство, спорт. Возьмем для иллюстрации «спортивный пример».

Долго я не мог ответить на вопрос, почему Мартелот, сам профессиональный спортсмен, один из видных деятелей спортивного движения Сенегала, оказался самым сведущим человеком, когда речь коснулась наемника Марсея. Да, он директор аэроклуба. Но ведь

Марсель прилетал в Дакар из Нуакшота не на авиетке «весмер», а на пассажирском лайнере. И он, естественно, сел не на полосы аэроклуба, а международного аэропорта.

«У нормальных людей, — рассуждал как бы про себя Самир Хамза, журналист, человек неопределенных убеждений, гордившийся тем, что он «начинен информацией больше, чем другие», — есть, когда они попадают в чужую страну, посольство, консул. А не у нормальных? Может быть, г-н Мартелот консул? Только особый? Для не нормальных?»

Позже я вспомнил этот разговор. Вспомнил при необычных обстоятельствах. Ночью вдруг раздались крики людей. Постепенно они сливались в гул. Я подумал: «Вот сейчас зазвенит осколками витрина авиакомпания «Пан Америкэн». Сейчас хлопнет выстрел... Дикий крик женщины...» Так было несколько дней назад, когда на улицы Дакара вышли студенты... Гул нарастал, но выстрелов не было. Потом я услышал: «Али, бомэй!» Мне приходилось путешествовать по Убанги. На обоих ее берегах живут народности, которые говорят на лингала. И «Али, бомэй!» в переводе означало «Али, убей!». Все стало ясно. В Киншасе шел бой Мохаммеда Али с Джорджем Формэном. Он начался в четыре утра. И футбольный стадион в Киншасе, где собрались тысячи людей, скандировал: «Бомэй... Бомэй...» Крик услышали по приемникам в Дакаре и подхватили его. Мохаммед Али — кумир африканцев. Своей известностью он обязан прежде всего газетам и радио. Тысячи людей поэтому пришли в ту апрельскую ночь на площадь Независимости — далеко не у каждого африканца есть радиоприемник. А тут можно войти в толпу и услышать, как комментатор, задыхаясь от волнения, говорит: «Али отказался от своей обычной порхающей тактики. Али принял удар... Он уходит... Но он не шатается... Формэн шатается... Али... удар... Правой!левой... Раз... — голос Зэка Клейтона, судьи на ринге, звучал особенно громко... — два, три... десять!» Площадь замерла.

Утром даже те, кто берег каждую копейку, не умел читать, хватали газеты. Там был портрет кумира, рассказ о нем: Али родился 17 января 1942 года в Луисвилле, штат Луизиана. Потомок рабов, вывезенных из Африки. В 12 лет он впервые взял боксерские перчатки, ко-

торые стали золотыми, — таков был приз чемпионата, проводившегося в США.

— Али не только побеждал, он заблуждался, — говорил мне Самир Хамза.

— В чем?

— Он был революционером. Но стал им случайно. Однажды, желая отпраздновать с родителями олимпийскую медаль, победитель пригласил их в один из самых дорогих ресторанов Луисвилля.

Родственников победителя и самого победителя обслужить отказались. Они ведь черные. Кассиус от гнева стал серым. Но сделать ничего не мог. Не знаю, на другой день или позже он, назвав себя Мохаммедом Али, вступил в организацию «Черные мусульмане». Пробыл там, правда, недолго. Не поладил с руководителями и ушел из-под их знамени.

— А ошибку или не ошибку совершил Мохаммед Али, когда ушел из-под знамени американских вооруженных сил?

Мой собеседник покачал головой и добавил: «Сам Али сказал, что не хочет убивать вьетнамцев, что его религией является аллах. Он не знает других законов, кроме тех, что нам даровал аллах». Именно эти слова жирным шрифтом выделил редактор дакарской газеты «Солей». Другой редактор другой газеты, на этот раз американской, а именно «Нью-Йорк таймс», из долгого разговора своего специального корреспондента с Мохаммедом Али выбрал такую его фразу:

«То, что вы видели (нокаут Формэна. — Л. К.), не моя работа. У меня ведь нет сокрушающего удара. Разве я бы нокаутировал Джорджа? Это не я, это аллах!»

— Поэтому, — сделал заключение Самир Хамза, — Али не признает за Москвой отведенное ей право зажечь олимпийский огонь, и вообще олимпийские кольца Москвы не для Али, даже не для Али-туриста. Как ехать к безбожникам?

Попутно в Африке распространились всякого рода рассказы о том, что в СССР на Олимпийских играх черные спортсмены подвергнутся унижению, дискриминации. С чьего голоса говорили некоторые редакторы африканских газет, догадаться нетрудно.

— Мы требуем, — заявило руководство американского реакционного профсоюзного объединения

АФТ — КПП, — чтобы Олимпийский комитет США развернул международную кампанию, с тем чтобы Олимпийские игры 1980 года были организованы не в Москве...

Когда председатель высшего совета Африки по делам спорта Абрахам Ордиа (Нигерия) заявил:

— Африканские страны не поддержат призыва бойкотировать Олимпийские игры, — я пошел к Самиру Хамзе.

— Напечатаете это сообщение? — спросил я, протягивая телеграмму Франс Пресс.

— Конечно, — сказал он.

Сообщения не напечатали.

Зато когда Мохаммед Али, не разобравшись в замыслах Белого дома, согласился на предложение президента Картера вылететь в Африку и любыми путями заставить правительственные, общественные и спортивные организации континента бойкотировать Олимпийские игры в Москве, газета показала себя сверхщедрой. На сообщения о «миссии М. Али» и комментарии к ним места не жалела.

Знавшие близко «короля ринга» африканцы говорили мне, что в данном случае враги мира и разрядки сыграли на его стремлении к саморекламе. «Как боксер Али кончается, — рассуждали они. — Теперь он ищет славу в политике. Чтобы снова заставить людей скандировать: «Али, Али!» Пусть даже ценой «Али, бомэй Олимпиаду!...».

Таким образом, американские пропагандисты, пользуясь бывшей славой спортсмена, наживали политический капитал. Наживалась и африканская газета, о которой я пишу. Вернее, те, кто использует ее. А кто? Одним из рекламодателей, а значит, одним из «заказывающих музыку», назвали мосье Мартелота (кстати, именно из газеты меня направили к Мартелоту, чтобы узнать точный адрес, где искать наемника).

«Белый воротничок»?

В конечном итоге такие «белые воротнички» по своим целям, морали, образу жизни ничем не отличаются от «дикого гуся» в чистом виде. Поэтому, неудивительно, что некоторые «белые воротнички», такие, как бывший чиновник «Бэрклейс бэнк» или бывший «волонтер прогресса», легко меняют атташе-кейс на автоматы.

«НАДЕТЬ ЗЕЛЕННЫЕ ПОВЯЗКИ!»

День Икс был назначен на 22 ноября 1970 года.

Конакри рано уходит на отдых. Уже в 10 часов в домах гаснут огни, автомобильный поток редет. Прохожих совсем мало — это возвращающиеся с собрания или из кино да те, кому работать в ночную смену. С океана тянуло сыростью. Тихо. Вдруг в два часа утра раздались выстрелы. В разных концах города. Так началась агрессия наемников.

Они высадились с моря и по ранее разработанному плану атаковали с целью захватить центральную электростанцию, виллу «Бель-Вю», где жил президент, резиденцию генерального секретаря Африканской партии независимости Гвинеи-Бисау (ПАИГК), президентство республики, международный аэропорт Гбессие. Наемники рассчитывали, что на какое-то время часть населения столицы охватит смятение. Однако скоро бойцы национальной армии и вооруженных сил ПАИГК остановили продвижение наемников, а затем и разгромили их...

В истории наемничества агрессия против Гвинейской Народной Революционной Республики была своего рода этапом. Здесь платили уже не только наличными, не только франками и долларами, а еще и обещаниями постов, доходных мест после свержения существовавшего режима. Поэтому большинство наемников были африканцы, выходцы из Гвинеи. Агрессия против молодой республики представляет явление далеко неординарное со всех точек зрения. Во-первых, это некий сплав действий регулярной армии (колониальной португальской) и наемной силы (африканской). Позднее «сплав» повторился в Анголе. Во-вторых, она показала, что внутренняя реакция, являясь инородным телом в развивающихся обществах, тем не менее весьма активна, она скорее консолидируется, чем растворяется, становится агрессивной, а не нейтральной.

Наемников предупредили: «Если вы увидите гвинейца с зеленой повязкой на руке, знайте, это наш союзник».

Раньше «джентльменом удачи» мог стать только белый. Путь в формирования для людей с черной кожей был закрыт — принимать не позволяли ни мораль расиста, ни мораль господина, который только вчера еще был колонизатором и не привык к мысли, что власть над африканцами у него кончилась. Антони Моклер приводит интересный документ — переписку между кандидатом в наемники и руководителями вербовочного центра в Шефтсвиле (ЮАР). Вот она:

«Дорогой господин!

Могу ли я настоящим письмом просить о зачислении меня в конголезскую (имеется в виду формирование наемников в Катанге. — Л. К.) армию? Мне 25 лет, и у меня нет никакой военной специальности. Я говорю по-английски, по-африкаан, зулу, сото — северном и южном диалекте (мой родной язык). Я несколько раз обращался в наше местное бюро, которое занимается вербовкой наемников в Конго. Мою кандидатуру каждый раз отвергали, так как я не являюсь белым. Не удивляйтесь, что я обращаюсь к вам, непосредственно в конголезскую армию. Мой рост 1 метр 90 сантиметров, вес 90 килограммов. У меня прекрасная внешность. Я на сто процентов здоров, а также храбр. Я прошу принять во внимание, что у меня нет военной профессии, и я не белый. Я африканец (по национальности сото). Будете ли вы так любезны, в случае если моя кандидатура подойдет, сообщить мне, сколько я буду получать в месяц? Я готов выехать в Конго и предложить свои услуги вашему подразделению. Верю, что вы не останетесь глухи к этой просьбе, с нетерпением жду от вас новостей.

Искренне ваш Х...»

А вот ответ:

«Дорогой господин!

Суть дела: просьба принять в боевую часть. Мы получили ваше письмо (за которое благодарим) с предложением вашей кандидатуры в мою часть. Мы вынуждены сообщить вам, что тем не менее невозможно принять вас, так как в наемники для службы в наших рядах мы берем только белых».

Однако отношение к цвету кожи начало меняться. Белым наемникам часто не хватало сил для проведения той или иной операции, по своим масштабам превосходящей «возможности и силы» «белокурых бестий». Кро-

ме того, наемники нуждаются в проводниках, переводчиках, нуждаются в агентуре — шпионах и диверсантах. И вот Шрамм довольно скоро отказывается от чисто белого цвета и приглашает в свои отряды африканцев, используя разные методы: обман, посулы, деньги, трайбалистские пережитки. Есть и еще одна чрезвычайно важная причина, почему в банды наемников, действующие на африканской земле, начали вступать африканцы. Раньше, когда народы вели борьбу за свободу, за национальное освобождение, африканцев, принадлежавших к разным социальным группам, проживавшим в городах или деревнях, объединяло единое стремление к свободе. Кроме небольшой части чиновничества и племенных вождей, сотрудничавших с колониальными властями, все были по одну сторону баррикад.

Но вот свобода завоевана. Возникли молодые государства. Вместе с этим начался быстрый процесс классового и социального расслоения. И если разные цели, которые преследовали в борьбе за независимость определенные социальные силы, не всегда приводили к расколу (как это случилось, например, в Анголе, где ФНЛА и УНИТА фактически действовали в интересах международного капитализма), то с завоеванием независимости в африканских обществах возникли разные полюсы с промежуточными слоями.

В развивающихся странах буржуазия составляет примерно два-пять процентов населения, а современный пролетариат — пять-семь процентов, то есть ни пролетариат, ни буржуазия большинства стран Африки не развились до такой степени, чтобы их можно было назвать основными классами общества. Неокolonизаторы понимают, что они могут усилить свои позиции в Африке за счет роста (количественного и, конечно же, качественного) союзников. И не только в среде национальной буржуазии. Они не могли не обратить внимания на бюрократическую буржуазию. Бюрократическая буржуазия, составляющая часть правящей элиты (она состоит из чиновников государственного аппарата, партийных и профсоюзных деятелей, офицеров армии, флота и жандармерии, племенных и религиозных вождей), пользуется неопределенностью социальных групп, сложностью и неустойчивостью общественных отношений, слабостью как пролетариата, так и буржуазии.

Представители некоторых слоев бюрократической

буржуазии, как правило из числа интеллигенции, иногда выдвигают социалистические лозунги, становясь на какое-то время выразителями требований трудящихся. В то же время под влиянием социальных групп, связанных с иностранным капиталом субъективно или объективно, другие ее представители выступают защитниками интересов неокolonизаторов. Бюрократическая буржуазия не имеет крупных капиталов, чтобы вкладывать их в промышленные или сельскохозяйственные предприятия, она не владеет средствами производства. Но свою экономическую слабость она компенсирует за счет политики, за счет паразитирования на государственном аппарате. Английская газета «Санди телеграф», ссылаясь на известного ученого Леонарда Барнса (в течение длительного времени он изучал процесс колонизации в Африке), делает вывод о том, что «иностранная помощь привела к созданию паразитической касты должностных лиц, которые поглощают все большую часть государственного дохода». Такое явление, отмечает газета, получило название «грабительской экономики, пришедшей на смену погоне за прибылью».

Здесь, конечно, нужно уточнить, о какой иностранной помощи идет речь. Действительно, западный капитал стремится создать в Африке союзников. Его представители приучили некоторых чиновников к взяткам, комиссионным, всякого рода подношениям. В оплату за «услуги» (выгодная концессия, постройка фабрики, нужной не африканскому государству, а определенной монополии) предоставляют право участвовать в прибылях, дают возможность даже покупать акции фирм и компаний, расположенных на Западе. Помощь даже со стороны государственных органов западных стран идет в основном на укрепление связей с капиталистической системой во многом за счет укрепления позиций бюрократической буржуазии. Обогащаясь, представители бюрократической элиты, с одной стороны, не вкладывают свои капиталы в сферу производства, а с другой — препятствуют укреплению подлинной экономической независимости.

Прогрессивная журналистка, активная участница национально-освободительного движения в ЮАР Р. Ферст в книге «Дуло ружья» приводит такие данные: «В 1964 году в 14 бывших французских колониях стоимость импорта алкогольных напитков в шесть раз пре-

вышла стоимость ввозимых удобрений, стоимость закупленной парфюмерии, косметических средств составляла половину стоимости приобретенных станков... затраты на импорт частных автомобилей в пять раз превышали стоимость импорта сельскохозяйственного оборудования. Ресурсы были поглощены узкой группой лиц, потребности которой подрывали бюджеты и экономику управляемых государств».

Что такое человек, принадлежащий к элите бюрократической буржуазии, можно представить на примере Йомби Оланго и его ближайших помощников (он возглавил правительство Народной Республики Конго после гибели Мариана Нгуаби). Конголезское радио сообщило, что за счет казны они покупали за границей кровати с вибромассажем, снабженные к тому же системой кондиционирования воздуха и системой телевидения. Каждая такая кровать стоила 17 миллионов африканских франков (8500 долларов).

Представители элиты подобного плана (журнал «Жён Африк» назвал их «детьми, которых испортил колониализм») во всем стремятся копировать образ жизни, который вели в колониях европейцы. В бывших французских владениях они обязательно устраивают велосипедные гонки, называя их «тур де Франс», в англофонной Африке представитель элиты в пять часов вечера пьет чай («свой файв-о-клок»), и его самым любимым спортом является крикет. Теперь вот кровати... Однако если бы дело кончилось только подражанием. Многие из «испорченных детей» стоят во главе государственных учреждений, политических и общественных организаций. Они всячески помогают западному капиталу «обрасти» в Африке «союзниками», утверждать свои позиции.

Однако, чтобы не выдать себя, скрыть сущность и своей натуры, и своей позиции, «испорченный ребенок» проявляет удивительную изобретательность. При этом он прибегает к помощи литературы, искусства, философии.

Однажды утром, зайдя в книжные магазины (а их в Дакаре пять, крупных, конечно), я увидел на полках новенькое западноевропейское издание книжки — сборника стихов Э. Сезера. Поэт интересный, хотя и сложный, много сделавший для духовного освобождения африканцев. И что любопытно: в сборнике, изданном в то время, когда Африка вступила в завершающий этап освобождения, главным стихотворением было следующее:

Ура тем, кто никогда ничего
не изобрел,
Ура тем, кто никогда ничего
не исследовал,
Ура тем, кто никогда никого
не побеждал,
Но ура тем, кто в экстазе
отдал себя духу вещей!

При этом всячески превозносятся моральные ценности патриархальной деревни, провозглашается возврат к ним. Такая философия подменяет подлинную революцию реформизмом, социальные преобразования рассуждениями о том, как сохранить старую сказку. На деле же политика, основанная на таких философских взглядах, не способствует избавлению от отсталости, а значит, оставляет африканские страны незащищенными перед лицом возможных испытаний.

Бюрократическая буржуазия составляет непосредственную социальную базу и активную силу в процессе, направленном на то, чтобы увести африканские страны с пути независимого развития, помешать им взять курс социалистической ориентации. Она поставляет или готовит неокolonизаторам своих наемников, когда возникает угроза режиму, при котором процветают проимпериалистическая элита — ведь жалко расставаться с привилегиями, источниками доходов, позволяющими приобретать кровати с вибромассажем вместо тракторов, виски вместо вакцин против полиомиелита...

СОЮЗНИКИ ПО НОЧНОМУ РЕЙДУ

Мне приходилось встречаться с гвинейцами, которые имели при себе зеленые повязки или созрели для того, чтобы приобрести их. В 1966 году я побывал в главном книжном магазине Конакри. За прилавком сидел мрачного вида молодой человек. Показав рукой на полупустые полки, он пророчал:

— Новая власть запрещает продавать многие книги. А взамен или ничего не дает, или дает то, на чем не заработаешь ни сантима. Приходит в упадок магазин. Да и мои дела вместе с ним. Раньше, бывало, на веселых журналах зарабатывал столько, что... Да!.. — Продавец махнул рукой и отвернулся.

Через несколько лет я понял, что говорил с будущим наемником. На первый взгляд парадоксально, но он вырастал, а точнее, созревал, формировался именно здесь, в этих стенах магазина, на полки которого с каждым годом ложилось все больше и больше книг. И каких! Утверждающих добро, справедливость.

— Да, да, — подтвердили мне. — Действительно, за этим прилавком стоял, как вы сказали, «небольшого роста парень с большим перстнем на правой руке». Но он, мы называли его «недовольным», давно уволился. Правда, в магазин заходил часто. А где сейчас? Говорят, был убит во время «рейда на Конакри».

Директор магазина «Либрапорт» Тиерио Алиу Ба человек очень образованный, великолепный рассказчик. Он вспоминал, как магазин превращался, по его словам, в «настоящую конакрийскую энциклопедию». И я смог представить не только рождение «энциклопедии», но и рождение наемника, африканца, у которого возникло желание приобрести зеленую повязку и как можно скорее украсить ею правую руку.

— Прежде всего, — начал Тиерио Алиу Ба, — мы перестали быть продолжением западных книжных прилавков. Мы решили сделать все, чтобы остановить поток книг расистского содержания, книг, проповедующих культ силы, секс, утверждавших мораль мира, основанного на угнетении и эксплуатации.

А ведь именно с таких изданий получал свою долю «человек с перстнем». Ведь их покупали богатые европейцы и состоятельные «испорченные дети». Прогрессивный дакарский журналист, редактор одной из газет, рассказывал мне, что торговцы в книжных магазинах, ориентирующиеся на западные издательства, за каждую проданную книгу антикоммунистического содержания, написанную «восточным диссидентом», получали процент с ее стоимости.

Что же дальше наблюдает «недовольный», который уже при виде того, что завозят «не его товар», как он лю-

бил говорить, кипит от гнева? Вот пришли рабочие с бокситодобывающего комплекса. По поручению профсоюзной организации они покупают книги об опыте организации соревнования в социалистических странах. Учитель из Боке отобрал пачку изданий на национальных языках. Он в восторге. «Важно, что книги написаны так, что я не только стану учить детей читать и писать на своем родном языке, они одновременно будут узнавать, как следует соблюдать правила гигиены и санитарии» — это он говорит о книге в серой обложке, подготовленной к изданию Национальной службой по ликвидации неграмотности. Рядом еще одна нужная ему книга на национальном языке, выпущенная уже Службой по образованию и ликвидации неграмотности среди взрослых. В предисловии говорится, что ликвидация неграмотности отличается от проблемы охвата всего гвинейского населения школьным образованием и «является для нас прежде всего проблемой политической и что борьба с неграмотностью также должна внести вклад в возрождение африканской культуры».

Да, в клиентах бывшего продавца рабочие не ходили. Учителей тоже было мало. Но его страшно обидело еще и то, что, казалось бы, совсем «надежные» гвинейцы стали меняться. Даже колдуны и фетишеры. Как не надеть зеленую повязку, когда видишь, что пожилой человек покупает много книг: учебники по физике, история солнечных затмений, брошюры о кооперативном движении и Организации африканского единства... И кто покупает! Мало того, что приехал из глухомани, из лесной Гвинеи...

— Понимаете, — смущенно улыбаясь, объяснил человек, — я фетишер, знахарь. Но мне теперь верят все меньше и меньше. Потому что все больше и больше становится грамотных людей. Вот я и решил подучиться. Может быть, это поможет восстановить мой авторитет. Тем более я действительно знаю много целебных трав. Но старых знаний оказывается недостаточно. Недавно крестьянин, который лечил у меня зубы, вдруг спросил, что такое кооператив? А я не смог объяснить...

В другой раз «недовольный» видит, как в «его» магазине организовывается выставка-продажа советской книги. Он видит, что учебники, издания по проблемам экономики, культуры, естественным наукам, наукам полити-

ческим, в том числе и по марксизму-ленинизму, пользуются возрастающим спросом.

— Мы делаем все, — подчеркивал Тиерио Алиу Ба, — чтобы книга служила воспитанию нового человека, способствовала проведению глубоких социальных преобразований, укреплению связей с нашими зарубежными друзьями.

Вот почему «человек с перстнем» решил надеть зеленую повязку.

В Гвинее сразу после независимости был взят курс на то, чтобы максимально уменьшить число предприятий, принадлежащих только иностранному капиталу. В горнодобывающей промышленности преобладающим становится смешанный сектор. Все это, естественно, вызвало недовольство врагов республики и врагов социальных преобразований. А недовольство, как известно, рождает действие. Так, в ответ на референдум, когда народ Гвинеи проголосовал за независимость, иностранные компании пошли на экономический саботаж. Они начали сворачивать дела, закрывать предприятия, отозвали специалистов.

Но республика не пошла на попятную, более того, в 1960 году она принимает решение о выходе из «зоны франка», что резко уменьшало капиталистическое влияние. После короткого периода растерянности у монополий Запада появилась надежда восстановить некоторые свои позиции с помощью гвинейской торговой буржуазии. Многие ее представители в штыки встретили решение правительства, так как, лишившись франка, который имел хождение во всех странах Западной Африки, они лишились дополнительной возможности получать прибыли. Среди этих буржуазных элементов наблюдался резкий рост оппозиции правительству. Набирал силу еще один враг социальных преобразований в лице новой сельской буржуазии, появившейся в результате расслоения села. Раньше, до независимости, оно представляло безбрежное однородное море, где господствовали отсталая техника и патриархальная структура. Это было, по существу (о чем говорилось выше), натуральное хозяйство, не знавшее товарно-денежных отношений. И вот из этого «моря» и начали появляться представители сельской буржуазии, естественные союзники капитализма. И конечно же, среди чиновников находились люди, которые мечтали использовать свое положение для личного

обогащения. Но режим мешал, поэтому такие чиновники режим ненавидели. За пределами Гвинеи было немало всякого рода отщепенцев.

Нити каждого выступления против существующего режима неизменно тянулись за рубеж. Уже первый заговор (1965 г.) был подготовлен пособниками империализма. Спустя несколько лет Бангура Карим, бывший государственный секретарь промышленности и шахт на одном из процессов, судивших заговорщиков («процесс пятой колонны», 1971 г.), сообщил, раскрывая механизм заговоров, что на подрывные цели он получил от французских, западногерманских и американских секретных служб 1 миллион 373 тысячи долларов.

Красноречивый факт.

Много других мы находим в протоколах допроса пленных, участвовавших в «ночном рейде» на Конакри. Допрос вели члены миссии Организации Объединенных Наций. Вот Януарио Лопез:

«Я родился в Бисау 5 декабря 1945 года. 5 мая 1966 года я поступил в танковую школу в Санта-Рой. Из этой школы меня забрали в армию, а затем в течение трех месяцев я обучался в центре подготовки сержантов. После девяти месяцев учебы я был направлен в 15-й пехотный полк... Нас привезли на остров Шуга. Объявили приказ сдать униформу и оружие, чтобы получить все другое. Я увидел много незнакомых людей. Я спросил одного парня: кто они? Он сказал, что родина этих людей — Конакри. Я спросил: это их мы повезем туда? И он ответил, да, вы их будете сопровождать и они там останутся... Офицеры говорили, что тех, кого мы собираемся сопровождать, являются хозяевами страны и что все уже согласовано с другими людьми, которые находятся там, и вообще проблем никаких нет, и то, что мы предпримем, будет решением войны в Гвинее (Бисау. — Л. К.). Гарантии на успех — 95 процентов. Итак, мы прибыли. В вооруженных силах, или, как они сами говорили, в «вооруженных силах Гвинейской Республики», было примерно 150 человек. Мы вышли в восемь вечера и прибыли на место в десять часов вечера следующего дня. Мы увидели огни Конакри. Меня позвал капитан Моранс, и я увидел, что он покрыл лицо черной краской (многие белые наемники прибегли к этой хитрости, однако некоторые потом пожалели — от жары, напряжения краска размякла, расплзлась по лицу, попала

в глаза и рот. — Л. К.). Он сказал нам, что мы должны высадиться на землю. Мы пересели в лодки и направились к берегу. Недалеко от берега мы увидели две маленькие рыбацкие лодки. Я сказал капитану Морайсу, что люди могут поднять тревогу. «Не бойся», — ответил он. Капитан Мораис был парашютистом. Когда мы прибыли и высадились на берег, он сказал: «Ваша задача атаковать аэропорт и уничтожить там МиГи».

На следующем допросе комиссар ООН спросил Януарио Лопеза: «Вы сказали, что в лодке вы сидели с гражданами Гвинейской Республики, или, я полагаю, гвинейскими эмигрантами. Во время поездки вы разговаривали с ними?..»

В ответ наемник сказал: «Да, действительно, когда мы были в пути, мы имели возможность переговариваться, но мы плохо понимали, что они собирались делать. Был один, который понимал, — это лейтенант Боро, он показал мне на человека и сказал, что этот человек был майором в войсках колониальной армии, я полагаю, французской, в то время, когда Гвинея была французской...»

Спустя несколько лет агентство Франс Пресс, ссылаясь на статью в лиссабонском журнале «Эспресу», передало на Африку следующее сообщение под заголовком «За провалившимся заговором против Гвинеи генерал Спинола?»: «Бывший президент, главнокомандующий португальской армии в Гвинее-Бисау, генерал Антонио Спинола стоял за кулисами неудавшегося заговора в 1970 году, цель которого состояла в свержении гвинейского президента Секу Туре. При этом использовались добровольцы (то есть наемники. — Л. К.), вооруженные некоторыми неназванными африканскими правительствами...»

Как пишет «Эспресу», план вторжения в Гвинею с моря имел кодовое название операция «Зеленое море» и был известен «нескольким европейским секретным службам, включая французские и германские (ФРГ. — Л. К.), и, естественно, Центральному разведывательному управлению США, а также секретным службам Берега Слоновой Кости, Верхней Вольты. Войска, которые должны были высадиться в Конакри, состояли из гвинейских беженцев, находившихся в оппозиции к правительству Секу Туре, и наемников».

Если проводить параллели с белыми наемниками, то среди их африканских коллег также есть разные категории. В «рейде на Конакри» выступали в общем пешки, завербованные салазаровской охранкой для прикрытия, для окраски агрессии в черный цвет. В операциях против Бенина принимали участие, если можно так сказать, «наемники с положением», бывшие политические и государственные деятели. С их помощью империализм надеялся изменить курс той или иной страны на сто восемьдесят градусов.

СТАВКА НА «ТЕМНОКОЖИХ БЕСТИЙ»

Заговор против будущей народной Анголы Запад начал готовить заранее. Особое внимание уделялось подготовке не только «белокурых бестий», но и «бестий темнокожих».

Одной из них был Холден Роберто, человек, который «никогда не снимает темных очков». Другой — Жонас Савимби, «человек, который убивает, только сняв темные очки». Роль каждого из этих деятелей не укладывается в рамки, которыми определяется обычный наемник. Она гораздо шире. Это и политические деятели, и предприниматели, и профессиональные военные, стоявшие во главе довольно крупных вооруженных сил. Однако среди многих лиц все-таки в каждом есть и лицо наемника, черты наемника. Тот факт, что они принимали «диких гусей», пользовались их услугами, ставит и Роберто и Савимби на одну доску с наемниками.

Имеет смысл напомнить коротко, как развивались события в Анголе до провозглашения республики и сразу после провозглашения. Свержение фашистского режима в Португалии ускорило процессы, которыми жили колонии. Учитывая сложность обстановки в Анголе, представители Португалии, МПЛА, ФНЛА и УНИТА провели переговоры, в результате чего подписывается известное Алварское соглашение, которое, в частности,

предусматривало прекращение враждебных действий между ангольскими движениями. Принято было также решение, которое предусматривало создание переходного правительства из представителей четырех подписавших соглашение сторон. Его цель подготовить страну к провозглашению независимости 11 ноября 1975 года.

Однако ФНЛА и УНИТА держали камень за пазухой. Не успели представители движений встать из-за стола переговоров, как руководители ФНЛА и УНИТА начали готовиться к тому, чтобы физически истребить МПЛА, огнем и мечом расчистить себе путь к власти. Роберто Холден, например, даже не скрывал в то время того, что нацелил своих агентов уничтожить в первую очередь вождя МПЛА Агостиньо Нето.

Я не забуду улицу до Бразил в Луанде. Именно здесь бандиты и головорезы из ФНЛА, нарушив подписанное соглашение, решили террором вытеснить МПЛА и завладеть не только улицей, но и всем городом. Тайно подтянув в Луанду вооруженные отряды, переодев часть солдат в гражданское, они летом 1975 года грянули разбойничий клич. По нему филовцы врывались в дома жителей, расстреливали их, устроили расправу над больными в госпитале. Они прошивали автоматными очередями окна зданий. Погибло много ни в чем не повинных людей.

Нельзя было без боли смотреть на обезображенные стены домов улицы до Бразил. Именно к ней примыкают кварталы, где живет трудовой люд. Удар ФНЛА был направлен против рабочего класса столицы.

Колонизаторы понимали, что с их уходом не останутся (а если останутся, то ненадолго) нефтеперерабатывающие предприятия Луанды, мыловаренные заводы, автомастерские, предприятия по производству стройматериалов и переработке сельскохозяйственного сырья и т. д. Не останутся до тех пор, пока существует рабочий класс. И они решили его запугать: вот почему была устроена резня на до Бразил и других улицах столицы.

Врагам свободы удавались многие террористические акты еще и потому, что они пользовались активной поддержкой реакционеров в самой Португалии.

Что в этой ситуации должна была предпринять МПЛА? К моменту прекращения антиколониальной войны это движение уже контролировало значительную

часть территории страны. Там создавались органы народной власти, школы, больницы, кооперативы. За МПЛА шел народ. Поддаться на провокации ФНЛА и УНИТА, терпеть их раскольническую деятельность было бы предательством по отношению к нации. Действия ФНЛА (она отозвала, кстати, своих представителей из переходного правительства) привели к аннулированию Алварского соглашения. Лидеры ФНЛА и УНИТА решили открыто объявить войну МПЛА (тем более что империалисты увидели — МПЛА не склонна идти ни на компромисс с раскольниками, ни отступить перед их ультиматумами), взять Луанду и поднять над ней свои флаги до 11 ноября, чтобы не допустить провозглашения республики Народным движением за освобождение Анголы. Так началась война.

С севера колонны своих наемников вел Холден Роберто. Если в архивах Центрального разведывательного управления США хранится донесение агента, который первый установил контакт с Роберто и обосновал возможность его вербовки, то в нем наверняка есть такая характеристика: жаден до денег, тщеславен, мстителен, неразборчив в связях по любовной линии, мечтает о восстановлении империи баконго, о коммунизме мало что знает, но, инстинктивно ненавидя, с готовностью хулит его...

Вот почему завербовать Холдена не стоило никакого труда. Наемнику помогли создать движение Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА). Его программа? Как-то выступая перед журналистами, Холден Роберто говорил о себе: «У меня нет ярлыка. Я не примыкаю ни к правым, ни к левым. Я верен себе, только самому себе».

Это была ложь. Роберто с самого начала служил правым, «честно» отработывая свои сребреники. Когда португальским карателям нужен был предлог устроить очередную «кровавую баню», давали знать Роберто. Он тут же посылал из Заира (лидер ФНЛА уехал из Анголы шести лет и всю жизнь прожил за границей своей страны) команду, которая нападала на первую попавшуюся помещичью усадьбу. Этого было достаточно, чтобы выступили регулярные части колониальной армии. Когда нужно было публично заявить о том, что африканцы против коммунизма и социализма, на заранее подготовленной трибуне появлялся Холден Роберто.

Вот что пишет о лидере ФНЛА западный журналист Жорж Лекофф, автор книги «Ангола: отравленная независимость»: «Роберто Холден во время войны за освобождение стремился расширить свое влияние, чтобы помешать д-ру Агостиньо Нето. Он охотился за партизанами МПЛА, которые хотели проникнуть в Анголу через заирские границы... Доказано, что с 1962 года он начал получать от ЦРУ солидное вознаграждение за свою деятельность. Если верить «Нью-Йорк таймс», ему (Холдену Роберто) платили 10 тысяч долларов в месяц только за передачу сведений соответствующим американским службам. Американцам Холден Роберто особенно нравился тем, что он сразу объявил своей задачей борьбу с коммунизмом».

Заокеанский протезе, как свидетельствуют документы, поставил перед собой две задачи.

Первая — закрыть заиро-ангольскую границу так, чтобы МПЛА не получала через Заир ни оружия, ни продовольствия, ни медикаментов; эта задача решалась силой, то есть оружием наемников, располагавшихся в лагере Кинкузу (Заир).

Вторая — создавать видимость вооруженной борьбы против португальцев. Это нужно было Роберто для обеспечения своего престижа на международной арене. Вооруженную «борьбу» вела, по свидетельству Жоржа Лекоффа, «крохотная банда партизан, действовавших к югу от Бембы в направлении Набумгонго и Луанды».

Западная пресса, особенно американская, всячески поднимала акции Холдена Роберто, выдавая его за «истинного патриота», «истинного националиста». По совету друзей-репортеров Холден Роберто для пущей важности стал фотографироваться только в военной форме. От подчиненных, особенно от своих доморощенных журналистов, он требовал говорить о своей персоне так: «Христос избрал Холдена Роберто, чтобы он повел за собой ангольский народ».

А между тем о высокопоставленном наемнике начала распространяться худая слава. Деньги, выдававшиеся из кассы ЦРУ на закупку оружия, он вкладывал в строительство домов и гостиниц и не только в Заире, но и в других африканских странах. Медикаменты, которые монашки в Западной Европе и США собирали для солдат ФНЛА, Холден отправлял в свои аптеки и продавал.

В перерывах между занятиями бизнесом лидер ФНЛА делал всякого рода заявления, которые отнюдь не поднимали его авторитет. В этой ситуации руководители африканской политики Запада, в первую очередь ЮАР, решили подстраховаться — создается еще одно движение, Национальный союз за полное освобождение Анголы (УНИТА), во главе с Жонасом Савимби.

В отличие от «интеллигентного» Холдена Савимби скорее похож на громилу с большой дороги. Он безумно любит пятнистую, под леопарда (совсем как Шрамм) форму парашютиста. Если Холден Роберто опирался в основном на народность баконго (он даже объявил себя «наследником королевского дома баконго»), то Савимби — на племя овимбунду, которое составляет 40 процентов населения Анголы. Колонизаторы еще в далекие времена раздували межэтническую рознь. Из числа овимбунду они выбирали наиболее «достойных» и поручали им охоту за рабами. Естественно, среди других народностей — бамбунду, лунда, баконго — возникла вражда к овимбунду, которая и в дальнейшем искусственно поддерживалась.

Не только орудием межэтнической розни пользовались португальские завоеватели. Все население колоний, в том числе Анголы, делилось на «индиженас» («туземцы») и «ассимилядос» («ассимилированные»). Первая категория — это в основном неграмотная, отсталая крестьянская масса, на которую не распространялись португальские законы. Вторая состояла из тех, кто овладел португальским языком, принял католическую веру, отказался от местных традиций и обычаев. Из этой категории формировались кадры мелких чиновников, служащих компаний. Большая роль в создании проколониальных элементов отводилась армии. Ангольскому юноше обещали заманчивое будущее, если он пройдет через португальские казармы. Конечно, такая политика колонизаторов не могла не оставить следов и последствий. Именно этим во многом объясняются возникновение и определенная живучесть таких организаций, как ФНЛА и УНИТА.

Говорят, Савимби так же тщеславен, как жесток. О своем тщеславии он объявляет тростью из эбена и слоновой кости (признак власти), униформой под леопарда. А жестокость... Я был в деревнях, которые оста-

вили отряды Савимби. Трупы крестьян и пепел. Солдаты Савимби убивали, сжигали и грабили, так же как солдаты Холдена Роберто. Жонас Савимби, сообщал корреспондент Франс Пресс, ссылаясь на авторитетные источники, лично отдавал приказы расстрелять десятки людей перед отступлением его войск из Баламбо: обреченных ставили в шеренгу лицом к стене, приказывали поднять руки, и затем солдаты Савимби, целясь в затылок, уничтожали «отказавшихся сотрудничать с УНИТА».

В отличие от Роберто Савимби находился на содержании юаровских секретных служб, он был, как говорили в Анголе, наемником, завербованным для защиты апартеида.

Когда приближался час освобождения Анголы, Савимби так же, как и Роберто, вступил в борьбу за власть, за то, чтобы урвать как можно больше «министерских кресел» в «коалиционном правительстве». Но этим желаниям не суждено было сбыться.

Изо всех сил старался в этот период Пентагон. Десятки самолетов ежедневно приземлялись в Заире и в районах, временно оккупированных ФНЛА. Грузами были оружие, боеприпасы, пассажирами — инструкторы, советники, «специалисты по борьбе с партизанами».

Скоро журналисты, находившиеся в Луанде, получили дополнительные данные. В плен попали наемники-португальцы, их взяли к северо-востоку от Луанды. Они сообщили, что в армии ФНЛА создана колонна «Холден Роберто», укомплектованная в основном из португальцев. Но каких португальцев? Фашистов, бывших сотрудников салазаровского гестапо ПИДЕ, бежавших из Анголы. По словам Ж. Лекоффа, они подались в «гуси», надеясь установить режим, при котором европейцы играли бы доминирующую роль. Вместе с ними, добавляет Ж. Лекофф, шагали профессиональные «солдаты фортуны», то есть наемники из Бельгии, США, Великобритании...

Мне довелось побывать на аэродроме, который называли воздушными воротами важнейшего стратегического пункта — Кармоны, после того как ушли оттуда войска ФНЛА. «Даже чайник не успел остыть», — удивлялся корреспондент «Журнал ди Ангола», когда мы вошли в казармы. Практически все — от простынь

и ремней до оружия — было американского и китайского производства.

Повсюду валялись бумаги, личные письма, фотографии. На них запечатлены сцены из быта наемников. Вот снят в полный рост детина, чем-то очень похожий на гитлеровского солдата. На обороте написано по-немецки. Адресат, кому предназначалась фотография, живет в Гамбурге. А вот за бутылками «бестии» празднуют какое-то событие. Да, не думали, что жизнь может повернуться для наемников какой-либо другой, кроме победной, стороной. Тем более что страна была уже поставлена в труднейшее положение. Разруха, на местах народная власть только-только устанавливается. Замерли составы с продовольствием, остановились машины с грузами — не хватало бензина. Перед уходом колонизаторы открыли тюрьмы, и уголовные элементы в некоторых городах развязали настоящий террор. И сама столица была далеко не здоровым, четко работающим организмом. Мне как раз довелось быть в это время в Луанде. Голод, частые перебои с электроэнергией, водоснабжением. Транспорт парализован. В гостинице «Континенталь», где жили мы, советские корреспонденты, меняли простыни два раза в день, в ванной комнате висело шесть полотенец, в любой момент можно было вызвать официанта. Но официант в лучшем случае мог предложить бананы, папайю и редко постный суп. Иногда удавалось раздобыть молоко. Правда, в Луанде остались огромные запасы пива, и это был, пожалуй, единственный продукт, который продавался без особых ограничений.

В городе свирепствовали банды уголовников. Они увеличивались за счет мародеров. Ведь, как известно, большинство европейцев (а их было примерно 350—400 тысяч) покинуло Луанду. Остались виллы, автомашины, квартиры, магазины. В первое время невозможно было наладить их охрану. Этим и пользовались грабители. В такое тяжелейшее положение страна была поставлена благодаря наемникам, «темнокожим бестиям» Роберто и Савимби.

В сентябре 1975 года войска Холдена Роберто заняли город Кашиту (53 километра от Луанды) и приготовились к генеральному наступлению на столицу. Колонна «Холден Роберто» за несколько дней до провозглашения независимости подошла к предприятиям, ко-

торые снабжали столицу страны водой. «Мы уже видели трубы нефтеперегонного завода «Петроангола», — вспоминает один из офицеров ФНЛА. — Роберто получил из Рима белый мундир (говорят, что сначала речь шла о белом коне, но почему-то от этой идеи отказались. — Л. К.), чтобы достойно появиться в Луанде».

А его солдаты хором заучивали, пугая жителей, лозунг «Христос избрал Холдена Роберто, чтобы спасти Анголу!».

Многие наемники шли к Луанде с такими же мыслями и намерениями, с какими в свое время вступил в бой «леопард» Шрамм. Вот отрывок из книги Ж. Леккоффа:

«Жоаким Оливейра, португальский наемник 26 лет, смотрел из башни своего броневика на ангольскую деревню: богатая земля. В районе Луанды все растет с невообразимой быстротой. Прекрасная страна, «его страна». Сегодня вечером он, возможно, будет спать в столице. Если, конечно... Хотелось бы оставить военную службу, уйти в отставку, отказаться от жизни, которую вел в старой колонии».

В колоннах Савимби тоже шагали белые наемники. В основном из ЮАР. Корреспондент Рейтер рассказывал: «Первого ноября (1975 года. — Л. К.) я подъехал к двум бронетранспортерам «панар», стоявшим на месте, где паркуются автомашины в аэропорту. В первой машине сидел белый лет двадцати. Я обратился по-португальски: никакого ответа. Когда я спросил, на каком языке он говорит, парень ответил с сильным южноафриканским акцентом:

— На английском.

Во второй машине сидел также белый. Когда я спросил его, откуда он приехал, он ответил мне с акцентом, который без всякого сомнения был южноафриканским:

— Я наемник.

— А из какой страны?

— Я не могу сказать.

— Сколько времени вы уже в Анголе?

— Две или три недели.

Солдат УНИТА добавил:

— Южноафриканцы делают хорошую работу. Они профессионалы. Их профессия — война».

ДАВА — СОЮЗНИК ШРАММА

Когда нужда в дополнительной «черной силе» стала ощущаться чаще и острее, многие, даже рядовые, наемники-европейцы, превратилась в наставников. Обученные на пособиях Бружа, они ловко пользовались отсталостью, невежеством, предрассудками подопечных.

Корреспондент Рейтер немало удивился, когда, спросив солдата-африканца, что делают белые наемники в его отряде, получил ответ:

— Они обучают нас...

«Они обучают нас...» Ответ ординарный, в общем ничего не говорящий. Но для меня он означает, что надо заглянуть в те самые «окопы», о которых говорилось выше. Для чего, как обучают?

Не нужно быть ученым, знатоком Африки, местных обычаев, чтобы увидеть те характерные черты жителя африканской деревни, которые делают его слабым и беззащитным перед лицом сил циничных и бессовестных.

...Только что пала Кармона, «столица» Холдена Роберто. Мы прилетели на ее аэродром. Еще дымится сгоревшая автомашина. Еще сухо потрескивают патроны в казарме, до которых добирается огонь. Привели пленных. Среди них африканец. На шее висит черная из кожи антилопы плоская коробочка. Наверняка в ней либо пепел священного дерева, либо земля с могилы умершего отца. Это талисман. Он должен оберегать человека от всех бед и напастей. Таких талисманов в Африке великое множество. И можно сказать, что они представляют великое многообразие. Это могут быть козьи рога, которые носят на груди, бусы из ракушек, пояса с привязанными медными пластинками.

В кенийской деревне недалеко от заповедника «Три топс» я увидел старика. Внешность его меня поразила: белые волосы (редко кто доживает в Африке до седины), белые ровные зубы, в ухе огромное кольцо. Он не сразу начал с нами разговор, так как был занят чрез-

вычайно важным делом — давал последние советы, а скорее указания (об этом свидетельствовал строгий тон) женщине, которая брила голову мальчику лет трех. И это была не обычная процедура: сначала выбривалась тонкая полоска от лба до затылка. Ее потом пересекала другая, начинавшаяся у левого уха и кончавшаяся у правого. Получился крест.

Старик облегченно вздохнул. Он раскурил трубку, отодвинул со щеки кольцо и удовлетворенно сказал: «Вот теперь злые духи не тронут мальчика». Женщина заулыбалась. Старик заставил дочь проделать подобную процедуру из самых лучших намерений.

Другое дело наемники. Жан Шрамм, например, часто прибегал к помощи духа дава. У многих народностей, проживающих в Заире, дава считается сильнее всех, сильнее других богов, сильнее яда, пуль, бомбы. Достаточно иной раз было сказать «с вами дава», «в вас вселился дава», и африканцы покорялись любому приказу, послушно шли в бой, на верную гибель. Дава использовали не реже, чем пальмовую водку. Вот почему еще Шрамму удавалось сравнительно легко держать в повиновении своих крестьян, почему ему не так трудно было заставить некоторых из них взять оружие, стать солдатами батальона «Леопард».

Пленного звали Бамба. Он родом из деревушки, расположенной на границе с Заиром. Оказывается, в отряд, которым командовал «белый вождь», он пошел потому, что ему пообещали дать столько денег, сколько требовалось для того, чтобы он смог расплатиться с отцом невесты. Кстати сказать, сумма смехотворная. Слово «столько» звучит значительно только в его устах, в устах крестьянина, который за роскошь считает пластмассовые тапочки и на покупку которых отваживается нечасто.

— Белый вождь говорил о духе дава?

— Нет. Но он дал нам вот это (и пленный показал на каску, самую обыкновенную). А вечером он давал нам священную мазь. Мы натирали ею каски. И ночью могли двигаться друг за другом. Ведь они начинали светиться. И только первому нужен был огонь.

— Вам нравилось служить?

— Да, но потом я захотел уйти обратно в деревню.

— А почему не ушли...

— Так ведь белый вождь очень сильный. Его нельзя

было обижать. Я однажды заболел. Он дал мне белый порошок, и через день я выздоровел.

Еще доктор Альберт Швейцер заметил, что организм африканца, который ни разу не пользовался современными лекарствами, чрезвычайно благоприятно реагирует на их действия.

Однако, как выяснилось из дальнейшего разговора, «великий белый вождь» пользовался не только «пряником», то есть нередко прибегал к запугиванию. Он говорил, что если солдаты бросят оружие, то солнце будет обходить их деревни, воцарится вечная темнота, все вымрет. Такая угроза не могла не подействовать на людей. Иной раз трудно поверить, что таким способом можно запугать взрослого человека. В двадцатый-то век! И не пытался ли пленный солдат, боясь за свою участь, таким образом отвести от себя наказание за преступления. Но я не сомневался в его искренности.

Мне не забудется день солнечного затмения в июне 1973 года, особенно хорошо наблюдавшегося в Западной Африке. Правительства, общественные организации Мали, Мавритании, Сенегала предпринимали гигантские усилия, чтобы объяснить в сельской местности это явление. Безуспешно! Жителей многих, особенно дальних, сел обуял дикий страх и ужас при виде покрывающегося тенью солнца. Люди плакали, бились о землю. Я это видел собственными глазами на севере Сенегала.

Коллега из журнала «Тайм» Ли Криггс в это же время был с группой ученых в Кении, расположившихся для наблюдения редкого явления у деревушки Лойиенгани. Вокруг проживали племена самбуру, туркана, элмоло. У самбуру и туркана свои собственные колдуны. У элмоло таких не было. Это, как уверяли колдуны, приведет к тому, что на элмоло обрушится страшное несчастье: «их дети умрут, когда белый человек украдет солнце», а «груды кормящих матерей высохнут».

И люди снова плакали. Бились о землю. А Бамба, бессильный перед страшной угрозой, оставался в отряде наемника.

Это рядовой, неграмотный, забитый крестьянин. Самая легкая «глина», из которой наемники лепили солдат, чтобы во время боевых операций за их спинами укрываться от пуль.

Подобно Шрамму, они воспитывали и своих капита.

Из числа зажиточных крестьян и торговцев. Это были люди уже другого сорта. Они знают, что дождь можно предугадать, если есть барометр, и они не будут биться о землю при солнечном затмении. На место Бамбы стал другой солдат, подтянутой, с жестким взглядом. Он чем-то походил на того унитовца, который отвечал на вопросы корреспондента Рейтер и который так лестно говорил о наемниках-наставниках.

— Меня зовут Луамба Куравала, — сказал пленный, не успевший еще снять погоны сержанта робертовского войска. — Я член ФНЛА (товарищи потом показали мне его членский билет № 1939, год вступления 1970-й). Чем занимался? Служил переводчиком. В миссионерской школе выучил английский язык. Да, белый вождь был и моим начальником. Он сказал, что воюет за Роберто, потому что Роберто из племени баконго. У баконго когда-то было много-много земли — от Заира до Намибии. Роберто обещал восстановить справедливость, то есть восстановить империю. Ни одно племя, кроме баконго, не сможет управлять Анголой. И Роберто говорит: «Баконго превыше всего!» Только баконго способен вести торговлю, только он способен стать богатым. МПЛА попала под влияние коммунистов. А коммунисты хотят смешать все деревни, и на земле, где покоятся мои предки, будут хоронить иноплеменников, а твоя дочь уже не выйдет замуж за своего... Я из племени баконго...

В подготовке наемников из числа африканцев принимали участие и маоисты. В Тейшейра-ди-Соза я побеседовал с одним из их воспитанников, Васко Аконго. Чему обучал его китайский инструктор?

— Разному, — неохотно начинает пленный. — Переплывать реку с полной выкладкой, ведь в Анголе много рек. Стрелять из автомата. Ставить мины, убирать часового, методам саботажа.

— А кроме этого?

— Кроме этого, была политическая учеба. Нам говорили, что СССР, Куба и МПЛА наши главные враги.

— Где вы обучались?

— В Заире, в лагерях Кинкузу. Но есть и еще лагерь, где преподают китайцы, в Котаколи.

Последний мой вопрос к пленному был такой:

— Китайские инструкторы обучали только африканцев?

— Конечно, нет. Ведь они считаются непревзойденными специалистами по партизанской войне. Их приглашали и на курсы по переподготовке белых солдат.

«Все мои солдаты обучены китайцами, — говорил Холден Роберто. — Более того, китайцы безоговорочно помогают мне».

«Португальский государственный переворот произошел 25 апреля 1974 года, — писал Джон Стокуэлл, бывший глава американского экспедиционного корпуса в Анголе в книге «В поисках неприятеля». — Но уже с 1973 года Холден Роберто начал получать оружие от китайцев. 29 мая 1974 года первый контингент в составе 112 китайских военных советников под командованием генерала китайской армии прибыл в Заир для обучения войск ФНЛА».

**ЦРУ И
ДРУГИЕ
ОСТАВЛЯЮТ
СЛЕДЫ**

КУДА КРИВАЯ ВЫВЕДЕТ

Отхлебывая из огромной кружки пиво, лейтенант О'Нейл, не жалея красок, рассказывал, какая блестящая карьера ждет молодого человека в Родезии.

Кисть вербовщика искусна. Она затушевывает все то, что может быть неприятно клиенту или испугать его. Зато цветисто вырисовывает то, что должно привлечь. О росте авторитета патриотических сил, расширении их действий — молчок! Как будто их и нет. Борьба различных политических сил, международная реакция на события в Родезии — их тоже нет! О'Нейл похож на факира, который работает с раз и навсегда созданным реквизитом. И сцена действия — Родезия со всеми ее участниками тоже не меняется. Впоследствии многие завербованные увидят, что их обманывали, что события в Зимбабве и вокруг нее развернулись не так, как они рисовались вербовщиком-факиром. Но сегодня они, не задумываясь о последствиях, внимают О'Нейлу.

У слушателей, которых О'Нейл принимает в баре ресторана «Сен-Северин», расположенного в Латинском квартале Парижа, первый вопрос всегда таков: «А сколько будут платить?» Ответ их не радует: «Базовое жалованье — 300 долларов в месяц, в случае военных действий сумма удваивается». — «Негусто, — жмутся будущие «дикие гуси». — Раньше платили по тысяче-две долларов». О'Нейл соглашается, что негусто. «Но, — обращается он к одному из собеседников, — для парня с таким опытом, как у тебя, есть возможность договориться на месте. Ник, то есть майор Лампрехт (шеф белых наемников в родезийской армии. — Л. К.), очень покладист, и ему нужны специалисты».

Однако глаза парня не загораются ожидаемым алчным блеском, и тогда подкидывается еще одна приманка — вербовщик намекает, что достаточно согласиться стать наемником, и деньги потекут с самых разных сторон. Так, родезийские власти разрешают каждому за-

вербованному свободно ввезти свое личное имущество, включая автомашину и... оружие. Тут, вероятно, лейтенант О'Нейл подмигнул и сказал, что сам во время последней поездки в Солсбери привез в личном багаже сорок «кольцов» образца 1911 года: «Я купил их по 120 долларов за штуку, а продал по 700 долларов». Лейтенант О'Нейл говорил со знанием дела — он служил в парашютных войсках французской армии, во время оасовского путча «пропал без вести», потом под другим именем (О'Нейл, кстати, очередной псевдоним) подался в наемники. Ему везло — он уцелел в Конго (ныне Заир), Биафре, на юге Судана, наконец в Анголе, и не только уцелел, но и избежал наказания за совершенные в этих странах преступления.

Как правило, миссия вербовщика поручается самым проверенным, самым опытным «гусям-ветеранам». Однажды юаровская газета «Ди трансваалер» сообщила, что Майкл Хор сколотил отряд из 350 «солдат удачи» для действия на юге Африки.

«Я вербую солдат, которые должны делать свою работу». Эта фраза принадлежит бывшему парашютисту королевских ВВС г-ну Бэнксу. Его «таланты» особенно пышно расцвели, когда он занимал руководящий пост в «Консультативной службе по вопросам безопасности», которая координирует набор «солдат удачи» на Британских островах. Свой вербовочный пункт Бэнкс открыл в прачечной в Сандхерсте (Кент) напротив знаменитой британской военной академии.

Кроме общих правил, которые вербовщики на разных континентах предъявляют к наемникам, их делает похожими еще одна черта — способность тратить огромные деньги. Неизбежно встает вопрос: откуда они у О'Нэйла, Хора или Бэнкса? Вряд ли, например, Бэнкс из своих сбережений выложил крупную сумму, чтобы заплатить по многочисленным счетам баров, ресторанов, ночных заведений, счетам, подписанным его «ребятами» (Наммок, о котором рассказывалось выше, один из них), «резвившимися» пять дней перед отлетом на место «работы»? Однако расходы на развлечения, на поддержание «морального» духа (чтобы не раздумали и не разорвали контракт) «гусей» — мелочь по сравнению с другими. Одни билеты на самолет для сотен наемников обходятся в копейку. Кроме того, каждому наемнику положили жалованье 150 фунтов стерлингов в неде-

лю, 500 за подбитый танк и 2500 фунтов за каждого пойманного русского, а кроме этого, открытый авиабилет в любую точку земного шара по истечении срока службы.

Антони Моклер попытался обнаружить источники финансирования. Агата Кристи позавидовала бы той фактуре, которая оказалась в руках журналиста.

В компании с Наммоком развлекался Джон Бейкер. Этот наемник в отличие от собутыльника первые деньги получил не в фунтах стерлингов, а в долларах. «Такие хрустящие новые бумажки, — причмокнул при этом Бейкер. — Джон Бэнкс посоветовал нам перемешать их, чтобы номера не шли подряд, один за другим. Но я думаю, это были настоящие банкноты».

Третий наемник, личный телохранитель Бэнкса, Карл Фортуин, сообщил, в свою очередь, весьма интригующие сведения о том, как вообще появились эти деньги: 23 января (1976 года) только что завербованный Фортуин встретился с Бэнксом и отправился с ним в отель «Парк Корк». Стоя за дверью гостиничного номера, куда Фортуин только что проводил «двух черных джентльменов», он успел увидеть, как гости вынули из портфеля толстые пачки денег. Это были доллары. «Создание армии наемников в западной столице, — замечает при этом А. Моклер, — дело весьма дорогостоящее».

Кто же прислал деньги и на выпивку, и на авиабилеты, и на авансы, кто обещал выдать еще карманные деньги и переводить «зарплату» на банковские счета? «Не исключено, что Холден Роберто и Жонас Савимби», — пишет А. Моклер. Из приведенного ниже материала видно, что предположение не лишено основания.

Вот двадцатипятилетний наемник Ник Холл, бывший парашютист. Он сам поместил в одной из английских газет объявление, предлагая свои услуги в качестве профессионального солдата. Сначала Холла навестил журналист, не назвавший своего имени. Видимо, информация «журналиста» была интересной, так как вскоре на горизонте Холла появился врач Дональд Белфорд, практиковавший в Лидсе, практиковавший временно, ибо свое основное дело (получение прибылей, которые давала собственная больница) он имел в Сан-Сальвадоре, традиционной столице племени баконго, считавшегося одновременно центром сферы влияния Холдена Роберто. В результате встреч Ник Холл скоро вылетел в

Киншасу и вернулся оттуда с 1200 фунтами стерлингов и заданием завербовать первую партию наемников в количестве 25 человек.

Не имея опыта в этом деле, а скорее всего выполняя данные инструкции и советы, он обратился в «Консультативную службу по вопросам безопасности». Дела, по всей вероятности, шли успешно, так как через три недели Холл снова вылетел в Киншасу и привез уже побольше «светлозелененьких» — 37 тысяч фунтов. Однако на этот раз деньгами распорядились другие.

По мнению А. Моклера, Холл перевез в Великобританию в общей сложности примерно 100 тысяч долларов. Сумма немалая, но, конечно, недостаточная для финансирования такой операции, как ангольская. «Это было, возможно, все, — пишет автор, — что не пожалел выделить Холден Роберто из средств, предоставленных ему на военные расходы». При этом А. Моклер напомнил, со своей стороны, уже известные данные: лидер ФНЛА регулярно, начиная с 1961 года, получал из США примерно по 10 тысяч долларов в год только на личные расходы. Ему также выдали деньги специально для ведения войны против МПЛА. Еще в январе 1975 года Центральное разведывательное управление США передало ему 300 тысяч долларов. И все-таки масштабы вербовки наемников были не по карману (даже туго набитому гонорарами за подрывную и разведывательную деятельность) Холдену Роберто. Да и сам он, будучи наемником, не очень-то горел желанием раставаться со своими сребренниками.

Конечно, как считает А. Моклер, он сделал первые шаги в организации более широкой вербовки и даже отпустил на это кое-какие средства. Вербовочному механизму таким образом придали новые скорости. Но поддержание высоких скоростей — дело серьезное, дорогостоящее. Поэтому его взяли под свой контроль другие. Прежде всего люди ЦРУ, которые к тому же предпочитали обходиться без лишних посредников, пусть даже самых близких Холдену Роберто.

В печати уже после окончания войны в Анголе замелькали имена сотрудников посольства США в Лондоне. Первым появилось имя помощника военного атташе США майора Джеймса Бернарда, который передал Бэнксу 280 тысяч долларов (может быть, те самые хрустящие зелененькие, которые нужно было переме-

шать). Один из служащих конторы, в которой работал Бэнкс, Л. Эспин, назвал другие имена сотрудников посольства США: Джеймса Е. Леонарда и Лэрри Каца. Они лично передали Л. Эспину деньги.

Рассматривая г-на Эспина как достаточно солидного свидетеля, А. Моклер тем не менее допускает вопрос: неужели американские дипломаты и служащие военного атташата США действовали так опрометчиво и глупо? Неужели они оставили столь явные компрометирующие их следы? Имея это в виду и предполагая, что кое-кто попытается спасти репутацию майора Бернарда, дипломатов Леонарда и Каца, автор статьи выдвигает главное обвинение, которое не оставляет никаких сомнений насчет того, что США принимали самое непосредственное участие в агрессии, включая также и финансирование наемников против Народной Республики Анголы.

Государственные деятели Соединенных Штатов, подобно официальному представителю Белого дома Уильяму Гринеру, заявляли, что «нет в США ведомства, которое бы занималось вербовкой наемников». В такой же роли, что и Гринер, выступил президент Форд. Как свидетельствовало агентство Франс Пресс, он поставил перед собой задачу убедить общественность в том, что «Соединенные Штаты не готовят иностранных наемников для Анголы; в то же время президент ...не отрицал, что правительство выделяет деньги на их подготовку».

«Президент Форд, — пишет, в свою очередь, А. Моклер, — отрицал, что Соединенные Штаты готовили наемников. Но когда его спросили, финансировали ли их Соединенные Штаты, он ответил: «Мы сотрудничали со странами, которые заинтересованы в том, чтобы дать народу Анголы возможность самим решать свою судьбу».

Вообще Форд стремился затушевать, представить в приглядной форме ту неприглядную роль, которую играли США в ангольских делах. Так, по сообщению корреспондентов Коламбиа бродкастинг сервис, глава американского государства лично принял меры против публикации доклада конгресса по вмешательству США в дела Анголы. Стало известно, что президент написал письмо Отису Пайку, председателю комитета по разведке палаты представителей, в котором, ссылаясь на «интересы национальной безопасности», просил его не

раскрывать детали доклада. Старания Форда понятны. Ведь по версии, распространенной пропагандистскими службами, утверждалось, что «США были спровоцированы действиями Советского Союза в Анголе и по этой причине пошли на вмешательство». В докладе же говорилось, что «вмешательство (терминология Франс Пресс и авторов первоисточника. — Л. К.) Советского Союза последовало за решением ЦРУ выдать 300 тысяч долларов прозападным национально-освободительным движениям в Анголе для закупки оружия».

Джордж Лекофф добавляет: «В 1975 году, — как сообщала «Нью-Йорк таймс», — Центральное разведывательное управление получило разрешение на оказание противникам МПЛА военной помощи, исчисляемой сотнями миллионов долларов: начиная с июля по *двести тысяч долларов ежемесячно* (подчеркнуто мной. — Л. К.) получал каждый националистический лидер, выступавший против Не́то, — господина Савимби и Роберто».

«300 американцев воюют в Анголе в войсках ФНЛА — УНИТА против МПЛА», — писала «Крисчен сайенс монитор». Газета сообщила также, что еще 300 человек, включая 15 южновьетнамцев (по всей вероятности, беглых, бывших защитников рухнувшего сайгонского режима), ждут отправки в Анголу. Из них около 150 человек проходят подготовку в Форт-Беннинге (штат Джорджия) под руководством ЦРУ (вспомним заявления президента Форда и других американских деятелей!).

Ссылаясь на «высшие чины», газета добавляет, что подготовлена еще одна партия наемников, которая вылетела в Африку сразу же после того, как ЦРУ определило и выделило необходимые «денежные фонды». Из «источников, близких к ЦРУ» стало также известно, что вербовщики были особенно заинтересованы в летчиках. В момент, о котором идет речь, они торопились набрать 150 пилотов и механиков. Их уже ждали вертолеты французского производства, отправленные в Анголу через ЮАР. Вооружение вертолетов — управляемые снаряды. «Крисчен сайенс монитор» отмечала, что большинство американских наемников действовали в Анголе бок о бок с войсками УНИТА и ФНЛА.

Поблизости от Кармоны в живописной долине, окруженной зелеными холмами, стояло несколько вилл.

В одну из них мы вошли буквально сразу после бегства их хозяев Джеймса Пратта и Джорджа Косста. В комнатах следы паники. Все разбросано. Недопитые бутылки с виски, игральные карты и карты военные, разбитое стекло и, наконец, книги. Среди них — история второй мировой войны, другая «Самурай». Господа Пратт и Косста, как значилось на табличках при входе, — «американские врачи». Однако, судя по оставленным бумагам (например, командировочные удостоверения, выданные им военным министерством США), эскулапы занимались не столько лечением робертовских солдат, сколько выполнением заданий ЦРУ.

Как свидетельствовали документы, двое агентов ЦРУ руководили белыми наемниками на севере Анголы. Они действовали в составе войск ФНЛА и самостоятельно, командуя наемниками, прибывшими из Соединенных Штатов.

Определенные службы используют любую возможность для того, чтобы обеспечить наемничество «свежей кровью», в том числе и «цветной кровью». Однажды в американских газетах появилось сообщение, в котором говорилось, что несколько сотен негров — ветеранов вьетнамской войны готовятся выехать в Анголу, чтобы пополнить ряды «испытывающих затруднение прозападных сил УНИТА». Об этом заявил некий Лэрри Митчел. Бывший солдат работал в госпитале неподалеку от Вашингтона и как-то, прослушав новости из Африки, почувствовал, что «труба зовет». 200 негров завербовал Л. Митчел в «личное боевое подразделение», которое называлось «Афро-американский корпус технического обучения в Анголе».

Наемникам установили твердую плату — 500 долларов в месяц на карманные расходы и 1000 долларов дополнительно ежемесячно ложилось на счета «солдат удачи». «В швейцарском банке», — уточнил Митчел. При этом, однако, главарь новой партии наемников отказался назвать источник финансирования. Было известно только, от чьего имени действовал Митчел: от имени и по поручению националистической организации — американского Конгресса за расовое равенство, который отражает интересы мелкой и средней негритянской буржуазии.

Как известно, многие представители этой социальной прослойки давно предали трудящихся цветного на-

селения США, подвергающегося расовой дискриминации и эксплуатации. Неоднократно они выступали в союзе с самыми реакционными, империалистическими силами Америки. Митчел еще раз подтвердил это. Кстати, как уже говорилось выше, нужда в наемниках с темной кожей возрастает с каждым днем. Вербуют не только американских негров.

В Западной Европе проживает много всякого рода авантюристов, отщепенцев, которые либо сами покинули Африку, либо изгнаны своими соотечественниками за связь с иностранным капиталом, уголовные преступления, взяточничество, казнокрадство, вербовку наемников, за работу на империалистические секретные службы и т. д. Оказавшись за бортом африканской жизни, они создают в эмиграции всякого рода «объединения», «комитеты», «партии», даже «правительства», жало которых направлено против независимой Африки. До какого-то времени каждое «движение» или «партия» действовали сами по себе, по программе, указанной теми, кто давал деньги на их создание и существование. Однако каких-либо ощутимых результатов работа предателей не давала. Чтобы сделать ее более эффективной, а заодно уменьшить расходы, империалисты решили объединить эмигрантский сброд. Так возникла Организация свободной Африки (ОСА). Возглавил ее некий Мулула Кауне. Он бежал из Гвинеи-Бисау, боясь, что нужно будет отвечать перед народом за преступления, которые совершил по заданию ПИДЕ.

Сначала штаб-квартира организации функционировала в Париже, но потом ее перенесли в Мадрид. Костяком ОСА стали реакционеры из Мозамбика, Мадагаскара и Анголы. Руководители ОСА изо всех сил стараются угодить хозяевам. Самое легкое и быстрое, что они могли сделать, — это состряпать тексты для радиопередач, которые тут же были «вылиты» в эфир родезийскими радиостанциями. В Африке считают, что ОСА вывела «утку», начиненную и таким весьма необычным (даже для желтой прессы редким) содержанием: Мозамбик пригласил в свои вооруженные силы офицеров ирландской секретной армии. Чтобы обеспечить националистов Родезии военными специалистами, советский КГБ провел в Лиссабоне совещание с приглашением всех заинтересованных лиц и т. д.

Вывод? Снова «дикие гуси». Только летят к «крас-

ным». «Спасайтесь! Нанимайте своих «диких гусей», не обязательно ирландского происхождения, выкладывайте наемникам побольше денег!» «Грех» оправдан присутствием ирландцев (да еще КГБ!). Старый трюк. Много раз использовали его. Еще во время борьбы с фашизмом в Испании реакционеры называли бойцов интернациональных бригад наемниками, чтобы послать туда настоящих наемников.

По своему качеству, то есть по набору лжи, клеветы, выдумок, грязных инсинуаций, программы ОСА не отличались от тех, что сочинялись расистами, например, под руководством министра иностранных дел Родезии неонациста Питера ван дер Била. Но главное назначение Организации свободной Африки в другом: она призвана вербовать и готовить «черных бестий». Кстати, г-н О'Нейл был своего рода экспертом, который утверждал кандидатуры, представлявшиеся Организацией свободной Африки. И вот в операции «Танго-эхо» участвовали африканцы, подобранные уже ОСА. По свидетельству журнала «Африк-Ази», главными кредиторами ОСА являются западноевропейские, юаровские секретные службы и, конечно же, ЦРУ.

Вербуют наемников не только в ресторанах и прачечных, не только через «общественные» организации типа американского Конгресса за расовое равенство или международной ОСА. «Крисчен сайенс монитор» обратила внимание читателей на то, что многие американские наемники в Африке, в частности, те, кто воевал в Анголе, — это солдаты «частей специального назначения, проходящие регулярную службу в США, а также в Панаме и в зоне Панамского канала». Им предоставили «неопределенный отпуск» и в качестве «свободно выразивших свою волю стать наемниками» отправили в Анголу. После «отпуска», проведенного на фронтах в Африке, уцелевшие «туристы» вернулись в свои гарнизоны, на место постоянной службы в частях регулярной армии США.

Подводя итог разговорам о якобы непричастности государств Запада к делам наемников, попыткам замести следы ЦРУ, «Крисчен сайенс монитор» ссылается на Джеймса Скотта. Бывший «зеленый берет», воевавший во Вьетнаме, ставший вербовщиком, заявил газете: во всем мире действует по меньшей мере 100 тысяч (100 тысяч!) наемников-американцев. Отсюда делается

вывод — наемное воинство пополняется за счет солдат империалистических армий. Ведь ни через какие самые роскошные пивные, самые размахровые «общественные» и «международные» организации столько «гусей» не соберешь.

В некоторых странах под давлением общественности попытались было принять меры против вербовки. Так, депутат бельгийского парламента социалист Эрнест Глинэр, бывший министр труда, в начале 1977 года задал в парламенте вопрос, знает ли правительство о том, что происходит вербовка бельгийцев в родезийскую армию. При этом он подчеркнул, что вербовкой занимаются деятели крайне правых организаций и наемники-ветераны.

В печать проникли конкретные факты. Франс Пресс: группа из 96 наемников, включая 85 английских, вылетела 28 января из Брюсселя в Киншасу чартерным рейсом бельгийской авиакомпании «Сабена» (кстати, «Сабена», если вспомнить недавнее прошлое, не обращая никакого внимания на общественное мнение, помогала наемникам Чомбе, участвовала фактически в боевых операциях бельгийской армии во время ее агрессии против молодой республики. — Л. К.). Бельгийские жандармы перед вылетом тщательно проверяли пассажиров самолета. Нет, не для того, чтобы высадить наемников, а убедиться, нет ли среди них бельгийцев (это уже на случай, если будут протесты общественности или кто-то еще выступит в парламенте с запросом). Бельгийцев «не обнаружили», хотя юаровская официальная пресса не без радости и гордости сообщила, что среди «диких гусей» немало граждан Бельгии. Хорошо же «проверяли» жандармы!

Если бельгийское правительство не дало сколько-нибудь определенного ответа на запрос депутата (что, в общем, никого не удивило), то английское выразило свое отношение к «диким гусям» совершенно четко. Когда ангольский народный революционный суд вынес приговор группе наемников, в Великобритании была создана комиссия по вопросам безопасности. В итоге напряженной работы комиссия черным по белому записала: «...мешать подданному Соединенного королевства поступать на службу в качестве наемника за границей — значит посягать на его личную свободу».

Так буржуазная демократия, буржуазные свободы помогают совершать преступления и оправдывать тех, кто их совершает.

Нынешние британские цивилизованные законодатели выглядят сущими варварами даже по сравнению с теми, кто носил судейскую мантию сто лет назад и не знал таких слов, как «свободный мир», «свобода личности». А как раз в 1870 году на Британских островах был принят закон, который запрещал английскому флоту перевозку пассажиров, имевших намерение воевать за границей за определенную плату. Тогдашние политические деятели хотя бы делали вид, что осуждают наемничество. Сегодняшние даже вида не делают. Напротив, открыто поддерживают, более того, укрепляют институт наемничества. А как же закон, не потерявший силы до наших дней? Его обходят, на удивление, легко и очень просто: наемников вывозят из Лондона не на кораблях, а на самолетах!

Итак, буржуазное общество совсем не противится формированию наемных банд. Напротив, поощряет его. Более того, создает все новые и новые органы, которые сбивают в стан «диких гусей».

Наемник идет к преступлениям самой кривой, с точки зрения морали, этики, совести, дорогой. Если пройти ее в обратном направлении, то куда, к кому она выведет?

Я приехал на юг Судана в то время, когда там промышлял со своим отрядом Рольф Штайнер, посланный на подмогу сепаратистам.

Полковник Хасан, командовавший военным округом, центр которого находился в городе Вау, предложил мне поехать в те районы, где действовали мятежники. Нас сопровождали взвод солдат, три бронетранспортера. Из соображений безопасности мы выехали рано утром — как правило, сепаратисты днем не вели боевых действий. За городком Мборо мы остановились у небольшого поста. Здесь несколько дней происходили стычки. Солдаты регулярной суданской армии захватили немало оружия и боеприпасов. Любой музей, собирающий оружие иностранных армий, мог бы позавидовать трофеям полковника Хасана — эсэсовские кинжалы с надписью «Германия превыше всего», базуки, израильские автоматы, «парабеллумы» и «кольты», огнеметы и станковые пулеметы. Откуда все это? Кто при-

слал сюда, в эту африканскую глушь, такое количество (только взятого в качестве трофея!) оружия?

Газета «Юманите» в одной из своих публикаций убедительно доказала, что преступления наемников не только их собственные преступления. Список обвиняемых в каждом случае гораздо шире. Наемничество — это всего лишь одно проявление глобальной политики реакции. Оно является частью действий империализма, находится во взаимосвязи с этими действиями, а нередко ими обусловлено его развитие. Не последнюю роль играют здесь производители и торговцы оружием. Поэтому на скамью подсудимых вместе с наемниками должны сесть прежде всего так называемые «подпольные торговцы смертью».

Буржуазная пресса восхищенно называет их «авантюристами крупных масштабов», «дерзкими и смелыми бизнесменами», то есть таким образом представляя в не менее привлекательном, чем наемников, свете. Даже набор эпитетов тот же: «смельчаки-одиночки», «рыцари за опасным прилавком» и т. д. Таковыми постоянно награждают Сэмюэля Каммингса, главу компании «Интерармко».

На его родине, в Соединенных Штатах, появляются небольшие юмористические объявления вроде: «Не хотите ли приобрести танк «тигр», лишь недолго участвовавший в боях в Нормандии или во время битвы при Эль-Аламейне? Компании «Интерармко» доставит удовольствие удовлетворить вашу просьбу. За 19 миллионов долларов вы можете приобрести современную подводную лодку, оснащенную для плавания в океане. Мы предоставим ее вам вместе с красными фуфайками для экипажа и моноклем для вас лично».

Каммингс (для видимости, конечно) возмущен подобными, как он говорит, «стори», то есть художественными заметками, он и его компания «Интерармко», подчеркивает бизнесмен, продают лишь легкое оружие, наиболее знаменитой разновидностью которого останется, бесспорно, карабин «каркано», из которого был убит Джон Кеннеди.

Сдержанные, даже скромные заявления Каммингс перемежает хвастливыми и самодовольно-наглыми. Так, однажды он сказал, уже не опуская очи долу: «Я могу вооружить сорок дивизий за 24 часа».

Этот человек, рисуют портрет Каммингса поклонни-

ки «опасного бизнеса», не прикасается к алкоголю, не курит, ведет скромный образ жизни. А торгует оружием чуть ли не из любви к искусству, чуть ли не потому, что в детстве играл пушечками и стрелами. В совсем юном возрасте он мог с завязанными глазами разобрать и собрать пистолет. Теперь же торгует пистолетами на четырех континентах. И ничего зазорного в этом не видит. Так же как не считает зазорным свой бизнес (слово в слово повторяется сказанное о наемниках — «одни пекари, другие солдаты») владелец табачной фабрики, производящей сигареты, или предприятия бодрящих напитков, выбрасывающего на рынок виски. «Точно так же, как люди едят, — рассуждает Каммингс, — они постоянно стреляют». Должен же кто-то продавать сигареты, виски, пистолеты. Каммингс продает оружие. Своих клиентов он иногда называет «коллекционерами».

В интервью Маруцио Кьерачи из миланского журнала «Сториа иллиустрати» Каммингс заявил:

«Я, по вашим словам, один из тех, кто торгует войной. Послушайте, я никогда в жизни даже не видел, как выглядит война. И из-за того простого обстоятельства, что я торгую винтовками, я вовсе не чувствую себя ответственным за какое-то злодеяние. Нет, я не ощущаю ни моральных укоров, ни чувства вины. Само по себе оружие не может быть плохим или хорошим. Это неодушевленный предмет, который намерения человека может превратить в орудие приумножения добра или причинения зла. Танк, пушка, самолет или помогают защищать отечество от агрессии, или служат ниспровержению тирана. Но они же становятся инструментом репрессий и террора».

Сказано красиво и на первый взгляд убедительно.

Только почему-то никогда Каммингс не поставлял оружие бойцам МПЛА или алжирским патриотам. Так же как среди наемников никогда не встретишь людей прогрессивных, левых убеждений, так и среди торговцев оружием нет ни одного человека, который бы способствовал революционным преобразованиям, помогал национально-освободительным движениям. Оружие Каммингса всегда было инструментом вражды, раздоров, репрессий и террора.

Если ограничиться рассказом только о Каммингсе, то портрет торговца оружием был бы не совсем закон-

ченным. Ведь представители опасного бизнеса отличаются друг от друга, дополняют друг друга. Вот Мишель де Бурбон. Принц и одновременно граф де Ипамена-Морейра, потомок короля Карла IV. Аристократ, однако довольно часто менял роскошную спальню своего особняка в одном из самых аристократических районов Парижа (бульвар Осман) на казарму. С явным удовольствием он вспоминает об алжирском этапе своей солдатской карьеры, когда особенно бурно играла «голубая кровь» и автомат бил без промаха по «мятежным алжирцам». С возрастом кровь не угомонилась. Но энергия искала более широкого, чем стрельба из автомата, выхода. Потомок Карла IV пришел к выводу, что любимым делом можно заниматься и не в казарме, а в своей семейной комфортабельной резиденции. Де Бурбон стал бизнесменом. Он очень гордится собой. В интервью газетам и журналам торговец оружием всячески хочет доказать, что в общем и целом он и его дело находятся на легальном положении, и при этом козыряет прежде всего тем, что сотрудничает с компанией военного снаряжения Франции, 25 процентов капитала которой принадлежит государству. Остальная часть таким респектабельным промышленно-финансовым группам, как «Крезо—Луар», «Люшар», «Панар—Левассор», «Томсон — Брандт», «Сниас».

Вряд ли в правительственных кругах одобрительно относятся к стремлению принца придать своим операциям характер чуть ли не официальный, санкционированный государственными органами. Де Бурбона, однако, не смущает как отсутствие публичного признания его деятельности, так и случаи, когда государственные и политические деятели отрицают существование каких-либо связей с ним. Он предлагает пропускать мимо ушей подобные заявления и доказывает, что у него есть «крыша». Притом надежная. Торговцам оружием «из-под полы» даже при режиме «наибольшего благопритствования», рассуждает о себе де Бурбон как бы со стороны, необходимо пройти определенные формальности. Оказывается, у принца-графа они практически никогда не вызвали затруднений, и он легко получал «специальные разрешения», которые, не без гордости заметил де Бурбон, «выдаются властями исключительно лицам, пользующимся поддержкой политических и промышленных кругов». Ну а потом? Неужели солид-

ный бизнесмен действует по своему усмотрению и продает базуки кому угодно, как бармен подносит стакан любому, кто кинет на стойку деньги? Ничего подобного! Прежде всего напомним, приводит свой главный аргумент де Бурбон, ставя при этом точку, что «посредник (в данном случае сам принц. — Л. К.) всегда связан с так называемыми специальными службами».

Ну а как же Каммингс? Естественно, он связан со специальными службами. Но в отличие от принца не косвенно, а прямо. Каммингс долгое время служил в Центральном разведывательном управлении США и, как резонно предполагает Маруцио Кьерачи, разрыв с ЦРУ был всего лишь известной игрой с «уходом в отставку». Разрыва не произошло. Наоборот, торговец оружием постоянно расширяет географию своих действий. Когда ему стало тесно в рамках ЦРУ, он наладил связи с западноевропейскими секретными службами.

«Юманите диманш» в одной из статей познакомила читателя со своего рода «правилами игры», которыми руководствуются торговцы оружием как из простолюдинов, так и из принцев. Сначала официально, нередко даже устами высокопоставленных чиновников вообще опровергается сам факт незаконной поставки оружия.

После подобных заявлений, как замечалось неоднократно, оружие идет особенно широким потоком. Пример — Биафра. Когда по требованию мировой общественности был поставлен вопрос: «Кто помогает сепаратистам?», премьер-министр Франции г-н Дебре заявил, что никакого оружия полковнику Оджукву его страна не поставляет. Он говорил правду. Но в этот же период большие партии оружия поставлялись Берегу Слоновой Кости и Габону. А затем, утверждают французские журналисты, большую его часть, уже неофициально, переправляли в Биафру. Операцию на заключительном этапе осуществляла брюссельская компания «Сидум интернасьональ»: 25—30 тонн легкого оружия отправлялось каждую ночь из аэропортов Либревилья и Абиджана самолетами ДС-3 и ДС-4, на которых не было никаких опознавательных знаков.

Самая главная цель «торговцев смертью» — прибыль, нажива. После того как прогремел последний

выстрел второй мировой войны, оружие не отвезли в доменные печи на переплавку. Не остановились заводы, производящие винтовки, автоматы, пушки. Их сбыт продолжал оставаться бизнесом. Только Соединенные Штаты продали за границей огнестрельного товара на 100 миллиардов долларов. В настоящее время американские концерны получают от экспорта оружия 13 миллиардов долларов в год. Если говорить о процентах прибылей, то они растут одинаково быстро почти у всех торговцев, клиентами которых являются законные и «незаконные» армии. Первую партию винтовок (7 тысяч штук) для Африки Каммингс закупил у панамской полиции за 25 тысяч долларов. С африканского покупателя он взял 50 тысяч. Сэм Каммингс, по словам «Юманите диманш», быстро «прибрал к рукам 75—80 процентов частного рынка «случайного» оружия» (по всей вероятности, речь идет об американской части рынка. — Л. К.), оставив остальное другим своим коллегам, а точнее, главным конкурентам — Митчеллу, Ливингстону и бывшему германскому парашютисту Герхарду Георгу Мертенсу.

О современных операциях владелец «Интерармко» заявил: «Оборот фирмы (по некоторым данным, 20 миллионов долларов. — Л. К.) соответствует приблизительно объему продажи крупного промышленного предприятия «Альфа-Ромео» (европейский автомобильный концерн, один из самых конкурентоспособных среди своих могущественных капиталистических собратьев. — Л. К.). Но в отличие от автомобилестроения моя коммерция не знает кризисов».

Принц Мишель де Бурбон на вопрос о прибылях ответить отказался. Но многозначительно добавил, что ему «приходится ежегодно выкладывать 450 тысяч французских франков подоходного налога». Можно представить, какие барыши получает торговец. Поэтому-то в числе сторонников гонки вооружений, разжигания военных конфликтов законные и «незаконные» торговцы оружием занимают весьма определенные и активные позиции. Они исходят из формулы: чем больше выбрасывается в мир оружия, тем больше военных конфликтов, тем больше прибылей. В силу указывавшихся выше причин Африка представляется особенно перспективным рынком. «Правильность» выбора подтвердили события в Заире, Судане, Сомали, Эфиопии, Ливане, Анголе

и т. д. Нажившись на них, торговцы оружием мечтают о новых африканских вспышках.

Барыши, однако, не единственный двигательный мотив. Погоня за прибылями может объяснить действия, которые попадают под категорию «стяжательство», «накопительство», «жадность» и другие. А ведь самый скупой рыцарь довольно часто становится удивительно щедрым. Какая же сила заставляет его уходить из-под власти своей натуры? Антикоммунизм, ненависть к рабочему классу, к трудящимся, к угнетенным бывших колоний. Эта ненависть заставляет торговца смертью открывать кошелек, он готов пойти на убытки, чтобы поддержать диктатора, реакционера, марionетку, которые защищают интересы иностранного капитала.

Империалистические силы используют оружие, торговлю им для решения военно-политических задач, для сохранения или установления угодных Западу режимов и группировок, правительств и систем, поддержки проимпериалистических слоев и отдельных групп. Торговцы оружием — это своего рода эшелон, который в зависимости от характера операции идет перед наемниками или вслед за ними.

В РУЛЕТКУ СО СМЕРТЬЮ

...Лиссабонский аэропорт. В дальнем его углу — скрытый от глаз огромный «суперконстелейшн». На фюзеляже — опознавательный знак «5-Т-Т.А.К.». Пройдет несколько дней, на месте этих цифр выведут новые — таково правило конспирации. Грузят ящики с оружием.

Пилот Лэрри Рааб и его напарник прохаживаются у машины. Все готово — оружие в багажном отделении. Лэрри и напарник садятся за штурвалы. Заходит человек в парусиновых брюках и цветастой рубашке. Это Уортон по кличке Моток. Он видит, что Рааб, хоть и летит по маршруту в пятидесятый раз, сегодня что-то

первичнает. Шеф советует лететь кружным путем, через Камерун, и желает счастливого пути.

— Моток уже стал миллионером?

— Еще нет, — ответил Лэрри Рааб, — но станет.

Может, и станет. Как раз перед вылетом «суперконстелейшна» Уортон получил от представителей мятежной Биафры 25 тысяч долларов — сверхгонорар за перевозку оружия, «советников», наемников.

Весной 1966 года американская пресса сообщала, что владельцы американских оружейных складов под руководством Центрального разведывательного управления США снабжали военной техникой португальские колониальные войска. Делалось это тайно, так как Со-единенным Штатам не хотелось ссориться с молодыми африканскими государствами. Они даже иногда публично порицали тогдашних лиссабонских правителей за их «безответственный курс». США, прямо заявил летчик Хоуке, один из участников этой контрабандной операции, не хотели предавать гласности свои связи с Португалией колонизаторов. Они опасались, что в ООН их обвинят в помощи тем, кто расправляется с восставшими африканцами.

Хоуке и компании не повезло — их арестовали. Конечно, временно. Бывший пилот королевских военно-воздушных сил работал в компании с австралийцем «блондином Грегори Бордом», который «носил усы как кинозвезда». Третий в этой компании усов хотя и не носил, но, по словам «Ньюсуик», был «настоящим французским кавалером с внешностью военного». Еще бы! Ведь Анри Мари Франсуа де Монмарэн был «из благородных». Однако своим графским титулом он не дорожил и посчитал выгоднее обменять его на американское гражданство.

Бывший граф был знаменит тем, что имел весьма широкие международные связи в сфере торговли оружием (видно, среди титулованных особ во Франции стало модным заниматься куплей-продажей базук и танков). Троица летала от Аризоны до Лиссабона, от Нью-Йорка до Анголы и Мозамбика. Деньги они получали из швейцарских банков. Самолеты покупали у канадской фирмы, расположенной в Аризоне (официально), а перегоняли (неофициально, чтобы не ставить под удар общественного мнения госдепартамент) в Португалию. Однажды у самолета Хоуке что-то стряслось с

мотором, и он, сокращая путь до посадки, пролетел над Белым домом и Капитолием. В аэропорту его было арестовали. Но он произнес два магических слова: «Воробей — монарх», и Хоуке отпустили. Однако в другой раз этот пароль не уберег от ареста. Сэм Хоуке считает: арестовавшие просто-напросто не знали, что имеют дело с агентом ЦРУ, или, как пишет «Ньюсуик», со «специально используемым пилотом ЦРУ, который уже тайно перегнал в Португалию семь бомбардировщиков». При аресте Хоуке сгоряча и от обиды выложил правду, заключающуюся в том, что США помогали фашистской Португалии, оснащали ее колониальные войска. Однако откровения пилота не получили гласности, и союзники португальского колониализма в США продолжали действовать через наемников — агентов ЦРУ.

...Уортон надеялся, что он будет поудачливее Хоуке. В Африке он уже давно. Недаром его называли «счастливым»: из большинства переделок — а их было немало — он выходил «сухим». Из критических ситуаций всегда помогали выйти покровители, и Моток катился дальше. Его очередным бизнесом стала Биафра. Сам Уортон называл себя «любителем приключений», «идеалистом, научившимся играть в рулетку со смертью».

Однако, по свидетельству журнала «Ньюсуик», этот «идеалист» за каждый перелет в Биафру брал по 12 и более тысяч долларов. Тогда, когда еще бушевала в Нигерии междоусобная война, трудно было выяснить, откуда сепаратисты получали деньги. Позднее выяснилось, что наемников, в том числе и Уортона, субсидировали денежные тузы западных держав.

Итак, Уортон — «счастливец», «идеалист» и «любитель приключений». Были у него и другие клички. Механики и летчики называли его «пиратом», а один из соперников сказал: «Это бессовестный, неразборчивый в средствах тип, который, не задумываясь, может всадить вам в спину нож». Генри Уортон, владелец компании «Норт Америкэн Трейдинг корпорейшн» со штаб-квартирой в Майами, был связан «деловыми» узами с любимцем Гитлера Отто Скорцени, вице-президентом другой компании, — «Ю. С. Эйр», также управляемой из Майами и также занимающейся Африкой. На какие только дела не фрахтовали ее самолеты! Они

перевозили паломников в Мекку, участвовали в операциях в бывшем Бельгийском Конго. Потом другой бизнес — Биафра. Президент компании Люсьен Пиккет говорил о своем заместителе: «Я горжусь Отто Скорцени. Его опыт и величайшие оперативные способности должны обеспечить нам преимущество в этом основном (Л. Пиккет имел в виду Биафру. — Л. К.) мероприятии».

Отто Скорцени спас (пусть на время, но это уже не его дело) Муссолини. На сей раз он, не сумев «обеспечить» обещанного «преимущества», хотел спасти хотя бы Оджукву. Так как «человек со шрамом» в рассматриваемый период распорядился не «фокке-вульфами» и «мессершмиттами», а американскими «суперконстеллейшнами», то вполне естественно, за главарем сепаратистов был послан «суперконстеллейшн». На фюзеляже отсутствовал номер «5-Т-Т.А.К», но за штурвалами сидели люди Уортона. Моток всегда четко выполнял приказы «человека со шрамом».

Белый «мерседес-бенц» (если уж не «мессершмитт», то хотя бы автомобиль «свой») на огромной скорости пересек летное поле и, резко качнувшись, остановился у самолета. Группа людей поднялась по трапу. Хлопнула дверь, «суперконстеллейшн», разбежавшись на взлетной полосе аэропорта города Ули, взмыл в небо. Он уносил, как писали тогда газеты, в «неизвестном направлении» генерала Оджукву, его семью, трех ближайших помощников и белый «мерседес».

Сепаратисты, ставившие перед собой целью отделение одной из провинций Нигерии, Биафры, проиграли последнее сражение. Закончилась война. Она была одной из самых жестоких, самых кровопролитных не только в Нигерии, но и в Африке. Журнал «Тайм» писал: «К концу войны около 2 миллионов, среди которых много детей, расстались с жизнью. Огромное количество медленно и жестоко погибло от голода. Другие жители Биафры, около 1 миллиона 250 тысяч, превратившись от отсутствия пищи в скелеты, умрут до того, как придет помощь».

Война в Биафре носила затяжной, разрушительный характер во многом по вине наемников. Особенно «отличился» Рольф Штайнер.

Биография супернаемника известна. Он вырос в Германии под звуки фашистских маршей. В 1945 году, не-

смотря на то, что фюрер проигрывал войну, Штайнер оставался верен своему кумиру и вступил в гитлерюгенд. Как истинному арийцу ему выдали оружие, чтобы сражаться с коммунистами. После того как у юного гитлеровца выбили оружие и, считая его незрелым и несмышленным, отпустили, Рольф Штайнер какое-то время вел себя тихо. Однако недолго. Нашлись учителя, которые возродили в выкорышке гитлерюгенда прежний дух. Рольф снова берется за оружие. Уже в 1950 году он вступает во Французский иностранный легион, верой и правдой служит новым хозяевам, помогая им сохранить империю вместе с ее колониальными порядками. Он участвует практически во всех грязных войнах, которые ведет империализм после 1945 года, ибо видит в них продолжение миссии, возложенной на него еще Гитлером, а именно — спасение мира от коммунистической угрозы.

Легионер Штайнер воюет в Индокитае. Затем доброволец Штайнер просится в Корею и там со стороны американских офицеров удостоивается похвал за хорошую «работу».

После Кореи снова Индокитай. Лестные характеристики, привезенные от американского командования, опыт, преданность делу (защита колониализма), хладнокровие, то есть жестокость, очаровали французских офицеров, и его рекомендуют в элиту колониальных войск — в специальные подразделения командос, задача которых заключалась в проведении «антипартизанских», а точнее карательных, операций, в распространении слухов, организации беспорядков, проведении террористических актов, убийстве патриотов на территории освобожденных районов Вьетнама. Штайнер старался. Сотни невинных жертв, трупы патриотов выстилали Штайнеру дорогу в тот «рай», к которому он стремился со времен Гитлера.

Из Индокитая его посылают в Алжир, и не просто как солдата (вот тут и начинается для него его «рай»), а в качестве солдата 1-го иностранного полка парашютистов, который занимался «усмирением». Позднее Штайнера зачисляют в подразделение французских вооруженных сил, участвовавших в тройственной агрессии против Египта в 1956 году. После этого снова на Алжир, снова операции по «усмирению» населения. И конечно же, он принимает участие в мятеже французских гене-

ралов 1958 года. Говорят, что один из руководителей путча, генерал Массю, лично отбирал тех, кто должен был осуществлять планы мятежников. Среди отобранных Рольф Штайнер. Мятеж не удался. Генералов, связанных с его организацией, убирают с политической арены. Но такие «пешки», как Штайнер, остаются. Те же силы двигают ими, пусть временно и из-за кулис. Ведь сторонники проведения наступательной, своего рода реваншистской политики по отношению к народам Африки, то есть представители монополистических кругов, остались. И им нужны штайнеры.

«В 1961 году, — писала «Юманите», комментируя рассказ самого Рольфа Штайнера, — его зачисляют в ряды французской армии в подразделение командос, которые выполняли наиболее «ответственные» задания... В засекреченном учебном центре он прошел подготовку и стал специалистом по проведению «скрытых операций», которые всегда сопровождают действия империализма».

Если бы «свободный» мир был действительно свободным и гуманным, если бы он действительно осуждал наемников, то Штайнер давно бы уже сидел за решеткой. Воспитанник гитлерюгенда, он совершил достаточно много преступлений еще до вступления в иностранный легион, тем более до вступления во французскую регулярную армию. А его поощряли, пестовали, заботились о нем. Почему?

«В июле 1967 года, — вспоминает Штайнер. — Фольке вызвал меня в Париж, чтобы поговорить в гостинице рядом с церковью святого Августина (место наших тайных встреч). Я не могу вспомнить названия гостиницы. Но за Фольке там был закреплен постоянный номер. Он потребовал, чтобы я оставил командный пост, так как хотел направить меня в Би-афру».

Прежде всего кто такой Фольке? Во время войны в Алжире он вступил в тайную террористическую организацию ОАС и так старался, что скоро его сделали главарем группы палачей, которые пытали людей на печально прославившейся вилле Сусини. В октябре 1961 года Фольке отправляется в Катангу, получает там чин полковника катангской армии и назначается на должность военного советника Чомбе. Это было время, когда в самой Франции усиливается нажим на прави-

тельство определенных кругов, требовавших официально поддержать Катангу. Как тут не усомниться в том, что Фольке и ему подобные (на это обратила внимание «Юманите») являются «солдатами-одиночками», действуют на свой «страх и риск», самостоятельно? Фольке организует ударные группы, которые действуют за линией фронта с целью вызвать волнение конголезцев, не поддержавших Катангу. Точно такую же миссию он решил поручить Штайнеру, но уже в Биафре.

Штайнер не подвел Фольке. Он немало сделал для поддержания пламени кровопролитной войны. После Биафры был Йемен, где Фольке и Штайнер в числе французских и британских наемников выступали на стороне монархических сил. Рассказывая о сотрудничестве двух наемников, газета «Юманите» приводит отрывок из интервью, которое взял у Штайнера киножурналист Эрве 7 сентября 1971 года:

«Журналист. В деле о Биафре, а также о Конго и Алжире я встречал лиц, которые чаще всего называли имя полковника Фольке...

Штайнер. Да, конечно.

Журналист. Я думаю, он также был и в Йемене.

Штайнер. Да, конечно, но вам следует обратиться к Фоккару.

Журналист. Он человек Фоккара?

Штайнер. По-видимому...»

Здесь, как говорят, надо сказать: «Стоп! Кадр!» Названо имя Фоккара. Но прежде чем посмотреть, что за «кадром», послушаем «Юманите»: «Одно время Фольке находился в Анголе. Затем ему приказали заняться Биафрой». «Фольке приехал в Биафру в июне 1967 года, — рассказывал Штайнер, — с заданием изучить возможности и средства для оказания Оджукву помощи. Фольке обсуждал с начальником португальских разведывательных служб одну из линий коммуникаций, проложенных с учетом использования португальского острова Сан-Томе. Учитывая реакцию общественного мнения, они не хотели, чтобы продолжалось оказание помощи через две африканские страны, находившиеся под влиянием Франции, — Габон и Берег Слоновой Кости».

Итак, Фольке — человек Фоккара. Это говорит уже о многом.

«СЕРЫЙ КАРДИНАЛ»

— Достаточно рассказать хотя бы одну операцию, проведенную Фоккаром, чтобы затмить славу Мата Хари, — сказал мне американский журналист, когда в даркарском аэропорту мы ждали бывшего секретаря по делам сообщества и по африканским и малагасийским делам.

Такая характеристика была несколько необычной и неожиданной. Назначенный на этот пост в мае 1961 года 48-летний Фоккар сразу же выдвинулся в число тех, кто формирует и определяет политику Франции по отношению к «заморским территориям». Это был для бывшей метрополии критический, переломный период — начался процесс освобождения Африки.

Он разрушал не только старые порядки в колониях. В метрополии он заставлял пересмотреть формы отношений, которые складывались на принципах безусловного и безропотного подчинения «африканских окраин» «европейскому центру». Вот почему на авансцену политической жизни выдвинулись люди, которые, исходя из неизбежности деколонизации, считали необходимым если не приостановить этот процесс, то хотя бы направить его в безопасное русло, подготовить почву для будущих действий, цель которых «восстановить» (естественно, в новых формах) статус-кво.

Фоккар — один из людей новой формации, а точнее, сторонник новых методов. Пост генерального секретаря ему доверили не случайно. Он, правда, с помощью журналистов распространил версию о том, что стал африканистом, во-первых, потому, что являлся сторонником де Голля и вместе с ним ездил по Африке, а во-вторых, потому, что в его жилах течет негритянская кровь. «Моя мать была метиской, и я родился в Гваделупе», — говорит он. Но не мама и не путешествия сыграли главную роль.

Газета «Монд» отмечала, что Фоккар с давних пор принадлежал к небольшой руководящей группе политических деятелей, которые, судя по их заявлениям, от-

казались от твердолобой политики во что бы то ни стало сохранить французский флаг над Африкой, являлись сторонниками более гибкой политики, дающей возможность создать и пустить в ход механизм с тайными пружинами, предназначенный для того, чтобы быть своеобразным амортизатором для «французского колониального вагона», более того, пролагать для него новые рельсы.

Одной из главных фигур за «пружинами» становится Фоккар. «Монд» при этом отмечает, что он «обеспечивал связь главы государства с разведывательными органами». В правящих кругах авторитет его был высок. Агентство Франс Пресс по всему свету распространило слова одного из французских премьеров: «Господин Фоккар оказал Франции выдающиеся услуги. Все независимые государства в Африке считают его опекуном политики Франции в отношении их. Это безукоризненный человек».

...Он стоит, опустив руки в карман пиджака, чтобы достать посадочный талон пассажира первого класса. Четверо в штатском внимательно следят за каждым его движением, и вот уж один готов взять из рук Фоккара длинную красенькую картонку. Вспомнилось заявление американского «Ньюсуик»: «Фоккар — это комбинация мастера шпионажа и опекуна». При этом журнал добавляет: «Сообщают, что Фоккар организовал полдюжины государственных переворотов в различных африканских странах».

Когда журналисты, собравшиеся в аэропорту, спросили об этом Фоккара, он медленно опустил в кармашек посадочный талон и заявил: «Я не являюсь организатором государственных переворотов в Африке». Сенегальская газета «Солей» вынесла этот ответ в заголовок к репортажу об отъезде Жака Фоккара из Даккара. Но поверили ли африканцы политическому деятелю, осуществлявшему связь с разведкой?

Прежде всего на размышления наводят те сведения из биографии Фоккара, зная которые люди начинают понимать, почему «опекуна» называют также «серым кардиналом». Фоккар являлся одним из руководителей «Службы гражданского действия» (САК), которая замешана во многих неблагоприятных акциях, направленных против левых партий. Как пишет лондонский журнал «Африка», в дальнейшем «САК стала использовать»

ся для проникновения в государственный аппарат (Франции. — Л. К.) и осуществления контроля над ним».

Далее журнал приводит факты: в годы вооруженной борьбы алжирского народа за независимость САК открыла тайную войну против Фронта национального освобождения: организовывала засылку в ряды ФНО лазутчиков, провокаторов.

В 1959 году, после того как Гвинея, заявив «нет» референдуму, отвергла предложенный проект создания неокOLONиалистского общества, секретные службы разработали план свержения правительства Секу Туре. «Известный под названием «план Олби», — пишет «Африка», — предусматривал подготовку вторжения в страну гвинейцев, ранее служивших во французских колониальных войсках».

Другие факты по другим странам:

Конго (ныне Заир. — Л. К.): французам удалось внедрить доверенного агента в окружение конголезского премьер-министра Сирила Адулы (его правительство было сформировано в июле 1961 года. — Л. К.). Во главе секретной службы Адулы встал человек Фоккара.

Нигерия: агенты тайной сети Фоккара выполняли в Биафре одну главную задачу — обеспечить контроль французских компаний над ее нефтяными ресурсами.

«Африка» наконец пишет в заключение:

«После избрания в 1974 году президентом Франции Жискара д'Эстэна Фоккар впал в немилость. Но, несмотря на то, что он не занимает никаких официальных должностей, сотрудники созданной им в Африке агентурной сети продолжают действовать».

Вот что представляет собой «серый кардинал».

КАРЬЕРА ЛЮБИТЕЛЯ ПОМИДОРОВ

Июнь 1967 года... Вовсю разворачивается биафрская авантюра. Личные амбиции Оджукву, стремление реакционных элементов Биафры и части местной буржуазии

получить бoльшие возможности для расширения прямых связей с западным капиталом совпали со стремлением империалистических сил расколоть такую большую африканскую страну, как Нигерия, ослабить ее, нейтрализовать силы, выступавшие за независимое развитие. При этом французские и американские монополии рассчитывали потеснить англичан, чтобы обеспечить позиции для своей экономической и политической экспансии.

Союзниками Оджукву поэтому стали американцы, действовавшие через ЦРУ, французы, израильтяне и португальцы. Последние, конечно же, мечтали ослабить антиимпериалистические силы Африки, с тем чтобы лишить национально-освободительные движения: МПЛА, ПАИГК, ФРЕЛИМО — дополнительной поддержки.

Французский империализм стремился занять руководящую и координирующую роль. Послушайте, что рассказывает Р. Штайнер: «Вместе с Фольке я вылетел в Лиссабон. Там шеф португальских разведывательных служб оказал нам теплый прием. В тот же вечер мы сели на португальский самолет и вылетели в Луанду, в Анголу, где мы пробыли два дня в качестве гостей местных чинов разведывательных служб.. Из Анголы мы отправились на Сан-Томе, затем прибыли в штабквартиру Оджукву!»

Миссия Штайнера при этом заключалась в выяснении возможностей для создания из солдат Оджукву формирований особого назначения, то есть диверсионных, они должны были проводить подрывные операции на территориях, население которых оставалось верным Лагосу.. Фольке же занимался другими вопросами: авиация, телесвязь, их обеспечение и т. д. Первый раз Штайнер пробыл в Биафре несколько недель. За это время он постарался создать те самые подразделения «особого назначения», чтобы, по его словам, «перерезать линии снабжения продовольствием и боеприпасами противника» (правительственных войск Нигерии. — Л. К.). «Необходимо, чтобы эти подразделения были обеспечены кадрами французских экспертов», — добавил он.

Оджукву одобрил эти планы, а Штайнер скоро возвратился во Францию, чтобы доложить о проделанной работе и получить новые инструкции. В ноябре наем-

ник снова в Биафре. К этому времени Фольке установил с Оджукву не только прямую связь по телексу, но и организовал регулярную переброску оружия из Лиссабона. О том, как она осуществлялась и кто возил оружие, рассказывалось выше. Несмотря на щедрую помощь заинтересованных кругов, дела сепаратистов шли все хуже и хуже. Штайнер старался спасти положение. Он посоветовал бросить все силы на оборону дорог, ведущих в Енугу.

Оджукву увидел в Штайнере не только превосходного наемника, но и стратега. Поэтому он предложил ему должность «личного советника». При этом, правда, посчитал нелишним добавить, что «за вознаграждением дело не станет».

Соблазн, конечно, велик. Но принять предложение — значит уйти из французской армии. Штайнер отправляется в Париж, чтобы подготовить почву для получения разрешения на отставку. Фольке прежде всего одобрил анализ военного положения в Нигерии, сделанного Штайнером, а затем приказал ему немедленно вернуться в Биафру во главе группы из пяти французских военнослужащих. Они должны были подготовить условия для получения новой большой партии оружия. «А еще, — добавил Штайнер, — он (Фольке) хотел, чтобы я сформировал группу наемников, которая бы работала непосредственно с Оджукву». Тогда-то Штайнер «потребовал увольнения из французской армии, чтобы присоединиться к Оджукву. Фольке согласился».

Как все легко получилось! Не будет ошибкой, если предположить, что весь этот спектакль с увольнением из французской армии и переходом на хлеба вольного наемника был разыгран по заранее продуманному сценарию. Дело в том, что под давлением общественного мнения французские политические деятели делали вид, будто отмежевываются от сепаратистов. Одновременно наблюдается сокращение официальной помощи. Но она тут же компенсировалась усилением действий наемников. Нередко отозванные военные специалисты чуть ли не в аэропорту передевались в униформу наемников и снова отправлялись в Биафру.

Вот почему офицер французской армии Штайнер легко получил увольнение и вновь стал «диким гусем» в чистом виде.

Подчиненный Фоккара приобрел огромную власть. Он стал правой «белой» рукой Оджукву. «Мой сейф, — хвастался Штайнер, — был всегда набит деньгами...» Слишком много деятелей в Западной Европе и США, от политиков до военных, хотели продолжения войны в Биафре.

Действия Штайнера направлялись целеустремленно. Прежде всего он занялся организацией и проведением наступления на юг, чтобы, во-первых, выйти к океану, а во-вторых, и это главное, захватить нефтяные месторождения. Успех операции мог, по расчетам его авторов, вызвать в Лагосе переворот или, по крайней мере, заставить западные компании, которые сотрудничали с нигерийским режимом, в частности могущественную «Шелл», сократить помощь Лагосу.

Для ведения военных действий требовались и деньги, и увеличение числа наемников, и дополнительная техника. В желающих оказать содействие недостатка не было. Из Западной Европы обильно поступала военная техника вплоть до таких «мелочей», как военные катера типа «Зодиак», — их вызвались предоставить «Ассоциации по развитию Африки» со штаб-квартирой в Западной Германии. «В сентябре, — рассказывает Штайнер, — я вылетел в Либревиль, чтобы завершить подготовку этой операции. Я обсудил ее с представителем Фоккара в Либревиле. Я потребовал у него послать в Биафру контингент из 20 тысяч человек и оказать поддержку с воздуха...»

Поход на юг, однако, не удался.

Наемник Штайнер и восемь его ближайших помощников покинули Биафру незадолго до полного поражения сепаратистов. Однако не сознание неминуемого краха авантюры сепаратистов гнало супернаемника. Позднее он в какой-то степени пролил свет на причины своего отъезда.

В середине октября (1968 г.), вспоминает Штайнер, француз, по профессии хирург, Жан Дюкроке, наделенный высокими полномочиями, приказал ему провести, используя личное влияние, переговоры с Оджукву о передаче концессий «Шелл» французской нефтяной компании (самому «доктору» этого сделать не удалось).

Согласие немедленно оплачивалось твердым обещанием увеличить поставки оружия. Одновременно, как

сообщает Штайнер, он получил письмо по этому же нефтяному делу от личного секретаря Фоккара.

В конце октября из Франции прибыла делегация в количестве трех человек. Делегацией руководил полковник Бовуар де Сэн-Симон. Ее миссия заключалась в том, чтобы «выслать меня под предлогом, что я плохо защищал интересы Франции». Штайнер намекает, что таким образом его наказали за неспособность «оказать влияние» на Оджукву и удовлетворить требования французской нефтяной компании.

След Штайнера то терялся, то появлялся: в Родезии, ЮАР, на юге Судана, наконец, в Швейцарии, Италии, Западной Германии, Франции. «Прервал ли он связи с французскими секретными службами?» — спрашивает «Юманите». Судите сами. В Швейцарии Штайнер имел randevu с г-ном Анри Делоное. Далекое не случайное дело. После разгрома сепаратистов в Биафре были обнаружены документы, из которых явствовало, что А. Делоное связан непосредственно с Оджукву. Через него определенные круги Франции влияли на политику сепаратиста, подсказывали ему, что нужно делать в тот или иной момент, пересылали деньги и т. д. и т. д. Зачем же Штайнер пришел к А. Делоное? Он отвечает коротко: «Урегулировать вопрос с пенсией».

Может быть, Фоккар и был недоволен Штайнером. Но не настолько, чтобы отказаться от его услуг. Наемник сделал свое дело. На время он должен покинуть сцену. Отстраненный, он превращался к тому же в неплохой громоотвод для критики со стороны левой прессы. Можно было многое свалить на «безответственных наемников», этих «авантюристов-одиночек». Люди калибра Фоккара должны быть оставлены в покое.

Рольф Штайнер всегда чувствовал и чувствует себя весьма уверенно. настолько уверенно, что после лечения и отдыха в ФРГ весной 1976 года он обратился в Международный суд в Гааге с требованием взыскать 23 миллиона франков с правительства Судана, которое «незаконно» приговорило его в 1972 году к тюремному заключению сроком на 20 лет. Как известно, после Биафры бывший нацист действовал на юге Судана. Кто тогда выплачивал деньги Штайнеру, неизвестно. Предполагают — израильские секретные службы. Они

разжигали мятежный пожар, с тем чтобы отделить юг страны от Судана и таким образом ослабить одно из арабских государств, активно боровшихся в то время за ликвидацию последствий сионистской агрессии 1967 года.

При аресте Рольф Штайнер заявил, что на юг Судана он прибыл «выращивать помидоры». Но его тут же спросили:

— А по чьему приказу на территории, где был ваш огород с помидорами, избивали палками каждого, кто слушал радиопередачи, считавшиеся враждебными?

— Кто муштровал головорезов для войск сепаратистов?

— Кто организовал налет на суданскую деревню Кайо-Кайо, обстрелял ее из базук, а потом автоматными очередями добивал обезумевших от ужаса людей?

— Кто наконец организовал доставку оружия и боеприпасов в Морта, где вы находились со своим штабом, из Швеции, США, Израиля и ФРГ?

Рольф Штайнер! Не любитель помидоров, а Рольф Штайнер — наемник!

Требование «оскорбленного» наемника выплатить ему 23 миллиона франков в качестве компенсации за «нанесенный моральный ущерб» говорит о беспредельной наглости «дикого гуся», а также о том, что «сильные мира капиталистического» всячески оберегают его.

Оказалось, что Рольф Штайнер служил не одному господину, а по крайней мере двум.

**КУДА ВЫВЕЛА
КРИВАЯ**

29 июня 1969 года западные телеграфные агентства со ссылкой на Юнайтед Пресс Интернейшнл (США) передали такое сообщение:

Шведский летчик, борец за Биафру, граф (еще

один! — Л. К.) Карл фон Русен сегодня находится на пути в Африку.

В неподтвердившихся сообщениях говорится, что этот бывший 59-летний военный летчик выехал в Африку после краткого визита в Копенгаген. Он также в течение некоторого времени находился в своем доме в Мальмё (может быть, дописывал или правил страницы мемуаров, касающихся участия в войне белофиннов против Советского Союза).

Информационное бюро Биафры в Стокгольме заявило: «Мы не знаем, куда направляется фон Русен. Наше правительство не уведомило нас о том, возвращается ли он в Биафру или нет».

В других сообщениях говорилось, что в течение последних нескольких недель фон Русен доставил в Биафру восемь новых самолетов Me1-9, которые на небольшом аэродроме под Парижем были переоснащены и из спортивных превратились в боевые машины. На них установили ракеты «Матра».

Фон Русен и другие шведские летчики заявили, что они во время четырех налетов уничтожили 12 военных самолетов Федеративной Нигерии.

Кто нагружал самолеты графа оружием и бомбами? Прежде всего нацист-бизнесмен Отто Скорцени. Кто получал оружие? Нацист-наемник Рольф Штайнер. Вот что пишет по этому поводу журнал «Жён Африк» от 29 апреля 1972 года: «Долгое время проживая в Испании, нацист Отто Скорцени представлял французскую фирму «Матра» и итальянскую фирму «Ото Мелара», которые производят управляемые снаряды. Скорцени — старый знакомый африканцев. Это он снабжал управляемыми снарядами печально известного шведского графа фон Русена, который на своем самолете «защищал» последние рубежи Биафры. Он оказался другом Рольфа Штайнера. И поддерживал связи с «Родхро эйдженсис» в Солсбери...»

Здесь следует на время оборвать цитату. Необходимо, помня о Генри Уортоне, владельце компании «Норт Америкэн трейдинг корпорейшн», который также был связан с Отто Скорцени, вице-президентом американской компании «Ю. С. Эйр», рассказать еще одну историю.

Весной 1972 года печать сообщила об аресте трех

членов ультраправой итальянской организации, среди которых оказался г-н Пино Роти, журналист по профессии, фашист по убеждениям, провокатор и гангстер по призванию. Часто он выступал в этих трех лицах одновременно: писал статью, в которой призывал бороться с коммунизмом, разрабатывал очередную операцию со взрывом, чтобы запугать левых и продемонстрировать итальянцам силу верных Муссолини людей, подписывал контракт на поставку крупной партии оружия. Пино Роти являлся видным руководителем социал-итальянского движения одной из неонацистских партий. Персона, о которой идет речь, обвинялась в организации серии покушений с применением бомб, одно из которых в декабре 1969 года привело к кровопролитию в Миланском сельскохозяйственном банке — погибло 16 человек, 90 получили тяжелые ранения.

Пино Роти, как выяснилось, был связан с другим известным неонацистом, Романо Колтелаччи, получавшим жалованье в обществе «Мондиал импорт-экспорт». Общество снабжало оружием расистов ЮАР, Родезии, фашистов Португалии.

«Мондиал» воровало большими делами. «От каждой сделки, — отмечал журнал «Жён Африк», — итальянские ультраправые движения получают определенный процент, который идет на финансирование подрывных действий и процветание такой открыто фашистской организации, как «Ордине Ново» («Новый порядок»). В агентах «Мондиал» ходили служащие НАТО, чиновники крупнейших западноевропейских фирм, такие, например, как Джулио Баккарини, представлявший авиакомпанию «Алиталия» в Бейруте. Агенты, или, как их называют, «посредники», осуществляли также связь с фирмой «Хаммонд ассошиэйтс интернешнл», руководимой Роднеем Симмондсом, составляя таким образом своеобразную сеть. Через нее осуществлялась продажа наемникам, расистам Юга Африки, португальскими колонизаторами самолетов «Фиат У-91», «Аэромаччи МВ-326», «Джет-экрэфт», пистолетов, винтовок, боеприпасов.

Выше мы прервали высказывание журналиста о «Родхро эйдженсис» в Солсбери, чтобы сказать сейчас, что у «Родхро эйдженсис» и «Хаммонд ассошиэйтс интернешнл» был один и тот же хозяин, г-н Родней Симмондс. В Европе Симмондса и одновременно

«Мондиал импорт-экспорт» представлял сеньор Г. Б. Филлиппа.

Итак, получилась любопытная цепочка: неофашист Пино Роти («Мондиал импорт-экспорт» — «Хаммонд ассошиэйтс интернешнл») — фон Русен — Отто Скорцени («Норт Америкэн трейдинг корпорейшн» и «Ю. С. Эйр» — их самолеты перевозили «товар», которым торгуют Каммингс, де Бурбон и другие) — Рольф Штайнер.

Вот куда выводит кривая, вот какой гигантский механизм стоит за наемниками. Приводится он в движение силами могущественными.

Франкизм долгие годы насаждал в стране «новый порядок». Со смертью диктатора испанские фашисты не подняли руки. Они продолжали действовать. Позиции их были настолько сильны, что они позволили себе предложить услуги хозяев для проведения встречи «коричневых». Она состоялась в Барселоне на уровне международного конгресса.

Как сообщили телеграфные агентства, «собрался великолепный букет». Хорошенькие секретарши со слов заполняли карточки делегатов: «Откуда вы, ваше имя?» — эти вопросы они выучили на многих языках, потому что, кроме местных фашистов из «Воинства Христова», на съезд прибыли представители итальянского социального движения, французские фашисты, в основном бывшие нацисты и оасовцы, салазаровцы и, конечно же, «земляки» Шрамма, то есть те, кто называет себя «африканцами».

Гости разговорчивостью не отличались и при регистрации старались отвечать только на первый вопрос. Вот, например, делегаты от португальских правых. Подходит, скажем, солидный мужчина, бросает как бы мимоходом: «Сантуш Каштру». Кто такой? Из ответов на вопросы неясно. А оказывается, Каштру после 25 апреля 1975 года бежал из Португалии, в дальнейшем командовал войсками ФНЛА на северном фронте в Анголе. Или «Барбиери Кардозу». А ведь он служил помощником генерального директора португальского гестапо — ПИДЕ. Далее: майор Аппоим Калвау (выше уже встречалось это имя — майор руководил действиями наемников, которые должны были захватить Кон-

акри), приближенный «генерала с моноклем», то есть Спинолы.

Наконец, Жорже Перейра Жардин. Птица важная. Уже одно то, что Салазар души в нем не чаял (в 27 лет сделал министром), не отпускал от себя до самых последних дней, говорит о многом. Жардина называют «послом по особым поручениям» крупнейших западных монополий. Сам он владелец промышленных предприятий, приносящих миллионные прибыли. Во время колониального господства ему принадлежала мозамбикская газета «Нотисиаш Бейра». Как только рухнул фашистский режим, бизнесмен вылетел в Лиссабон, чтобы помочь своим единомышленникам-фашистам. Одно время на всякий случай он укрывался в посольстве Малави (правительство этой африканской страны стоит на крайне правых антикоммунистических позициях) и на всякий случай даже заминировал вход в посольство, угрожая взорвать здание, если власти попытаются арестовать его. Узнав, что ордер на арест все-таки выдан, Жардин бежал в ЮАР. Там он занимался разработкой планов агрессии против Замбии и Танзании (об этом поведал корреспондент юаровской газеты «Раппорт», взявший интервью у Ж. Жардина). При его прямом участии осуществляется переброска оружия в Мозамбик врагам республики.

Какие вопросы обсуждались на «коричневом конгрессе»? Прежде всего меры по активизации фашизма и усилению деятельности организацией как «вглубь, так и вширь». Под «глубью» понимался (и об этом было сказано весьма четко) призыв активизировать действия против левых сил в Европе, а под «ширью» разумелась директива «оказать поддержку союзникам в Африке».

Не случайно фашисты провели свое мероприятие в 1976 году. Рождение Народной Республики Ангола, поражение ее врагов, взрывы народного возмущения в ЮАР, активизация патриотических движений в Зимбабве и Намибии, растущая солидарность прогрессивных сил Западной Европы с народами бывших колоний — все это чрезвычайно беспокоило реакционеров. Пока придумаешь новые обтекаемые лозунги, чтобы поддержать расистов, пока напишешь речи, в которых все против апартеида и национального угнетения, а на самом деле все против африканских народов, пройдет много

времени. А дело спасения расизма, поддержки неоконниализма не терпит. Вот и созвали конгресс. Он-то и принял решение оказать всемерную помощь реакционным силам Африки. Тут же определили исполнителя решения — португальских фашистов.

Давая задание, конгрессисты подвергли критике своих коллег: «Столько у вас в Африке агентов ПИДЕ, и белых и черных! Столько в Африке и Западной Европе бывших офицеров — убежденных врагов коммунизма! А чем они занимаются? Тем, что пиво пьют! Нужно собрать их в единый кулак, организовать, дать программу, перспективу!» Салазаровцы выслушали критику и дали обещание «исправиться». «Да, не забудьге и про беженцев из Анголы, — напомнили им. — Это наш резерв, наш золотой фонд, наше море, где следует искать верных людей и хороших солдат».

Впервые я видел этих беженцев в дакарском аэропорту. И сейчас перед глазами картина: они сидят на узлах и коробках, усталые, отрешенные. Ребятишки бегают по залу ожидания, старуха глядит в одну точку, парень лет двадцати с жадностью выпил вторую бутылку воды. Такими остались в моей памяти беженцы из Анголы. Но были и такие, кто ходил гоголем. «Я уехал хорошо, — ухмыльнулся один из них. — Дом сжег. Автомшины под откос. Мост через речку разрушил. Пусть попрыгают...»

Многие из двухсот тысяч покинули родные дома, гонимые страхом перед неизвестным будущим, других обманули, предрекая всевозможные несчастья, которые «приносит коммунизм», третьи — и их было большинство — поддались «чувству толпы», четвертые рассчитывали на то, что, если они переломают автомшины и станки, если они, инженеры, врачи, бухгалтеры, уедут, республика станет на колени, отказавшись от социальных преобразований, попросит вернуться «белых благодетелей». Но республика не просила. Она обошлась без беглецов.

Вскоре в Луанде у министерства иностранных дел НРА начали собираться толпы европейцев — они ожидали ответов на заявления с просьбой разрешить родственникам и знакомым вернуться в Анголу. А почему толпы? Да потому, что в Португалии прекратили выдачу беженцам пособия, перестали оплачивать проживание в гостинице. И те, кто хотел заставить анголь-

цев «попрыгать», вспомнили о своих виллах и яхтах, о своих полях и фермах. Но локоть был уже даже не близким... Злоба и ненависть, желание отомстить африканцам за потерянные блага — эти чувства обуяли многих.

— Именно этих людей надо использовать для нашего дела, — указали португальским фашистам делегаты съезда.

— Будет сделано! — ответили те. — Но и нам нужна помощь.

— Окажем.

Я не могу сказать, кто лично заверил фашистов. Но то, что их заверили, сомнения нет. Ведь конгресс фашистов в Барселоне — это всего лишь одно из мероприятий, которые организовали те, кто плетет заговор против Африки. При этом называют Международный центр исследования современного мира. В качестве иллюстрации или подтверждения могут служить сообщения о рабочем заседании центра, которое проходило в Сен-Жермен-ен-Лей (Франция).

Публика собралась респектабельная. Не чета «заседавшим» в Барселоне. Здесь не хлестали пиво и шнапс, здесь не выкрикивали лозунги-ругательства. Роскошные салоны, серебро и бронза, картины известных мастеров, похожие на фраки ливреи лакеев, — одним словом, солидная обстановка для солидных людей. Таковыми, бесспорно, считали себя генерал Калле, директор Института высших исследований по проблемам обороны; генерал Пэн, преподаватель «Эколь де герр»; адмирал Сторелли, бывший начальник штаба ВМС Франции; контр-адмирал Палтиер, занимавшийся Индийским океаном; полковник Энниер, специалист по африканским проблемам в генеральном секретариате министерства национальной обороны Франции. Напротив генералов и полковников сели Роббертие, генеральный директор Института стратегических исследований в Претории, Кас де Вилиерс, директор Африканского института (также в Претории). Кстати, Кас де Вилиерс вместе с директором Института международных исследований Джоном Барратом (Йоганнесбург) входил в группу советников по проблемам Африки при южноафриканской разведке Босс. На встречу пригласили высокопоставленных военных из США, ФРГ, Швейцарии, Италии, Испании. На почетном месте восседал

г-н Бриан Крозье, представлявший Институт по изучению конфликтов, а на самом деле один из высших чинов Центрального разведывательного управления США, долгое время проработавший резидентом ЦРУ в Лондоне.

Пресса не могла поведать публике о том, что конкретно обсуждали участники заседания, из каких вопросов состояла повестка дня, сформулированная весьма туманно — «оборона Запада». Но ясно одно, участники заседания в Сен-Жермен-ен-Лей выработывали программы использования для «обороны Запада» различных сил, куда входят реакционеры всех мастей, организации, подобные ОСА.

И прогрессивная пресса, основываясь на фактах, сделала вывод о том, что за «специалистами» по массовым убийствам, каковыми являются наемники, стоят международные монополии, создавшие руководящие и координирующие органы, подобные Международному центру исследования современного мира. Как уже говорилось, поле их подрывной деятельности — вся Африка. А что сказать о ней?

Односложного ответа нет. Определенно можно сказать о странах социалистической ориентации. Там действительно активно уничтожается почва, которая бы питала наемничество. Боеспособность «солдат удачи» резко падает, они лишаются (а это для них чрезвычайно важно) подкрепления из местных в атмосфере социальных преобразований, укрепления независимости, нетерпимости к колониальным порядкам, отрицания эксплуатации и национального угнетения. «Гусям» ведь нужна «мутная вода» не только у себя на родине, но и там, куда они летят. Дома — это антикоммунизм, расизм, социальная несправедливость, власть капитала, гниение буржуазных моральных ценностей, воспитание ненависти к другим народам, провокации в местном и международном масштабе, подрывная диверсионная деятельность против развивающегося мира. В Африке эта «вода» состоит из предрассудков, неграмотности, экономической, политической и социальной отсталости, нежелания одних отказываться от феодальных пережитков и стремления других как можно прочнее привязаться к капиталистической системе. Хозяева наемников хотели бы всю Африку и всегда видеть колеблющейся, раздираемой противоречиями, подверженной

влиянию империализма, терпящей к расистским режимам. Они хотели бы видеть Африку в качестве резерва борьбы против прогресса и в качестве поставщика дешевой людской силы, в том числе и наемной, для всякого рода «ястребов» и милитаристов.

Живучесть наемничества свидетельствует о том, что «мутная вода» существует, что она еще питает черные силы как на Западе, так и в самой Африке. Вот почему на континенте все чаще и чаще раздается призыв к бдительности: «Наемники не ушли с политической арены! Наемников надо остановить!»

K OTBETY!

РЕВОЛЮЦИЯ ДОЛЖНА УМЕТЬ СЕБЯ ЗАЩИЩАТЬ

Несмотря на тяжелые потери, бойцы за прогресс не отступают перед реакцией. Они черпают силы в углублении процесса социальных преобразований, создании и укреплении институтов, которые бы ограничивали влияние иностранного капитала, в расширении сферы действия государственного сектора, развитии межафриканского сотрудничества, связей с социалистическим миром. Практика показала, что враги национально-освободительного движения не гнушаются ничем и что в строительстве нового общества нет мелочей, нет второстепенных вопросов. Вылазки «солдат фортуны» еще раз показали, что необходимо постоянно и планомерно совершенствовать органы, задача которых предотвращать и подавлять вылазки врагов свободы.

«Революция должна научиться защищать себя», — сказал политический комиссар луандского торгового порта. Я не сразу узнал его. Передо мной сидел не тот человек, которого я видел только вчера: появились глубокие морщины, на завитки черных волос выпал как будто иней. В порту произошла беда — пожар. Только храбрость и самоотверженность рабочих преградили путь огню, и он не добрался до складов с оружием и боеприпасами. Тем не менее ущерб был нанесен огромный. «Дело рук контрреволюции, в этом никто не сомневается, — сказал комиссар. — Но то, что диверсантам удалось так легко пробраться в порт, виноваты мы. Мы слишком беспечны».

Действительно. Вот сцена в порту (я наблюдал ее в первые дни после победы над интервентами). Подъезжает автомашина. У шлагбаума навстречу поднимается солдат. «Куда?» — спрашивает. Шофер или рядом с ним человек громко говорит: «Революция победит!»

В ответ широкая приветливая улыбка. Шлагбаум немедленно поднимается. Никаких документов, никаких пропусков не спрашивалось. А ведь лозунгом «Революция победит!» мог воспользоваться и враг.

Когда банды ФНЛА и УНИТА после разгрома развязали в некоторых районах Анголы «белый террор», когда они начали охотиться за активистами МПЛА, нападать на кубинских советников, взрывать мосты, проводить диверсии на заводах и фабриках, пользуясь фальшивыми документами, выдавая себя за представителей правительства, с тем чтобы ввести в заблуждение население обширных районов, тогда со всей серьезностью встал вопрос о принятии срочных мер.

Мне вспоминается заседание видных представителей общественности города Маланже. Один из них, пожилой мужчина, врач городской больницы, сказал: «Только что к нам привезли раненого. Это рабочий пекарни. В него выстрелили из-за угла. Надо покончить с бандитизмом в городе. Бандитизм — проблема не только Маланже, но и других городов. Колонизаторы, чувствуя, что приходит конец их господству, выпустили из тюрем уголовников. Кроме бандитов, в Анголе есть еще саботажники, скрытые политические враги республики. Они сеют неверие в дело МПЛА, распространяют всякого рода слухи, занимаются диверсиями». Одним словом, как выразился выступавший врач, империализм, потерпев поражение на фронтах, стремится открыть тайный фронт внутри Народной Республики Анголы. На помощь контрреволюционерам он присылает наемников.

И вот в Луанде мы уже становимся свидетелями важного события — принятие присяги двумя тысячами бойцов Организации народной обороны (ОНО). Две тысячи рабочих, служащих, студентов, среди которых немало женщин, поклялись в верности МПЛА.

«Перед лицом происков империалистических подрывных служб, — говорил мне ответственный работник государственного аппарата, — мы должны также создать органы контрразведки. Мы должны учиться у Дзержинского». Я слышал это «учиться у советских чекистов» не раз. Еще во время войны за свободу в Гвинее-Бисау мне пришлось присутствовать на собрании членов комитетов сектора Баланда Китафора и табанок (деревень). Комитеты были созданы в 1971 году, чтобы на территории освобожденных районов выполнять, по существу, функции исполнительной власти. На трех уровнях — табанка, сектор, регион. Уже тогда в каждом комитете вместе с ответственными за производ-

ство, здравоохранение и образование, культуру был человек, отвечавший за вопросы безопасности. Кроме того, создавались гражданские суды (помимо военно-полевых).

Помню, слово взял Джамба Камара, ответственный за безопасность в секторе. Этот человек невольно вызывал симпатию и уважение. Он прошел трудный путь солдата, был несколько раз тяжело ранен, пули оставили глубокие шрамы, он сильно припадает на правую ногу. Но Джамба Камара не оставил фронт, только перешел на его самый тяжелый участок, туда, где шла борьба против контрреволюции, шпионажа, подрывной деятельности.

— Для нас огромное значение имеет опыт защитников завоеваний Октябрьской революции, — говорил он. — Наши условия похожи на те, что были в первые годы Советской власти. В стане врагов мы, революционеры, имеем преданных людей, и они часто предупреждают о готовящихся акциях против освобожденных районов.

Без сомнения, контрреволюция, — обратился Камара к собравшимся, — не успокоится и после провозглашения независимости. Уже сейчас в наши ряды колонизаторы засылают лазутчиков, провокаторов, распространителей ложных слухов. А после завоевания свободы мы должны обезвредить врагов. Быть всегда на чеку!

Благодаря самоотверженной работе патриотов руководителей независимых африканских государств стали известны многие коварные планы заговорщиков, эмигрантских организаций и их координационных центров. Взять хотя бы агрессию против Бенина. Безусловно, лет пять-шесть назад наемники, высадившись в Котону, одержали бы победу. Но не сейчас.

Как отмечал Матье Кереку, африканцы знают о том, что империализм постоянно плетет заговоры против развивающихся стран, особенно социалистической ориентации. Сознание того, что можно стать в любой момент жертвой заговора, обостряет политическое внимание и требует постоянной бдительности. Поэтому в стране создавались молодежные и женские организации, создавались комитеты защиты революции. Они и органы безопасности сумели выполнить задачи, поставленные перед ними. Наемники, действовавшие по старин-

ке, недооценили ни силы армии, ни других средств, которыми защищает себя бенинская революция.

Как-то «бешеный Майк» похвально: «Если бы кап-ралу, служащему под моим началом, потребовалось для завоевания Западной Африки больше чем неде-ля, я бы застрелил его за неспособность выполнить долг».

Бахвальство «бешеного» подогревалось не личной храбростью (хотя этого у наемников не отнимешь), не опытом в военных делах (его хоть отбавляй), не обеща-ниями «оттуда, сверху», что всегда придет помощь, а уверенностью в безнаказанности. Эта уверенность роди-лась, когда наемники расправлялись со сторонниками Лумумбы. Они не имели того, что было у М. Хора, — современного оружия, военного опыта. Они просто-на-просто не успели овладеть ни тем, ни другим. Но после-дователи Лумумбы уже обладали верой в победу спра-ведливого дела, в их душах горело пламя свободы. И когда эти люди поняли, что свободу без оружия, без знания военного дела, без организованности не отста-ять, тогда и начала закатываться звезда «бешеного Майка». Борцы за независимость, овладевая оружием, тем не менее не забывали, что их главная сила в убеж-денности, в верности передовым идеям. Вот почему М. Кереку посчитал необходимым подчеркнуть:

— За последние годы сознание многих людей очи-стилось от наслоений отсталых традиций, философии и морали, от идеологии, которую насаждали колонизато-ры. Большинство людей убедилось, что наемники при-ходят для того, чтобы восстановить старые порядки и поддержать меньшинство, состоящее из эксплуата-торов.

СУД В ЛУАНДЕ

Позвонили из штаба: «Срочно собирайтесь и в аэро-порт. Наши войска взяли Кармону. Летим туда». Это было 4 января 1976 года.

О том, в какой спешке уходили робертовские солдаты из Кармоны, я уже рассказывал. Упоминал я и о вилле под Кармоной, в которой жили американские врачи. И если солдаты марионеточных войск не успели допить чай, то хозяева виллы, по всей вероятности, также из-за спешки оставили на столах бумаги — на некоторых стоял гриф «секретно», другие были испещрены цифрами.

— Шифрограммы, — предположил сопровождавший нас командир вооруженных сил республики — ФАПЛА. — Попытаемся разгадать, что же передавали в эфир врачи...

Вернувшись в Луанду, мы не узнали город. Весть о падении Кармоны превратила его из сурового и настроенного в радостный. Лица людей, сдержанных, по-военному строгих, тревожных, осветились улыбкой. Собравшись в группы, они пели, хлопали в ладоши. Повсюду возникали митинги. Я слышал, как в порту докер говорил собравшимся:

— Взяв Кармону, мы сделали то, что советские люди сделали, отстояв Сталинград, — мы добились перелома в войне. Теперь победа близка! Теперь ясно, что интервенция захлебывается!

Кармону Роберто сделал своей столицей. Он считал ее самым главным плацдармом для наступления на Луанду.

В те часы, когда Луанда радовалась победе, резиденты американской разведки слали начальству шифрограммы о необходимости вдохнуть новые силы в войска Роберто и Савимби за счет командирования хорошо обученных солдат. Начальство откликнулось. Тем более с подобной просьбой обратились главари ФНЛА и УНИТА. И не только к друзьям в США, но и к «начальству», то есть руководителям вербовочных пунктов, в других натовских странах. В Анголу полетели новые партии «диких гусей». Они, однако, не смогли ни «вдохнуть силы», ни взять даже реванша за Кармону.

На этот раз, однако, наемники потерпели сокрушительный разгром не только на поле боя. Последовали не менее жестокие поражения на моральном и идеологическом фронтах. Это произошло во время суда в Луанде над взятыми в плен «солдатами фортуны».

Журналистов на процессе было много. Они тщательно записывали все, что говорили подсудимые. Добавля-

ли к рассказам свои наблюдения, вспоминали прошлые «полеты» «диких гусей». В результате получился коллективный и поэтому, пожалуй, наиболее полный портрет наемника.

Вот «солдат удачи» Маккензи. Он говорит:

— Я выпивал с приятелями в отеле «Куннз» в Олдершоте. Ко мне подошел Джон Бэнкс (мы уже познакомились с этой персоной), стал уговаривать ехать в Анголу.

Слово «уговаривать» здесь совсем лишнее. Ведь Маккензи согласился тут же. Он положил в карман десять фунтов стерлингов на проезд в Лондон и скоро уже открывал дверь столичной гостиницы «Тауэр». Оттуда через несколько часов отправился в аэропорт и сел в самолет, доставивший его в Киншасу.

Многие «солдаты удачи» утверждают, что, подобно Маккензи, в наемное войско их «вынесла особенно сильная волна моря из виски и джина», что они легко подписывали контракт с вербовщиками потому, что через призму стакана каждый человек кажется симпатичным и ему ни в чем нельзя отказать. Жертвой злополучной «волны», например, считает себя Джон Баркер. Он, видите ли, крепко выпил, когда к нему подошел незнакомец (это было в одном из баров Бирмингема), и, угостив солидной порцией, предложил поехать в Анголу, чтобы зарабатывать по 250 долларов в неделю.

Баркер не отказался ни от стакана, ни от 250 долларов. «Мои сбережения были на исходе... — объяснял он на допросе. — Не было денег, чтобы подцепить даже самую дешевую женщину».

И вот он также направляется в гостиницу «Тауэр». Действительно, алкоголь всегда, во все времена, неизменно сопровождал наемника. Подобно шагающему Джони Уокеру, изображенному на этикетке распространенного сорта шотландского виски, бутылка постоянно маршировала рядом с наемником. Он прикладывался к ней на отдыхе, на марше, перед тем как расстрелять человека или сжечь деревню, после расстрела и после того, как от деревни оставались пепелища... Во время грандиозной попойки в Енугу (Биафра) кто-то из «солдат удачи» крикнул: «Давайте-ка разнесем в клочья Лагос!» Шестеро пьяных латчиков забрались на самолет марки «фоккер-френдшип». Чтобы нескучно было бомбить нигерийскую столицу, асы прихватили

одну из участвовавших в пиршестве девиц. Самолет не долетел до Лагоса и на аэродром не вернулся. Однако корреспондент английской «Таймс», рассказавший об этом случае, не пишет о том, что гибель наемников каким-то образом отрезвляюще подействовала на других наемников. Да и не мог он этого сказать.

«Полковник» Кэллан... На суде он вел себя то как истукан, ни на что не реагирующий, то как капризный ребенок, уверенный в безнаказанности, то как тот самый князь, который выбился из грязи и по этой причине не взирающий на всех с презрением.

Но если для капризов у Кэллана были кое-какие основания (он знал, что его попытаются вырвать из рук правосудия те самые люди, которые, вербуя, продемонстрировали, как весьма ловко они могут в случае нужды манипулировать понятиями «права человека», «свобода личности», «гуманизм»; именно из этих понятий строили свои речи британские защитники наемных банд, пытавшиеся спасти от смертной казни Кэллана), то таковые совсем отсутствовали, чтобы смотреть свысока. Во-первых, Кэллан был вовсе не Кэлланом, а Георгиусом, бежавшим в свое время с Кипра; во-вторых, ума и знаний ему хватило лишь для того, чтобы в ВВС Великобритании дослужиться только до сержанта, а титул полковника он присвоил себе сам, когда попал в Анголу; в-третьих, в родословной «князя» значатся три с половиной года тюрьмы — он был осужден английскими властями за налет на почтовое отделение.

Уголовник с годами не только не исправился, но совершил еще много других тяжких, кровавых преступлений.

Свидетель Альфонсу Карлуш:

«Я видел, как Кэллан лично убил мальчика, пытавшегося спасти свою сестру, которую уводил «полковник».

Свидетели обвинения дополняли список убийств, грабежей и краж, совершенных под командой Кэллана, включая уничтожение более 70 заключенных, которых они забрали из сан-сальвадорской тюрьмы. Наемники загнали их в грузовики, отвезли к мосту, находившемуся в девяти милях от тюрьмы, и там расстреляли. Обвинитель представил семь свидетелей, которые подтвердили преступления, совершенные наемниками, вклю-

чая, например, такое: они вскрыли сейфы банка в Сан-Сальвадоре, вытащили деньги, набили ими 14 мешков, погрузили в «джип» и уехали.

Наемник Питер Макэлси: «Кэллан и группа его солдат вошли в деревню недалеко от Макелы на севере Анголы, приказали всем мужчинам выстроиться в ряд и расстреляли их».

Долгое время поклонники наемной силы утверждали, что разных по национальности людей, разных по взглядам и убеждениям: уголовников и фашистов, наркоманов и антикоммунистов — объединяют некие высшие законы своей собственной солидарности, взаимовыручки и поддержки. Девиз наемника, отмечала как-то «Таймс», звучит так: «Собака не кусает собаку». Но и это оказалось мифом. Почему Макэлси, находясь в общем-то в безопасности (ему удалось избежать суда в Луанде и уехать в Лондон), «укусил» Кэллана? Потому что он выгораживал себя. Так же поступали и другие наемники. Будучи совсем недобрыми «собаками», совершив не менее тяжкие преступления, они на суде накинулись на Кэллана, почувствовав, что против него собрано больше, чем против других, обвинительного материала.

Подсудимый Марчант в своих показаниях заявил, что выполнял приказания «полковника»: «Я чертовски боялся Кэллана да и Сэма Копленда тоже (это ему «полковник» приказал расстрелять одного из своих за то, что тот отказался участвовать в боевой операции и решил уехать домой. — Л. К.). Оба они способны пристрелить тебя, если не будешь делать так, как они велят».

На суде в Луанде обвиняемые, позабыв о своих собственных законах, выкручивались как могли: юлили, раскисались, «кусали» друг друга. Одни доказывали, что вовсе не помышляли стать наемниками и контракт подписали, будучи в состоянии опьянения. Другие, мол, не представляли, чем будут заниматься в Африке. А обвиняемые Колин Клиффорд Эванс и Майкл Дуглас Чайзмэн якобы совсем не знали, что происходит в Анголе.

Некоторые, ссылаясь на незнание географии, считали Киншасу столицей Анголы, и если туда ходят самолеты солидных авиакомпаний, то, значит, там ничего предосудительного, мол, не происходит.

Но почему же Джон Дерек Баркер, который «изрядно выпил» да еще угостился за счет щедрого незнакомца, утром принял бодрящий душ, надел свой лучший костюм и отправился в гостиницу «Тауэр» оформлять жалованье в 250 долларов?

Почему Клиффорд и Чайзмэн, узнав, что происходит в Анголе, не вернулись к своим мамам?

Почему, считавшие Киншасу столицей Анголы (а потому якобы сказали вербовщикам «да») и убедившись по прибытии туда в своем заблуждении, не разорвали контракта?

Вот такие вопросы задавали себе журналисты, когда они слушали показания преступников. И вот почему у всех честных людей обвинительный акт, решение Народного революционного суда (смертная казнь четырех наемников, включая Кэллана, тюремное заключение от 16 до 30 лет остальным) были встречены мировой, африканской в первую очередь, общественностью с одобрением.

Одному из журналистов, Берчету Уилфреду, опубликовавшему репортаж о процессе на страницах журнала «Африк-Ази», пленные наемники говорили: «Нам официально заявили, что мы «едем обучать антикоммунистические силы в Анголе».

На самом деле, отмечает журналист, главная деятельность наемников заключалась в расправах над мирными жителями.

Что касается «борьбы с коммунистами», то это просто-напросто одно из прикрытий для преступной деятельности. Так же как жалобы на слабость к алкоголю, незнание географии и пр. Один из подсудимых, Густаво Грилло, заявил: «Я уверен, что все знали, что такое наемник. Те, кто шел сюда, знал, что значит война. И я тоже знал. Я делал все это ради денег...»

Уже доказано, что наемники — порождение капиталистической системы и являются они не «дикими», а давно уже ручными «гусями», которыми командуют также не «дикие», а вполне конкретные джентльмены, нередко связанные с официальными лицами. Макэлси, например, свидетельствовал, что его вместе с другими наемниками завербовали в Хиефорде (250 километров к северо-западу от Лондона), где находится штаб-квартира полка специального назначения королевских ВВС. В полк входят подразделения типа командос,

подготовленные для проведения «антиповстанческих операций», в том числе операций в случае объявления «чрезвычайного положения» в самой Великобритании. Уволившиеся из полка являются ценнейшим и желаннейшим резервом для вербовщиков-наемников.

Макэлси также заявил (его свидетельство приводит «Лондон обсервер»), что их, «диких гусей», нацеливали на участие в операциях по саботажу, в частности, на организацию и проведение диверсий, разрушение коммуникаций на территории независимого Мозамбика.

Разведки разных западных стран, как мухи к меду, льнут к наемникам — это, естественно, ни для кого не секрет. Но вот на процессе в Луанде выявилась, однако, чрезвычайно интересная деталь — разведывательные органы западных стран, например, уже не довольствуются тем, что контролируют, так сказать, извне наемников. Они внедряют своих людей непосредственно в их среду.

— По многим причинам, — говорил мне допрашивавший пленных «диких гусей» ангольский юрист, — присмотреться к «перспективным персонам», удостовериться, правильно ли выполняют приказы, в конце концов проследить за финансовой отчетностью — туда ли идут деньги. Ведь были случаи, когда доллары, отпущенные на приобретение базук, вкладывались в строительство гостиниц, на приобретение вилл и «мерседсов».

Джон Бэнкс (дается в изложении «Ньюс оф Уорлд») рассказывает о том, как он включил в одну из партий наемников двух сотрудников Интеллидженс сервис:

— В одном кафе в Кэмберли ко мне обратился сотрудник особого отдела. Он спросил, не возьму ли я в свой отряд двух его людей. Я согласился: совсем неплохо, если в моем отряде будет два Джеймса Бонда.

Меня представили этим людям: одного из них звали Смитом, а второго Брауном. Их документы были в порядке, и они вылетели из лондонского аэропорта вместе с нами. Естественно, нас провожал сотрудник особого отдела. Правительство (Великобритании. — Л. К.), по всей вероятности, было в курсе, если, конечно, разведчики достаточно доверяли ему, чтобы все сказать.

Один из двух агентов был убит, второй был ранен, когда подорвался его «джип». Сейчас он вернулся в

Англию, и я знаю его настоящее имя. Однако особый отдел просил меня молчать, хотя ни тот, ни другой не делали секрета из того, для чего они отправились в Анголу.

Они отправлялись в Анголу для того же, что и их подопечные. И поэтому они могли бы сидеть на одной и той же скамье подсудимых, что и Кэллан. Поэтому адвокат Сеснер, защищавший в основном наемников американцев, имел все основания заявить: «Подлинная вина лежит на тех отдельных лицах и организациях, которые создали эту ситуацию. Никто из подсудимых сам по себе не смог бы приехать сюда...» Адвокат обвинил правительство США в том, что оно «уклонилось от выполнения своих обязанностей», разрешив производить вербовку наемников на своей земле.

В свою очередь, как сообщало агентство Рейтер: два английских адвоката осудили свое правительство за то, что оно не остановило английских наемников, которые были охарактеризованы как «подонки человечества».

ДЕЛО БАССЕ!

Суд в Луанде закончился. Группа головорезов получила по заслугам. Но если внимательно изучить репортажи из Луанды, комментарии газет и журналов в связи с процессом, то нельзя было не почувствовать в них тревоги. Не побоюсь назвать ее «тревогой мировой общественности».

...Полицейские приехали вовремя. Клод Бассе был схвачен, не успев «выпотрошить» сейфы одного из парижских почтовых отделений.

Комиссар, вникавший в дело Бассе, не подозревал, что его делом уже занимаются другие люди. И занимаются давно. Один из них, корреспондент газеты «Матэн», сообщал из Брюсселя:

В одном из бистро бельгийской столицы, неподалеку от полицейского участка, тщательно изучается вопрос о сумме окладов и премий за риск. То же самое проис-

ходит в кафе на Плас-дю-Миди. Вопросы обсуждаются те же самые, и люди те же самые. Вербовка идет в широких масштабах. Тому, кто хочет завербоваться, дают номер телефона парижского вербовщика и даже отвечают на вопросы.

— Вы поедете?

— Конечно. Здесь платят неплохо: от 6 тысяч до 8 тысяч франков плюс премии за риск.

— Кто занимается вербовкой?

— Один француз. Он оставил нам номер своего телефона в Париже. Он хочет завербовать многих.

— Где еще производится вербовка?

— Как обычно... Лондон, Брюссель, Париж, Марсель и, естественно, в Западной Германии.

— Откуда вы поедете и где будут транзитные остановки?

— Мы узнаем об этом лишь в последнюю минуту перед отъездом. И не следует задавать слишком много вопросов.

Примерно в то же время, когда вербовалась эта новая партия наемников, в юаровском городе Дурбане происходило секретное совещание. Председательствовал Майкл Хор, «бешеный Майк». Человек, заявивший как-то: «Мне все равно кого убивать — диких зверей или африканцев», поставил на совещании задачу — завербовать новую партию солдат. Числом не менее двух тысяч.

Таким образом, речь идет о тысячах. И самое страшное, что они множатся. Их множат каждый день разные силы. Взять Боба Денара. Начинал он как рядовой наемник. О своей жизни с 1960 года говорит: «Чуть больше двух лет состоял на службе у Чомбе в Катанге, затем столько же служил у имама Эль-Бадр в Йемене. Вернулся к Чомбе, когда ему снова удалось захватить власть в Киншасе...» В мае 1978 года телеграфные агентства сообщили: на Коморских островах произошел переворот. В результате был свергнут, а затем убит президент страны Али Суалих. Автором и руководителем переворота был Боб Денар. Он же, назвав себя полковником Саидом Мустафой Махджубом, взял на себя функции реорганизатора коморской армии. И, однако, в последнее время не за эти подвиги ценят Денара-Морэна — Буржо... Ценят за организаторские способности, за умение выбрать и завербовать надеж-

ных солдат. По словам бывшего сотрудника американской разведки Джона Стокуэлла, ЦРУ знает Денара не хуже, чем французские секретные службы. Именно к нему обратилось ЦРУ с просьбой сколотить отряд наемников для действий в Анголе. Боб согласился.

«Псами войны» Африку наводняют не только секретные и несекретные службы. Итальянская газета «Секоло» однажды сообщила новость: из Генуи готовится к отправке тысяча наемников, которая должна принять участие во вторжении в Мозамбик. А кто сколотил эту тысячную банду? Оказывается, швейцарский мультимиллионер Ганс Лензлингер. Газета никак не комментировала этот факт и обратила внимание только на одну деталь: швейцарец предпочитал набирать наемную силу из шведов, австрийцев и немцев. Как стало известно, в долю к мультимиллионеру вошли «богатые португальские фамилии и банки».

Механизм наемничества раскручивается и по сей день. Он, как было показано выше, «обкатывается» в Африке, стимулируется Африкой. Западные ученые особенно настойчиво утверждают, что в эпоху противостояния Востока и Запада милитаристская энергия, накапливаемая в человечестве, находит выход в малых войнах. А самые удобные, самые безопасные такие войны могут происходить, пожалуй, только в Африке. Там, оказывается, все способствует их возникновению и успешному проведению. Агентство Ассошиэйтед Пресс как-то привело в доказательство этого тезиса следующие цифры: в Африке, земельный массив который составляет одну четверть всей суши на земном шаре, проживает одна десятая часть населения. Однако оно состоит примерно из 50 наций, 3 тысяч различных племен, говорящих на 1000 языках. Кроме того, по мнению агентства, африканские народы придерживаются разного мировоззрения. Все это плюс произвольная демаркация границ является причиной многочисленных войн и вооруженных конфликтов.

Конечно, устами агентства глаголили милитаристы из НАТО. Им нужны вооруженные конфликты в Африке (их причины, кстати, кроются не в языковых барьерах, а в политике иностранных монополий, проимпериалистических эксплуататорских сил на самом Африканском континенте, в колониальном прошлом) для раздувания гонки вооружений, для испытания новых видов

военной техники, для подготовки к большой войне. Но в данном случае агентству понадобились «научные» аргументы для другого. Опираясь на них, Ассошиэтед Пресс подводит читателя к заключению: как это ни парадоксально, но независимым государствам очень часто во время военных действий приходится обращаться за помощью к своим бывшим колониальным хозяевам. Помощь приходит в образе регулярных войск или наемников, что в конечном итоге одно и то же, ибо перед теми и другими ставятся одинаковые цели. Пример — высадка французских парашютистов осенью 1979 года в Центрально-Африканской Республике. Это была часть операции по свержению императора Бокассы.

Неограниченный диктатор в 1976 году возложил на себя корону, а республику объявил империей. Редкий народ пережил такой кошмар, какой выпал на долю тысяч центральноафриканцев. Нищета была уделом почти каждого. Болезни косили людей. Процент неграмотности, один из самых низких в мире, не уменьшался, а увеличивался. А в это время император и его свита обогащались за счет подачек, на которые не скупилась иностранные компании, опустошавшие алмазные и урановые запасы страны.

Бокассу называли мультимиллиардером. Он никогда не расставался с черным чемоданчиком, в котором, как говорили знающие люди, умещалась стоимость десятка урожаев всех хлопковых, кофейных, табачных плантаций и мелких полей страны, тысячи кубометров ценнейшей африканской древесины, сотни каратов алмазов и т. д., добываемых на ее территории.

Увесистые «крохи» с императорского стола перепали и членам императорской свиты. Советник двора, ведавший казной, например, получал жалованье в 2,5 миллиона африканских франков в месяц, а средний заработок на душу населения составлял 1000 франков в год!

При всем этом в стране царил жесточайший террор. За подозрение в непослушании людей забивали до смерти палками. Недовольных пытали, потом уничтожали. Сам Бокасса лично участвовал в расстреле школьников. В его холодильниках на роскошной вилле в Колонго хранились расчлененные человеческие туловища и конечности. По свидетельству Фреда Копперма-

на; предпринимателя и почетного английского консула, все жители Банги знали, что Бокасса занимается ритуальным людоедством.

В стране росло недовольство. Гнев народа вот-вот должен был прорваться и смести диктатора. В этих условиях Париж, по свидетельству французской прессы, принимает решение убрать Бокассу и таким образом выпустить «опасный пар». «Пар» выпускали французские солдаты.

Перед вооруженными силами империализма в Африке стоят совершенно определенные задачи. Они защищают реакционные порядки и направлены против стран социалистической ориентации, против подлинно независимых государств. В ЦАР действовали солдаты регулярной армии. В других случаях, как мы видели, действовали наемники, называемые еще участниками «вооруженного альянса», которым командует один хозяин.

Участники альянса стремятся «раскачать» прогрессивные режимы, дестабилизировать обстановку на континенте. Черная сила, выступающая в качестве «ручного» или «дикого гуся», не знает пощады. Но только ли в Африке?

Вернемся к делу Бассе. При обыске у налетчика обнаружили документы, которые свидетельствовали о том, что он был платным карателем — с 60-х годов Бассе в составе отрядов наемников действовал в Африке. Там-то он и вошел во вкус убивать и грабить. На родину Бассе вернулся с богатым опытом, а главное, с необузданным аппетитом насильника.

Итак, Африка уже начала давать дивиденды, вложенные в наемничество. Бассе пополнил ряды грабителей. Вернулись домой, в свой «свободный» мир, и многие другие. Почти каждый что-то «пополнил». Ведь не случайно «Майк Икс» («дикий гусь» не захотел назвать фамилию) заявил в интервью корреспонденту Франс Пресс, что корпус наемников-французов формируется из «бывших членов экстремистской правой организации «Новый порядок», бывших солдат иностранного легиона и бывших заключенных».

Сравнительно недавно молодежное крыло британской ультраправой неонацистской партии «Национальный фронт» начало издавать журнал «Бульдог». Из номера в номер журнал призывает учащихся «почувствовать себя белыми», людьми «высшей расы», призыва-

ет ненавидеть цветных и черных. Одновременно «Бульдог» науськивает читателей на тех, кто придерживается марксистских взглядов. Учитель-англичанин, который вместе с другими демократически настроенными преподавателями выступил с протестом против черносотенного издания, говорил мне, что «Бульдог» рожден по инициативе и при участии бывших «диких гусей».

Вот откуда у мировой общественности тревога. Африку хотят превратить в своего рода рассадник, школу, где готовят наемников не только для «решения» африканских дел. Как герр Л. Кайзер, воспитанный в нацистской Германии, президент западногерманской фирмы «Орбиталь транспорт унд ракетен» (ОТРАГ), решил отрабатывать на африканской земле ракетное оружие для НАТО, так и Лензлингер, члены других «богатых европейских семейств» вербуют тысячи наемников не только для Африки. Когда во французском порту Гавре забастовали матросы танкера «Глобтик Винус», на его борт высадились вооруженные люди. Это были наемники, завербованные в Великобритании. Хозяин судна воспользовался их услугами, чтобы подавить стачку.

Все чаще и чаще капитал использует не только штрейкбрехеров, но и «псов войны». Многие из них прошли закалку в джунглях Африки. Вместе с боевыми навыками они приносят и ненависть к справедливости, к социализму, к коммунистам, ко всем прогрессивным силам. А как же иначе? Если «морально» убивать активиста из организации Лумумбы, то так же «морально» расправиться с членом профсоюза моряков.

Зловещие силы в лице наемников давно уже вышли за пределы Африки. Антони Моклер назвал их даже «вполне сформировавшейся социальной прослойкой». И не без оснований.

В мае 1968 года парижские студенты заняли здание Сорбоннского университета. Это был протест против политики и действий крупной буржуазии, против монополий, против несправедливостей капиталистического общества, выступление за демократизацию образования. Скоро, однако, в действиях студентов произошли перемены. От мирного и организованного протеста кое-кто перешел к насильственным действиям. Их вдохновителями и организаторами были левацкие элементы вместе, как свидетельствует А. Моклер, с... наемниками.

С бывшими наемниками, называвшими себя «катангцами». Правда, до сих пор неизвестно число этих наемников. Буржуазные журналисты, комментируя «университетский инцидент», стремясь доказать, что будто он обошелся без участия «солдат удачи», писали тем не менее, что после 60-х годов «дикие гуси» стали чрезвычайно популярными в Западной Европе и многие молодые люди, бравируя, называли себя наемниками, во всем подражали им. А что это значит? Если наемник, действовавший в Сорбонне, и не воевал в Африке, он, будучи слепком с Мюллера — «Конго», является законным, родным сыном тех, кто плодит «диких гусей». Отсюда использование буржуазией наемников для раскола и подавления демократических сил — факт бесспорный.

Наемники подстрекали студентов на вооруженные действия, на террористические акты. Так же как Штайнер похвалялся пройти через Западную Африку как «нож через масло», так и «катангские наемники» убеждали студентов, что под их командованием они заставят официальный Париж пойти на уступки.

Старая тактика провокаторов. Наемники были подсланы в Сорбонну, чтобы левацкими лозунгами спровоцировать студентов и тем самым дать предлог реакции расправиться с прогрессивными элементами в молодежном движении. И не только среди молодежи. Это было время, когда во Франции бастовало 10 миллионов рабочих. Ультправые рассчитывали, спровоцировав с помощью «диких гусей» студентов, обрушить затем удар на главного противника капитала.

События вокруг Сорбонны, может быть, впервые помогли увидеть наемника еще в одной роли. Факт остается фактом, что крупный капитал всячески поощряет самые реакционные силы (пример. — «Бульдог»). «Правый экстремизм, — считает Роберто Кьюди, журналист из итальянского еженедельника «Эуропео», — действительно существует, у него глубокие корни, более чем мощная поддержка, его ветви простираются повсюду». В последнее время, по свидетельству журналиста, «правый экстремизм установил важные контакты с левыми экстремистами, с теми, которые вдохновляются маоистской теорией». А Хосе Толо Бласко, убежденный нацист, активный деятель фашистской организации «Испанский кружок друзей Европы» (СЕДАДЕ), за-

явил, обращаясь к молодежи, что «правые и левые — это практически одно и то же».

Не являются ли в данном случае «дикие гуси» неким связующим звеном, посредником между правыми и левацкими элементами? «Урок», преподанный Сорбонной, свидетельствует, что вопрос вполне закономерен.

Жизнь показывает, что, защищая свои интересы, крупный капитал прибегает к услугам «дьяволов» любых расцветок и направлений. Представитель Итальянской коммунистической партии Гвидо Бимби, выступая на Международной конференции по вопросу о наемниках (Котону, январь 1978 г.), подчеркивал, что современный кризис мирового империализма со всеми вытекающими из него последствиями, в том числе снижением производства, безработицей, бесправным положением молодежи, создал огромный резервуар, из которого вербуются наемники и террористы.

Те, кто вербует наемников для Африки, подчеркнул он, организуют одновременно провокации против рабочего класса и прогрессивных стран Европы, то есть средства для тех или других целей поступают из одного источника. За реакционными провокациями неизменно стоят вербовщики, одни и те же секретные службы, одни и те же лица. Фашисты, агенты по вербовке наемников, секретные западные службы действуют заодно против народов Европы и Африки. Деятельность фашистов в Европе и наемников в Африке питается одинаковыми корнями. Не случайно на своем конгрессе в Барселоне, подчеркнул Бимби, фашистское собрание определило в качестве основных линий своей стратегии борьбу с левыми силами в Европе и свержение прогрессивных режимов в Африке.

Вот почему налет на почтовое отделение — это не только дело Бассе. Это преступление строя, системы, которая порождает наемников и использует их в самых недостойных целях. Вот почему наемничество перестало быть только африканской проблемой. Оно приобрело характер глобальный. И по этой причине стало объектом внимания мирового демократического движения молодежи.

Сегодня борьба молодых за экономические и социальные права, за мир немыслима без борьбы против наемничества.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Борьбу предстоит вести, и это стало очевидным, на многих направлениях. И одно из главных — идеологическое. Тем более что именно к идеологическому камуфляжу все чаще прибегают хозяева «диких гусей». Собственно, здесь мы являемся свидетелями изменения общей стратегии и тактики империализма. Потерпев тяжелые поражения в области экономики, политики, международных отношений, защитники капиталистической системы сосредоточивают серьезные силы для того, чтобы расширить и углубить борьбу с миром социализма, с коммунистическим, рабочим и национально-освободительным движениями в сфере идеологии. Причем в каждом новом раунде используются новые приемы, средства и аргументы.

В этом автор книги убедился спустя два года после встречи с беглецом из Вилья-Сиснерос, о которой рассказывалось в самом начале книги. Тогда, выговорившись, он положил руки на стол. Распятие замерло... Молодые люди, нанятые акционером «Лонро», тоже замолчали. Тем более что они уже достаточно ясно выразили свое отношение к Марселю.

Итак, прошло два года после встречи. У дакарского причала снова бросила якорь знакомая яхта. Команда на ней осталась прежней. Но сами молодые люди изменились. Вернее, стали другими их речи. Раньше, как помните, они отвергали наемничество только для себя. Теперь я услышал совсем необычный ответ на вопрос о том, что случилось с Марселем и что они теперь думают о нем, теперь, когда произошли события в Анголе и в других странах, когда история наемничества «обогатилась» новыми фактами, в том числе и за счет западноевропейской действительности. На этот раз беседа была не столь длительной, но зато гораздо более интересной за счет своей внутренней да, пожалуй, и внешней остроты.

— Где сейчас Марсель, мы не знаем, — услышал я ответ на первый вопрос. — Нет, не думаем, что его аре-

ствовали или подвергают каким-либо преследованиям. За что? Но даже если бы Марсель совершил какое-нибудь преступление как наемник, то все равно ни его судьба, ни его поведение не являются типичными для молодого человека Запада. Они не отражают тех идей, которые вселяют в нас всех надежду на достойную и справедливую жизнь.

Будь сейчас с нами Марсель, он наверняка бы промолчал. Наемники уже привыкли, что время от времени их из «гусей» превращают в «козлов отпущения». И за это тоже хорошо платят. Кто-то должен быть плохим, если общество хорошее, рассуждает западный идеолог. Существование дурных идей и взглядов автоматически предполагает наличие в духовном мире буржуазии добродетельных и гуманных.

Подобный прием в последнее время используется не только с помощью наемников. Если бы вдруг мировой общественности стало, например, известно, что хозяин яхты, акционер «Лонро», эксплуатирует на шахтах детский труд, то реакция могла быть совершенно определенной. Сначала верная монополиям пресса попыталась бы обелить хозяина. В случае неудачи хозяина принесли бы в жертву. Мнимую, конечно. «Это плохой капиталист!» — заявил бы какой-нибудь именитый журналист. А раз есть плохие капиталисты, то, значит, есть и хорошие. Писал же известный в Западной Европе финансист Жак Алибер в книге «Черная Африка и мы»: «Африка совершила ошибку, рассматривая капитализм как единый однородный блок. Есть хороший и плохой капитализм. И обвинять следует не столько систему, сколько человеческие отклонения... так как капитализм содержит этику, которую не все соблюдают».

В итоге человек-наемник, жертвуя собой, подчеркивает добродетели общества, его породившего.

— Поэтому, — продолжали мои собеседники, — использование наемников с целью убийства — это отклонение от правильного пути, от общественной системы, которая основана на уважении личности, веры в бога, частного предпринимательства.

Белоснежную яхту чуть-чуть покачивали волны. А на берегу группа африканцев. Прокаженные. Слепые. Нищие. Кто сделал их несчастными?

Сенегальский писатель и кинематографист Сембен Усман неоднократно делал попытку узнать виновника.

Вот на экране кадры из его фильма «Хала»: растерянные, несчастные люди. Такие же, какие столпились у сходней шикарных яхт. Их разорил Кадер. Он знал, что его отец хранит документы односельчан на пользование землей. Когда отец умер, сын продал документы. Так он стал предпринимателем. А сотни крестьян пошли по миру. После просмотра «Халы» Сембен Усман и сказал мне, что виновником страданий людей почти каждый раз является либо частный предприниматель, свой африканский или зарубежный, либо кто-то связанный с ним — военный, политик, чиновник.

Кадер украл чужую землю и продал ее. Чем же он, виновный в страданиях, болезнях, нищете, смерти крестьян, он, предприниматель, лучше предпринимателя, сделавшего своим бизнесом наемничество? Очередное «человеческое отклонение»?

Когда преступление очевидно, тогда защитники «диких гусей» становятся изощреннее.

— Бассе все-таки преступник?

— Да, он преступник, — соглашались со мной на яхте. — Его история, его конец печальны. Но у нас есть силы, чтобы все изучить, все проанализировать, дабы извлечь уроки. Мы должны признать свои ошибки и сохранить решимость не повторять их. Если мы не будем поступать так, мы придем в упадок...

Ответ — пример демагогии, политической и моральной лжи. Он нуждается в разоблачении, что тоже является элементом идеологической борьбы против наемничества. А разоблачение немедленно все поставит на свои места. Если знать истину и сделать ее достоянием миллионов, то тогда она заставит вместо фразы «если мы не будем поступать так» сказать «мы поступаем именно так». Ведь швейцарские, американские, португальские миллионеры и «состоятельные фамилии» во всем «свободном» мире продолжают вербовать наемников. Боб Денар и Майкл Хор сбивают новые стаи «гусей».

Многотысячно повторяются «ошибки», о которых говорилось выше.

Массовое повторение делает их характерной чертой жизни буржуазного общества. Потому что оно действительно идет к упадку.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧУЖИМИ РУКАМИ

От каравелл до канонерок	4
«Я наемник»	12
Распятие оживает	14
Грехопадение через кризис	21
Операция «Танго-эхо»	25
Естественные окопы наемников	29
«Спичка» поднесена	35
Армейский рюкзак и гражданский портфель	40

КОГО ВЕРБУЮТ

Яблоки от яблони...	48
Пилюли из золота	51
Спрут из Сен-Сира	55
Молоко леопарда	61
Ненависть после сладкого сна	68
Крестовый поход и катангский крест	72

КАК ВЕРБУЮТ

У «Черного кота»	76
«Олимпийские кольца Москвы не для Али»	82
«Надеть зеленые повязки!»	89
Союзники по ночному рейду	94
Ставка на «темнокожих бестий»	100
Дава — союзник Шрамма	108

ЦРУ И ДРУГИЕ ОСТАВЛЯЮТ СЛЕДЫ

Куда кривая выведет	114
В рулетку со смертью	130
«Серый кардинал»	137
Карьера любителя помидоров	139
Куда вывела кривая	144

К ОТВЕТУ!

Революция должна уметь себя защищать	154
Суд в Луанде	157
Дело Бассе?	164
Борьба продолжается	172

Кузнецов Л. М.

К89 «Дикие гуси» на мутной воде. — М.: Мол. гвардия, 1980. — 175 с., ил.

35 к. 75 000 экз.

В книге рассказывается о вмешательстве империалистических держав в дела африканских стран. На большом фактическом материале убедительно показана грязная история института наемничества, роль наемников как орудия империалистической политики в наши дни. Книга рассчитана на массового читателя.

К 11100—140 037—80. 0302030105

ББК 68.5(08)
327.215

ИБ № 2273

Леонид Михайлович Кузнецов

«ДИКИЕ ГУСИ» НА МУТНОЙ ВОДЕ

Редактор **А. Чигаров**

Художник **Вс. Арсеньев**

Художественный редактор **Н. Коробейников**

Технический редактор **Е. Брауде**

Корректор **Н. Павлова**

Сдано в набор 16.01.80. Подписано в печать 20.05.80. А01228. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 9,24. Учетно-изд. л. 9,6. Тираж 75 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2217.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.

30 ноя.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

